

Джеймс Холл Юнгианское толкование сновидений. Практическое руководство. Перевод с английского В. Зеленского. — СПб.: Б.С.К., 1996. — 168 с.

«Человеку со всей определенностью необходимы общие убеждения и идеи, которые придают смысл его жизни и помогают ему отыскивать свое место во Вселенной.

Человек способен преодолеть совершенно невозможные трудности, если убежден, что это имеет смысл. И он терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признавать, что играет роль в «сказке, рассказанной идиотом».

КГ. Юнг

*Межиздательская серия **«Библиотека аналитической психологии»***
Информационного центра
психоаналитической культуры
Санкт-Петербурга
Редактор серии В. Зеленский

Marie-Louise von Franz, Honorary Patron
Studies in Jungian Psychology by Jungian Analysts
Daryl Sharp, General Editor

Jungian Dream Interpretation

A Handbook of Theory and Practice

JAMES A. Hall, M.D.

Практическое руководство

Джеймс А. Холл

Перевод на русский язык под общей редакцией В.Зеленского

Санкт-Петербург
Б.С.К.
1996
ББК88.5
Х72
Джеймс Холл Юнгианское толкование сновидений. Практическое руководство. Перевод с английского В. Зеленского. — СПб.: Б.С.К., 1996. — 168 с.

Сновидения, называемые одними забытым Богом языком, а другими — «посланиями дьявола», издавна считались предвестниками будущего. Но современное понимание снов в тесной связи с личной психологией сновидца, с его установками и поведенчискими стереотипами во многом обязано новаторским работам швейцарского психолога, психиатра и мыслителя Карла Г-устава Юнга, который показал, что в сновидениях оживает бессознательная психика человека.
Данная работа представляет всестороннее теоретическое и практическое руководство к пониманию сновидений в свете основных положений и принципов аналитической психологии. Обсуждается и описывается юнговская модель психического. Приводятся разнообразные клинические примеры снов и способы их истолкования в контексте повседневной жизни сновидца.
Особое внимание уделено общим и повторяющимся сновид-ческим мотивам (падение, преследование, дома, автомобили, оплакивание, конец света, смерть, женитьба/замужество, сексуальные образы и т. д.). Отдельно рассматриваются травматические сны, компенсаторная и целеполагающая функции сновидений, сны как предвестник болезни или физических изменений, а также насколько сны связаны с возрастными этапами жизни того или иного человека и с процессом его индивидуализации.

ISBN 5-88925-004-3
ISBN 5-88925-004-3

Предисловие к русскому изданию

С того момента, как появилась эта книга, в моем подходе к сновидениям произошло много изменений, но само «руководство» остается существенно неизменным. Тот первоначальный энтузиазм, с которым я отнесся к лабораторным изучениям сновидений в той их части, которая касалась связи большинства снов с электроэнецефалографической картиной быстрых движений глаз (REM), значительно поубавился. Лабораторные REM-исследова-ния мало что добавили к тем принципам толкования сновидений, которые были установлены еще в третьем веке нашей эры Артеми-доромиз Эфеса, автором «Онирокритики» (Oneirocritica).*

Прозрения Карла Юнга и кодификация им основных принципов толкования сновидений оказались подлинным ренессансом в древней, повторяющейся истории толкования сновидений. Эти прозрения и являются главной основой, на которой зиждутся мои скромные размышления и предположения.

Наиболее распространенная ошибка, допускаемая начинающими онирокритиками,— торопливое стремление «истолковать» сон клиента, злоупотребление тем, что Юнг обозначил как «интуитивную функцию», и недоиспользование «ощущающей функции», свидетельствующей о том, что именно присутствует. Даже если кто-то и полагает, что он тотчас может интуитивно разгадать значение сна, ему следует повременить с какими-либо комментариями на этот счет, по крайней мере до того момента, пока ощущающая функция не исчерпает свои возможности в прояснении деталей сновидения. Только тогда можно дать волю функции интуитивной. Преждевременное использование интуитивной функции попросту вынудит толкователя спроектировать в сон то, о чем он уже думает, возможно, предсознательно. Такие факторы, как остатки дневных впечатлений, семейные и межличностные события, перенос/контрперенос, социальные обстоятельства, могут невольно внести свои ненужные коррективы.

Важно всегда помнить, что сон является продукцией одного из аспектов психического (архетипической самости), позволяю-

* «онирический» (греч.) — сновидный.

щей налаживать контакт с эго (или непосредственно менять саму эго-структуру). Детали сна в такой же степени не могут объясняться случайностями, в какой эпизоды хорошо отрежиссированного фильма нельзя приписывать «случаю».

«Интерпретация» вообще не должна быть стратегической задачей анализа сновидений, такой задачей является поощрение того, что Юнг называл «процессом индивидуации», становления, в той степени, в какой это позволяет внешнее окружение; способствование развитию того, что имеет природную потенциальную основу, способную к такому становлению. В этом смысле можно сказать, что даже животные и растения обладают способностью индивидуировать, хотя и не (насколько мы можем об этом судить) сознательно.

И еще. Наибольшее изменение в моем собственном мышлении коснулось осознания того, что видимое нами в сновидении зависит от наших исходных предпосылок относительно природы «реальности». Существуют только два эпистемологических направления узнавания чего-либо: конфронтирующее субъектно-объектное знание и соучаственное «мистическое» знание целого, частью которого выступает «узнаватель». Толкование сновидений — по крайней мере в той степени, в какой я знаком с его проявлениями в западных культурах,— основано на знании конфронтационном. Но, как вполне ясно высказывались Св. Григорий Нисский и другие,— это лишь один из путей познания. На языке толкования сновидений это то же самое, что не спрашивать: «Что значит этот сон?», а задаваться вопросом: «Что хочет сказать мне через этот сон мой собственный сно-производитель?». Взявшись за изучение сновидений, вы открываете дверь в область глубочайших вопросов философии и религии. Возможно, представляемая маленькая книга окажется полезной на пути этих поисков. Помните об изучении снов в серии: последующие сны могут скорректировать неправильные истолкования предыдущих. Сны говорят универсальным языком символов, предшествующим появлению и становлению различных языковых систем, таких как русский, английский, французский или санскрит. Почему же сны предпочитают обычно говорить на этом универсальном языке символов, когда существует множество примеров, демонстрирующих, что

они [сны] могли бы легко использовать лингвистическую (словесную) коммуникацию?

Сейчас я занят работой над обширной темой «Духовное использование снов», но не уверен, что ее можно завершить скоро, возможно, на это не хватит и всей жизни. А пока будем помнить слова французского писателя и кинорежиссера Жана Кокто: «Сновидец должен принять свой сон».

В заключение я хочу поблагодарить Санкт-Петербургское Психоаналитическое общество и Информационный Центр Психоаналитической Культуры за интерес, проявленный к данной работе, и инициацию в ее публикации в России.

Джеймс Холл, Даллас, Техас, США Суббота, 3 февраля, 1996 г.

Предисловие

На протяжении первых двух лет моей психиатрической практики я пытался сохранять нейтральное отношение к различным теориям толкования сновидений. Я надеялся,— полагая их все в равной степени ценными,— сохранить, в конечном итоге, возможность выявить преимущества и недостатки каждой на основе клинического наблюдения. И надеялся решить — по крайней мере для себя самого,— какая из «толкующих» теорий окажется наиболее предпочтительной.

Двумя главными претендентами в этом споре теорий были подходы к толкованию сновидений Фрейда и Юнга. На протяжении всего периода моей медицинской и психиатрической подготовки теориям Фрейда придавалось особое значение, когда речь заходила о снах, если, конечно, она вообще о них заходила. Во время психиатрической ординатуры в медицинском центре университета Дюка мой личностный анализ вел д-р Бингам Дай, последователь Салливана, который подчеркивал связь материала сновидения с ранними семейными паттернами и эго-идентичностью, основанной на этих взаимосвязях. Я до сих пор помню, что после семидесяти пяти часов анализа с ним я нетерпеливо заметил: *«Я знаю* о своем материнском комплексе, и у нас нет особой нужды искать его снова в

сновидении!» Он дружески рассмеялся, зная (что впоследствии признал и я) разницу между *знанием* как когнитивным содержанием и *знанием* в смысле житейской мудрости. Когда я покидал университет Дюка, чтобы вернуться в Техас, последний совет д-ра Дай был: «Не погружайтесь очень глубоко в юнговскую теорию слишком быстро». Как мне кажется, он чувствовал мое последующее глубокое притяжение к взглядам Юнга.

В конечном итоге я уже не мог иметь дело со снами во вне-юнговской перспективе. Все другие теории сновидений выглядели лишь частными проявлениями в контексте юнговского подхода, и я был не в силах загнать широкое видение Юнга в прокрустово ложе какой-либо подручной теории. Я стал убежденным юнгианцем.

Мой собственный юнгианский анализ оказался прежде всего моим главным наставником по части значения сновидений, за что я глубоко признателен аналитикам, работавшим со мной: Ривке Клюгеру, Дитер Бауманн, Мари-Луизе фон Франц и Эдварду Уит-монту. Работа с многими анализандами на протяжении ряда лет клинической практики принесла много подтверждающих данных. В 1977 году я опубликовал основную работу по истолкованию сновидений — «Клиническое использование сновидений: юнгианское истолкование и разыгрывание», в которой сравнивал юнгианскую теорию сновидений с другими известными теориями, выделяя различия и сходства. Кроме того, я сделал скромную попытку связать юнговское толкование сновидений с лабораторными изучениями физиологического сна и сновидений.

Настоящая работа не является обзором этих многочисленных сравнений, а нацелена непосредственно на практические советы относительно толкования сновидений и их использования в свете основных принципов юнгианской психологии. Я прослеживаю текущие клинические проблемы, приводя примеры и обсуждая, *почему* более предпочтительными оказываются те или иные толкования. В большинстве примеров я демонстрирую, каким образом эти интерпретации связаны с клиническими изменениями. В книге приводится ряд полезных справок и рекомендаций, хотя в ней и не ставилась цель дать исчерпывающий обзор всеувеличивающейся литературы по толкованию

сновидений.

Можно указать общие направления на пути к толкованию сновидений, но невозможно дать жесткие или неизменные правила для самой процедуры. Нет никакой замены личностному анализу и клиническому опыту под наблюдением опытного супервизора как по части самих базовых составляющих психоаналитической подготовки любой психоаналитической школы, так и в вопросе их сравнительного вычленения или эмфазы.

Сновидения, приводимые в книге в качестве клинической иллюстрации, не представлены во всей полноте амплификации (относительно некоторых юнгианских терминов см. Словарь в конце книги), возможной в процессе самой аналитической работы. В большинстве случаев я не стремился показать все

богатство матрицы личностного смысла и значения, в которых сновидение раскрывается во время анализа. Эти упущения, в известном смысле, необходимы для краткости, а так же для того, чтобы сфокусироваться на иллюстрируемой клинической проблеме. Все сновидения приводятся с разрешения сновидцев, но сходные мотивы и типы снов зачастую возникают у совершенно разных людей. Следовательно, никто из моих анализандов не должен отождествлять какое-либо из сновидений со своим собственным и соответственно воспринимать комментарии по поводу того или иного сна, относящимися к себе. Приводимые ниже сновидения взяты из богатейшей «палитры» клинического юнги-анского анализа и представлены исключительно в иллюстративных целях.

Глава 1

Основные понятия юнгианской психологии

Юнг использовал определенные понятия для описания различных составляющих психики, как сознательной, так и бессознательной. Они возникли эмпирическим путем в результате наблюдений за большим количеством клинического материала, включая и раннюю работу Юнга над тестом словесных ассоциаций. Последний заложил основу для полиграф-тестирования (современный детектор лжи) и привел к понятию психологического комплекса. (Юнг уже был глубоко погружен в изучение словесных ассоциаций, когда впервые прочел «Толкование сновидений» Фрейда, опубликованное в 1900 году).

Резонно рассматривать основные юнгианские понятия в нескольких категориях, хотя и следует помнить, что само подразделение на категории — вещь условная (по крайней мере в данном случае), существующая для удобства описания и обсуждения; непосредственно, в живой психике, различные уровни и многочисленные структуры действуют как организованное целое. Но так или иначе, существуют два базовых топографических начала: сознание и бессознательное. Бессознательное, в свою очередь, делится на личное бессознательное и объективную психику. Вначале Юнг называл последнюю «коллективным бессознательным», и этот термин до сих пор широко используется в аналитической психологии. Понятие «объективной психики» было введено с целью избежать путаницы с многочисленными коллективными группами в человеческом сообществе. Юнг хотел подчеркнуть, что сами глубины человеческой психики являются так же объективно реальными, как и внешний, «реальный» мир коллективного сознательного опыта.

Таким образом, наличествуют четыре уровня психического:

1) *личное сознание,* или «повседневное» обыденное осознавание;

2) *личное бессознательное,* специфическое только для данной индивидуальной психики, но не осознаваемое ею;

3) *объективная психика,* или коллективное бессознательное, по всей видимости обладающее в сообществе людей универсальной структурой; и

4) внешний мир *коллективного сознания,* культурный мир общих ценностей и форм.

Внутри этих базовых топографических разделов существуют общие и специализированные структуры. Общие структуры представлены двумя типами: архетипическими образами и комплексами. Специфических структур личных составляющих психики,— как сознательной, так и бессознательной,— четыре: *эго, персона, тень* и сизигия (парная группа) *анимуса/анимы.* В рамках объективной психики представлены архетипы и архетипичес-кие образы, число

которых точно не может быть установлено, хотя присутствует один примечательный архетип,— *самость,*— который так же может рассматриваться, как центральный архетип порядка.

Общие структуры

Комплексы — это группы образов, связанных между собой общим эмоциональным тонусом. Юнг в своем эксперименте со словесными ассоциациями обнаружил присутствие эмоционально-тонированных комплексов, заметив определенную регулярность в ассоциациях субъектов в связи с пропущенными или замедленными реакциями-ответами на словесный материал. Он установил, что каждый субъект подобных ассоциаций имеет склонность образовывать определенные темы, такие, скажем, как ассоциации с матерью — «материнский комплекс». Термин «комплекс» существовал весьма долго, прежде чем стал достоянием языка массовой культуры. Комплексы являются основными содержаниями личного бессознательного.

Архетипические образы составляют базовое содержание объективной психики. Сами архетипы непосредственно не наблюдаемы, но — по аналогии с магнитным полем — прослеживаются в своем влиянии на зримые содержания сознания, и выступают в форме архетипических образов и персонифицированных

или образных комплексов. Архетип сам по себе есть тенденция или склонность к структурированию образов нашего переживания определенным образом, но архетип это вовсе не сам образ. При обсуждении понятия архетипа Юнг сравнивал его с кристаллическим образованием в насыщенном растворе: решетчатая структура отдельного кристалла следует определенным правилам или принципам (собственно, архетипу), тогда как действительную форму, которую примет сам кристалл (архе-типический образ), заранее предсказать невозможно. Любой субъект рождается со склонностью формировать определенные образы, исключая образы самого себя. Например, существует универсальная человеческая тенденция создавать образ матери, но каждый индивид формирует свой особый материнский образ, базирующийся на этом универсальном человеческом архетипе.

Архетипические образы — это фундаментальные и глубокие образы, возникающие под воздействием архетипов на накапливаемый опыт индивидуальной психики. Архетипические образы отличаются от образов комплексов тем, что имеют более универсальный и обобщенный смысл, часто сопровождаемый нуминозным аффективным качеством. Архетипические образы сохраняют свою значимость у большого числа людей на огромном временном отрезке; они культурно встроены в коллективное сознание. Примерами такой культурной формы являются образы короля и королевы, Девы Марии и таких религиозных фигур, как Иисус Христос или Будда. Множество коллективных фигур и ситуаций несут в себе архетипические образы, оставаясь, как правило, совершенно вне осознания у субъекта относительно подобной проекции. Сильные эмоциональные реакции после политического убийства или смерти общественного деятеля,— президента или короля, кинозвезды или религиозного лидера,— показывают, насколько для многих людей конкретная фигура наполнена архетипической проекцией.

Любое повторяющееся человеческое переживание содержит в себе архетипическую основу: рождение, смерть, сексуальное партнерство, брак, конфликт противоборствующих сил и т. д. Хотя архетипы и могут эволюционировать, они подвержены столь

слабым изменениям, что практически могут считаться постоянными в пределах исторического времени.

В юнговской модели Самость является регулирующим центром всего психического, в то время как эго — всего лишь центр личного сознания. Самость — упорядочивающий центр, который фактически координирует всю психическую область. К тому же архетипическое является образцом, матрицей индивидуальной эго-идентичности. Термин *Самость* в дальнейшем будет использоваться для обозначения психического как целого.

Вообще же можно выделить три различных значения Самости:

1) психическое как целое, действующее как организационная единица;

2) центральный архетип порядка, если рассматривать Самость с точки зрения эго;

3) архетипическая основа эго.

Поскольку Самость есть более всеобъемлющая сущность, чем эго, восприятие эго'м Самости часто принимает форму символа высшей ценности: образов Бога, солнца как центра солнечной системы, ядра как центра атома и т. д. Аффективный настрой или тонус переживания Самости зачастую является нуминозным, чарующим или внушающим благоговение. Эго, переживающее Самость, может ощущать себя в качестве объекта верховной силы. Когда эго нестабильно, Самость может возникнуть в качестве успокаивающего или подбадривающего символа порядка, часто в виде мандалы, фигуры с отчетливой периферией и центром, скажем, круг в квадрате или квадрат в круге, хотя сами формы способны к бесконечному развитию и разработке. В восточных религиозных традициях мандалические композиции часто содержат бого-образы и используются в медитативной практике. Хотя среди структурных понятий юнговской системы Самость представлена в эмпирическом плане — поскольку она оказывается на пограничной территории феноменов, могущих быть продемонстрированными клинически,— она является полезным термином в психологическом описании того, что иначе неописуемо. Так, феноменологически Самость фактически неотличима от явления, традиционно именуемого Богом.

Связь между личным и объективным психическим

Наша точка отсчета в психическом представлена эго-комп-лексом, структуру которого мы привыкли обозначать местоимением первого лица единственного числа, а именно *Я.* Личностные слои психического, однако, покоятся на архетипической основе в объективной психике или коллективном бессознательном. Личностная сфера, как сознательная, так и бессознательная, развивается из матрицы объективной психики и пребышает в постоянной органической связи с этими более глубинными пластами психического, хотя развитое эго неизбежно склонно наивно полагать себя центром психического. Нечто подобное наблюдалось в культурной истории между приверженцами идеи о том, что солнце вращается вокруг земли, и их противниками.

Активность более глубинных слоев психического отчетливо переживается в сновидении, универсальном человеческом переживании, а так же в эксцессивной форме прорыва в остром психозе. В интенсивном юнгианском анализе анализанд приходит к принятию по существу полезных действий объективной психики в продвижении

эмпирического процесса индивидуации эго. Отдельные анали-занды изучают юнгианскую технику активного воображения, посредством которой возможно намеренное контактирование с этими более глубокими слоями психического в бодрствующем состоянии.

В структурном плане, каждый комплекс в личностной сфере (сознательной или бессознательной) образован из архетипической матрицы в объективной психике. В сердцевине каждого комплекса «обитает» какой-то архетип. Эго образовано по образцу архетипической сердцевины Самости; за личным материнским комлексом кроется архетип Великой Матери; родительское имаго (отца и матери вместе) имеет своим центром архетипический образ божественных родителей; существуют также глубокие архетипические корни для тени и многих ролей персоны. Архетипическая форма может включать в себя комбинацию отдельных видов; например, священный брак, или *гиеросгамос,* может также представлять объединение противоположностей. Архетипический уровень психического обладает способностью образовывать символы, которые фактически объединяют содержания, непримиримые на личном

уровне. Эта способность объективной психики образовывать примиряющие символы называется *трансцендентной функцией,* поскольку она может выходить за пределы сознательного напряжения противоположностей. В этом процессе конфликты не исчезают с неизбежной необходимостью, они прежде всего выходят за пределы собственных границ и релятивизируются.

Поскольку каждый комплекс в личном психическом зиждется на архетипической основе в объективной психике, то любой комплекс, укорененный достаточно глубоко, обязательно проявит свои архетипические ассоциации. Многое из искусства юнгианского анализа заложено в способности амплифицировать образы до такой степени, когда эго может пережить свою связь с архетипи-ческим миром в плоскости исцеления, но не до такой степени, что эго окажется поглощеным морем необъединенных архетипических содержаний. Например, если эго способно переживать свою связь с Самостью, то образуется ось эго-Самости, и после этого эго имеет более прочное ощущение своего родства с самой сердцевиной психического. Но если такое переживание происходит у слабого или неразвитого эго, то последнее может быть ассимилировано Самостью, что проявляется в виде психической инфляции и утраты ясной позиции в сознании, или — в наихудшем случае — временного психоза. При приеме психоделических препаратов, таких как ЛСД и псилоцибин, часто возникает переживание «быть Богом», что, по сути, есть переживание наркотизированым эго своей архетипической сердцевины в Самости, но без достаточной укорененности в реальности, позволяющей установить устойчивую ось эго-Самости.

Комплекс и архетип

Каждый комплекс представляет группу связанных образов, оформившихся вокруг центрального ядра значения, по существу являющегося архетипическим. С момента первого осознания эти архетипические возможности психического начинают наполняться личным переживанием, и взрослое эго чувствует, что сознательные, субъективные содержания есть просто сумма его собствен-

ных прошлых личных переживаний. Часто только в анализе, в сновидениях или в очень мимолетных эмоциональных переживаниях развитое эго может переживать подлинные архетипические основания комплексов. В практике анализа для облегчения подобного осознавания могут быть использованы многие имагинальные техники: направленное воображение, гештальт-техники, рисунок, работа с глиной, танец, конструирование проективных форм в игре «в песочек», гипноаналитические техники или, в наиболее чистом виде, активное воображение. В индивидуации, действующей наиболее непосредственно, эго всегда должно занимать позицию по отношению к содержаниям объективной психики, обнаруживаемым «на марше», а не взирать на них пассивно в качестве «ученика чародея».

Так как каждый комплекс держит личные образы в архетипической матрице, всегда существует опасность, что личные ассоциации окажутся ошибочными для сердцевины комплекса, приводя к простому редуктивному анализу, то есть к интерпретации текущих конфликтов исключительно в свете ранних детских переживаний. Обратным образом, чрезмерная архетипическая амплификация образов может привести к некоторому пониманию архетипов, но весьма вероятной остается возможность упустить непосредственно саму целительную связь между личной и объективной психикой.

Для того чтобы улучшить понимание динамической взаимосвязи между различными психологическими структурами, концептуализированными Юнгом, полезно разделить их на две категории: структуры идентичности и связующие структуры. Эго и тень — прежде всего структуры идентичности, в то время как персона и анима или анимус — связующие структуры. В естественном процессе индивидуации первой видится потребность в образовании сильного и надежного эго, с которым надлежит обустраиваться в мире. За этим следует задача установления связи с другими людьми и с общей культурой, в которой существует тот или иной человек. Обычно этого не происходит до тех пор, пока эго не начнет испытывать потребность в установлении связи с ар-хетипическими силами, лежащими в основании как коллективной культуры, так и личной психики — потребность, которая часто возникает в форме так называемого кризиса середины жизни.

Структуры идентичности: эго и тень

Базовая эго-идентичность формируется довольно рано, вначале в виде диады мать — дитя, возрастая затем в рамках семьи, а в дальнейшем, расширяясь с включением также растущего день ото дня культурного окружения. В процессе формирования эго определенные врожденная активность и индивидуальные склонности будут восприняты матерью или семьей положительно, но к другим побуждениям и активности оценка окажется негативной, так что они будут отвергаться. Кризис в обучении пользования туалетом ведет со временем к многим другим более тонким взаимодействиям, в которых эго-идентичность растущего ребенка отливается в форму предпочтений и антипатий к людям, от которых она зависит. Склонности и побуждения, отвергнутые семьей, так просто не теряются; они имеют обыкновение группироваться в некий образ наподобие альтер-эго, «поселяясь» под поверхностью личного бессознательного. Юнг назвал такое альтер-эго *тенью,* потому что, когда одна часть пары противоположностей

вынесена на «свет» сознания, другая, отвергнутая, часть оказывается — разумеется, метафорически — в «тени» бессознательного.

Так как содержания или качества тени потенциально составляют часть развивающегося эго, они продолжают приносить ощущение личной идентичности, но уже отвергнутой или непринятой, обычно связываемой с чувством вины. Поскольку тень в процессе раннего развития была разъединена с доминирующей эго-идентич-ностью, ее возможное возвращение, связанное с заявлением об участии в сознательной жизни, вызывает беспокойство. Многое из повседневной психотерапевтической работы и анализа заключается в том, чтобы создать место, в котором было бы безопасно вновь исследовать содержания тени и, возможно, интегрировать большую часть из отвергнутого и «отщепленного» ранее при формировании эго. Различные естественные атрибуты психического, отделенные в детстве, фактически необходимы для полноценной и здоровой взрослой деятельности. Агрессивные и сексуальные импульсы, например, очень часто отъединены, так как их выражение в детстве было бы несоответствующим или культурно отвер-

гаемым и проблематичным для родителей; но эти же качества являются основополагающими для нормального взрослого, у которого они могут быть видоизменены и интегрированы в форму, невозможную у незрелой эго-структуры ребенка. Но в тень аналогичным образом могут быть диссоциированы и другие характеристики, включая и спонтанную легкость выражения врожденного ума.

Сознательная интеграция содержаний тени несет в себе двойной эффект: увеличение сферы активности эго и освобождение энергии, требовавшейся прежде для поддержания разъединения и вытеснения теневых характеристик. Индивид часто переживает это как возрождение надежд или возвращение жизненных сил.

Поскольку тень является потенциальной составляющей эго, она склонна принимать ту же самую половую идентичность — мужскую у мужчин и женскую у женщин. Кроме того, оказываясь персонифицированной в сновидениях и фантазиях, тень, как правило, спроектирована на тех лиц того же самого пола, которых не любят и кому завидуют за качества, недостаточно развитые в доминирующем образе самого себя.

Связующие структуры: анима/анимус и персона

Усиленная эго-идентичность, осуществленная путем ассимиляции частей тени, все чаще и определеннее сталкивается с необходимостью связи с другими — как другими людьми, так и с транcличностной культурой коллективного сознательного мира и с транcличностными архетипическими содержаниями объективной психики. Двумя структурными формами, облегчающими задачу подобного связующего начала, являются анима или анимус и персона.

Характеристики, которые культурно определены как не соответствующие половой идентичности эго, имеют обыкновение быть исключаемыми даже из теневого альтер-эго и вместо этого констеллируются вокруг образа противоположного пола: мужской образ (анимус) в психике женщины и женский образ (анима) в психике мужчины. Юнг наблюдал такие образы в сновидениях и

фантазиях своих пациентов и пришел к выводу: эти образы столь важны, что разрыв с ними может породить чувство, которое первобытные культуры описывают как «потерю души».

Обычный способ, с помощью которого переживаются анима или анимус,— это проекция на лицо противоположного пола. В отличие от проекции тени такая проекция анимы или анимуса придает свойство очарования тому лицу, которое «несет» их в спроектированном виде. «Влюбленность» — классический пример взаимной проекции анимы и анимуса между мужчиной и женщиной. В течение всего периода такой взаимной проекции увеличивается ощущение личной значимости в присутствии того лица, которое представляет этот душевный образ в спроектированном виде, но может происходить и соответствующая потеря души и опустошенность, если подобная связь не поддерживается. Эта проективная фаза бессознательной идентификации другого человека с душевным образом в своей собственной психике ограничена во времени; она неизбежно завершается с разной степенью враждебности и злобы, поскольку реально существующее лицо не может жить в согласии с фантастическими экспектациями, сопровождающими спроектированный душевный образ. И с завершением проекции наступает пора установления истинной взаимосвязи с реальностью другого человека.

Рассматриваемые как структуры психического, душевные образы анимы и анимуса даже в проекции несут в себе функцию расширения личной сферы сознания. Их очарование воодушевляет эго и нацеливает его на те способы бытия, которые до этого еще не были интегрированы. Изъятие проекции, если оно сопровождается интеграцией спроектированных содержаний, неизбежно ведет к увеличению осознания, к его росту. Если же спроектированные анима или анимус не интегрируются в случае изъятия проекции, то процесс, по всей видимости, повторится с кем-либо вновь.

Интрапсихическая функция анимы или анимуса, ее роль в жизни отдельного человека напрямую соответствует тому способу, с которым она работает в спроектированной форме: выведению индивида из привычных способов деятельности, побуждения его к расширению горизонтов и движению к более постигающему пониманию самого себя. Эта интрапсихическая функция часто

возникает в сериях сновидений или появляется в художественных произведениях, как, скажем, в викторианской новелле «Она» Райдера Хаггарда, которую часто цитировал Юнг. Рима, женщина-птица из новеллы «Зеленые особняки» — пример менее сложный. Картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза» охватывает таинственным и загадочным очарованием фигуры анимы, в то время как Хисклиф из романа Эмилии Бронте «Грозовой перевал» — классический портрет анимуса; знаменитая опера Оффенбаха «Сказки Гофмана» всецело обращена к проблемам интеграции разнообразных форм анимы, и во всех случаях присутствует неизбежное очарование.

Поскольку образ анимы или анимуса — структура бессознательная или существующая на самой границе личного бессознательного и объективной психики, то этот образ по сути абстрактен и ему недостает тонких характеристик и нюансов реального человека. По этой причине, если мужчина отождествляется со своей анимой или женщина с ее анимусом, то сознательная личность теряет способность к различению и, соответственно, возможность

иметь дело с запутанной игрой противоположностей.

В традиционной европейской культуре (в которой Юнг прожил большую часть первого периода своей творческой жизни) анима мужчины управляла его неинтегрированной эмоциональной стороной, поэтому в ней прежде всего было естественным проявлять известную сентиментальность, нежели зрелое и интегрированное чувство. Аналогично анимус традиционной женщины с наибольшей вероятностью возникает в форме неразвитого мышления и интеллекта, и не как логически сформулированная позиция, а скорее в виде самоуверенных непластичных мыслительных форм.

Важно не путать эти исторические и культурные стереотипы с функциональной ролью анимы и анимуса в качестве душевных изображений. С возрастанием культурной свободы — как для мужчин, так и для женщин — принимать и усваивать нетрадиционные роли, общее содержание или внешность анимы или анимуса и в самом деле изменились, но их существенная роль проводников или психопомпов остается столь же неизменно отчетливой, как и в первых описаниях Юнга. Частичная интеграция анимы или

анимуса (которая не может быть такой же полной, как у тени) позволяет индивиду сотрудничать с другими людьми со всей их запутанностью и сложностью, равно как и с другими частями своей собственной психики.

Персона — это функция взаимодействия с внешним общественным (коллективным) миром. Сам термин происходит от латинского слова Persona, означающего «маску», в свою очередь пришедшего из древнегреческого театрального языка: комические и трагические маски носили актеры, разыгрывавшие классические драмы. Любая культура поставляет множество общепризнанных социальных ролей: отца, матери, мужа, жены, доктора, священника, адвоката и т.п. Эти роли несут в себе общепринятые и ожидаемые способы деятельности в каждой отдельной культуре, зачастую включая в себя определенные стили одежды и поведения. Развивающееся эго выбирает разнообразные роли, интегрируя их более или менее в доминирующую эго-идентичность. Когда роли персоны ей соответствуют — то есть когда они вполне и правильно отражают способности эго — они способствуют и облегчают нормальное социальное взаимодействие. Врач в белом халате, — психологически он так же олицетворяет («носит») персону («маску») медицинской профессии — имеет возможность более успешно и легко проводить обследование телесной деятельности пациента. (Противоположная персона, персона пациента, это как раз та, которую врачам очень трудно примерять к себе, когда они заболевают сами).

Здоровое эго может более или менее успешно усвоить различные роли персоны сообразно текущим потребностям той или иной ситуации. По контрасту с этим тень оказывается столь личной, что она есть нечто, что человек «имеет» (если, конечно, порой, не сама тень имеет эго). Однако бывает и несрабатывание персоны, что зачастую требует психотерапевтического вмешательства. Наиболее известны три случая подобного несрабатывания: 1) эксцессивное развитие персоны, 2) неадекватное развитие персоны и 3) идентификация с персоной до такой степени, что эго ошибочно «чувствует» себя идентичным с первичной социальной ролью. Эксцессивное развитие персоны может продуцировать личность, которая очень точно чувствует социальные роли,

но остается с ощущением, что «внутри» никакой реальной личности и нет. Недостаточное развитие персоны продуцирует личность, которая оказывается слишком уязвимой к возможным обидам, травмам и неприятию или оказывается сметаемой людьми, с которыми она взаимодействует. В этих случаях полезными являются обычные формы индивидуальной или групповой психотерапии.

Идентификация с персоной является более серьезной проблемой, в которой недостаточное ощущение своего эго оказывается отделенным от социальной роли персоны, так что любая угроза социальной роли воспринимается как прямая опасность для целостности самого эго. «Синдром пустого гнезда» — тоска и депрессия после того, как дети оставили дом,— невольно обнаруживает сверхидентификацию с персоной родительской опеки и может проявляться как у мужчин, так и у женщин. Человек, чувствующий пустоту и плывущий по течению во всем, за исключением работы, злоупотребляет персоной, соответствующей работе или профессии и, как правило, терпит неудачу на пути к более широкому чувству идентичности и компетентности. При проработке тяжелых случаев идентификации с персоной очень часто необходимо аналитическое лечение.

Процесс индивидуации

Индивидуация — центральное понятие в юнговской теории. Оно относится к процессу, в котором тот или иной человек в реальной жизни пытается сознательно понять и развить врожденные индивидуальные потенциалы своей психики. Поскольку архетипи-ческие возможности достаточно обширны, любой конкретный процесс индивидуации неизбежно не в силах достичь всего того, что возможно от рождения. Важным фактором поэтому является не номенклатура достижений, а прежде всего степень верности личности самой себе, своим глубинным потенциалам и уж, конечно, не примитивное следование эгоцентрическим и нарцистическим «причудам» или отождествление с коллективными культурными ролями.

Эго может отождествляться со структурами в личном бессознательном, которые не оказываются в согласии с более широким процессом индивидуации. Чаще всего это приводит к неврозу — ощущению раскола, отсутствию адекватных реакций-ответов и чувств. Подобный раскол может порождаться жизнью в семейной роли, предписанной в детстве, как возможной попытке избежать продвижения вперед через жизненные стадии и зафиксироваться на более раннем уровне.

Эго может также «выйти» из соприкосновения со своим процессом индивидуации как результатом отождествления с ролями, предлагаемыми ему в коллективных сферах,— либо с ролями коллективного бессознательного, в которых эго отождествляется с архетипом и впадает в инфляцию, либо с ролями, предлагаемыми в коллективном сознании,— социальными ролями — становясь чем-то, что, даже оставаясь ценным, не соответствует истинной индивидуальной судьбе. Отождествление с социальной ролью (идентификация с персоной), даже если эта роль принята и хорошо вознаграждена в широком общественном спектре, — еще не есть индивидуация. Юнг чувствовал, что Гитлер и Муссолини являются хорошим примером подобной идентификации с фигурами из коллективного бессознательного, ведущими как их самих, так и их нации к трагедии.[!]

Крайность отождествления с архетипической ролью в объективной психике (коллективном бессознательном) приводит к психотической идентификации с фигурой, оказывающейся большей (и менее гуманной), чем эго. Некоторые архетипические идентификации являются смешениями эго с культурным героем или фигурой Спасителя — Христа, Наполеона, матерью мира и т. д. Даже негативная идентификация может достичь архетипических пропорций (негативная инфляция), как, например, у людей с психотической депрессией, чувствующих, что они совершили «непростительный грех», поставив себя, по смыслу, даже выше Божественной власти прощать.

Трудно описать общий или успешный процесс индивидуации, поскольку каждого человека следует рассматривать, как случай уникальный, единственный в своем роде. Некоторые «нормы» все же могут быть установлены, такие, например, как сравнение

процесса индивидуации с движением солнца — восход в сторону ясности и определенности в период первой половины жизни и схождение в направлении смерти во второй половине жизни [2] — но подобные обобщения имеют постоянные поправки и модификации в каждом конкретном случае, в частности в процессе анализа.

В своем акценте на процессе индивидуации как центральном понятии аналитической психологии Юнг ясно выделял глубокую важность и уникальную ценность конкретной человеческой жизни. Приоритет подобной точки зрения отзывается эхом во всех мировых религиях, но упущен во многих современных массовых движениях, в которых индивид сведен к социальной, экономической или военной функции. В этом смысле индивидуация — это противовес угрожающей утрате человеческих ценностей в мире, который организован исключительно на технологической или идеологической основе.

На протяжении всей своей жизни Юнг проявлял глубочайший интерес к религиозному переживанию. Он вовлек себя в изучение восточных религий, постиг алхимию как неортодоксальную религиозную и психологическую практику и выявил преобразующие ритуалы, которые, как оказалось, все еще не потеряли своей силы в Западной христианской традиции. Так как Самость феноменологически возникает в той же самой образной структуре, которую очень часто связывают с божеством, она воздействует в такой же степени, что и Бого-образ в рамках психического. Связь между этим образом и тем, что теологические рассуждения относят к Божественному, остается открытой, хотя зачастую не всегда. Нуми-нозные переживания появляются в ряде сновидений и кажутся способными в случае их ассимилирования к созданию глубоких и длительных изменений в личностной структуре,— эффект, аналогичный некоторым религиозным обращениям и ряду пиковых переживаний в бодрствующей жизни.

Процесс индивидуации, выделяемый в теории Юнга и побуждаемый анализом, приводит к непрерывному диалогу между эго,— ответственным центром сознания,— и таинственным религиозным центром всеобщей психики, центром, который Юнг назвал Самостью: одновременно и центром эго, и трансцендентным ему;

началом, понуждающим эго к процессу индивидуации с тем, чтобы развернуть в общий строй все еще кажущиеся отдельными и не зависимыми эго-состояния. Мы не знаем природу Самости; это понятие, которое допускает обсуждение наблюдаемых в нем проявлений психического, но само не поддается прямому объяснению.

«Успешный» юнгианский анализ ведет нас к признанию крайне таинственной природы психического, кажущейся глубоко внутренней и одновременно трансперсональной, привязанной к индивидуальному эго и тем не менее более свободной во времени и пространстве, чем личность эмпирическая. На этой пограничной линии психического мы оказываемся у порога еще больших культурных вопросов, на которые найти ответ с помощью лишь клинического инсайта невозможно.

Глава 2 Природа сновидений

Сновидение — это универсальное человеческое переживание. В феноменологическом смысле сон есть жизненный опыт, который признается имевшим место в сознании или разуме во время самого состояния сна лишь в ретроспективе, хотя в момент непосредственного переживания сновидение несет то же самое ощущение правдоподобия, которое мы связываем с бодрствующими переживаниями; то есть он выглядит как нечто, происходящее в «реальном» мире, и только впоследствии признается принадлежащим миру «сновидения».

Феноменология сновидений включает события, не переживаемые в мире бодрствующем: внезапные сдвиги во времени и пространстве, изменения возраста, присутствие людей, о которых известно, что они умерли, или фантастические люди и животные, которые никогда не существовали. Возможно, наиболее радикальный сдвиг, переживаемый в сновидении,— смещение самой эго-идентичности от одного персонажа к другому или даже не к персонажу вообще, а к сновидческому эго, которое наблюдает за событиями как бы с позиции блуждающего всеведения.

В последние несколько десятилетий было проведено значительное количество работ, касающихся нейрофизиологических состояний человека в связи со сновидениями. Полученные данные позволили исследователям определять с известной точностью, когда спящий субъект находится в состоянии REM (rapid eye movement), то есть в состоянии, восходящем к стадии сна [3] с быстрыми движениями глаз. Разбуженный в таком REM-состоянии субъект с большой долей вероятности (хотя и не всегда) может поведать о своем сновидении, происходившем на момент пробуждения. Существует, однако, ряд отчетов о сновидениях, полученных не из REM-состояний сна. Еще в период начала широких исследований появились интригующие данные, указывавшие на связь направления движений глаз с содержанием переживаемого сновидения, хотя такие наблюдения до сих пор не получили достаточного подтверждения, чтобы стать общепринятыми.

Поскольку REM-состояние составляет большую часть времени, отведенного на сон у младенцев и маленьких детей, и постоянно уменьшается с возрастом, то здесь прежде всего видится биологическая детерминация подобного состояния, а не просто обслуживание психологических потребностей субъекта. REM-СОН обнаружен также и у большинства видов животных, у которых психологические факторы являются самодостаточными в гораздо меньшей степени. REM-СОН может изначально представлять процесс информирования, связанный с бинокулярностью зрения или служить целям периодического сигнального оповещения центральной нервной системы на протяжении ночи.

Но какой бы ни была биологическая основа сновидения, по всей видимости, у человека оно само обслуживает

определенный процесс, необходимый для здоровой психической деятельности. Фрейд приписывал сновидению роль охранителя процесса сна от вторжения вытесненных импульсов — положение, разделяемое далеко не всеми и даже входящее в противоречие с современными исследованиями в области сновидений. В противоположность этому позиция Юнга заключалась в том, что сновидение само по себе компенсирует ограниченные взгляды бодрствующего эго, позиция, согласующаяся с гипотезой информационных процессов, но выходящая далеко за пределы простого усвоения новых данных.

Сновидения как компенсация

Сновидение в аналитической психологии рассматривается как естественный, регулирующий психический процесс, аналогичный компенсаторным механизмам телесной деятельности. Сознательное осведомление, с помощью которого эго руководит собой, неизбежно остается частичным, и многое оказывается вне сферы эго. Бессознательное содержит как забытый материал, так и архе-типический, не осознаваемый в принципе, хотя изменения в сознании могут указывать на существование архетипов. Но даже и в сфере сознания некоторые содержания оказываются в фокусе внимания, тогда как другие (также имеющие на это «право»), — нет.[4]

Существуют три пути, следуя которым сновидение можно

рассматривать как компенсаторное, и все они важны в понимании клинического применения сновидений. Первый: сновидение может компенсировать временные искажения в структуре эго, направляя последнее к более всеобъемлющему пониманию установок и действий. Например, некто, рассердившийся на приятеля и обнаруживший, что гнев очень быстро себя исчерпал, может увидеть сон, в котором он неистово гневается на этого приятеля. Вспомнившийся сон приводит к уделению дальнейшего внимания к порции вытесненного гнева, возможно вытесненного по невротическим причинам. Для сновидца здесь также может оказаться важным осознание того, какой комплекс был констеллирован (активирован) в данной ситуации.

Второе и более содержательное направление компенсации заключается в самом пути, на котором сновидение, как саморепрезентация психического, может столкнуться с действующей эго-структурой, нуждающейся в более глубоком приспособлении к процессу индивидуации. Обычно это происходит, когда кто-либо отклоняется от присущего ему правильного и истинного пути. Целью индивидуации является не просто приспособление к существующим условиям, хотя адекватное приспособление всегда необходимо и всегда как бы ожидаемо (в крайнем своем выражении стоит задача встречи со смертью, как индивидуальным событием). Примером второго способа компенсации является сон человека, социально очень хорошо приспособленного — в своей общине, в семье и на службе. Ему приснилось, как очень властный голос произнес: «Ты не живешь своей подлинной жизнью!». Сила этого заявления, сама по себе разбудившая сновидца, сохранялась несколько лет и определяла направление его движения к личностным горизонтам, не вполне ясным к моменту сновидения.

Эти две формы компенсации — сновидение как «сообщение» эго и как саморепрезентация психического — охватывают классическую юнговскую идею о компенсаторной функции сновидений, существенно отличающуюся от традиционного фрейдовского взгляда на сновидения как на осуществление желаний или протекторы сна. Однако для меня все более ясным становится то, что существует более скрытый и более тонкий третий процесс, благодаря которому сны оказываются компенсаторными.

Архетипическая сердцевина эго есть неразрушимая основа «Я», способная, правда, отождествляться со многими персонами или эго-идентичностями. Сновидение может рассматриваться как попытка прямого изменения структуры комплексов, на которые опирается архетипическое эго с тем, чтобы отождествиться на более сознательных уровнях. Например, кажется, что многие сновидения буквально провоцируют эго сновидения на решение различных задач, достижение цели в которых могло бы изменить структуру бодрствующего эго, поскольку идентичность эго сновидения наиболее часто является частичной идентичностью эго бодрствующего. Эго в сновидении переживает события как взаимодействия с «внешними» ситуациями в пределах структуры сновидения; но внешние события в сновидении могут непосредственно отражать комплексы, вовлеченные в повседневную деятельность и структуру бодрствующего эго. Изменения во взаимоотношении с этими сновидческими ситуациями могут переживаться бодрствующим эго как изменение в своей собственной установке или настроении. Мария-Луиза фон Франц приводит особенно характерный пример такого типа компенсации на базе одного из своих собственных снов. После дневного ощущения близости смерти ей приснилось, что умер романтический молодой юноша — фигура анимуса. [5]

В обычном юнгианском анализе сновидения зачастую используются как точка связи во взаимодействии в аналитическом процессе. Аналитик и анализанд являются союзниками в попытке понять «послание» сновидения, адресованное эго анализанда. Иногда сновидения указывают, что внимание должно быть обращено на перенос — контрперенос, особую констелляцию, складывающуюся во взаимодействии в аналитической ситуации. Так как привилегированной позиции, из которой можно было бы узнать «правду» о психике другого лица, не существует, аналитик и анализанд объединены в исследовательское — по-своему рискованное — мероприятие, включающее базовое доверие между ними. И если сновидение фокусируется на этом взаимоотношении, то его следует рассмотреть аналитически.

В толковании сновидений важно никогда не чувствовать, что сон исчерпан. В лучшем случае в сновидении можно обнаружить подходящее текущее значение, но и оно может измениться в свете

последующих сновидений, так как толкование сновидения включает непрерывный диалог между эго и бессознательным, диалог, который может продолжаться бесконечно, а темы, затрагиваемые в нем, могут менять свой фокус и уровень. Даже в случае, когда сны и вовсе не истолковываются, они способны, порой, производить глубокое впечатление на бодрствующее сознание. Из наблюдений за воздействием непроанализированных снов можно сделать вывод, что даже незапомнившиеся сны играют жизненно важную роль в целостной психической жизни.[6] По мнению Юнга, сны постоянно что-то компенсируют и дополняют (более мягкая форма компенсации) в бодрствующем взгляде эго на реальность. Толкование сновидения позволяет направить сознательный взор в ту сторону, куда уже устремился процесс индивидуации, хотя бы и бессознательно. В случае успеха такое объединение сознательной воли и

бессознательного динамизма обеспечивает дальнейшему процессу индивидуации большую скорость, нежели в случае, когда сны остаются неизученными.

Дополнительная польза в толковании сновидений состоит в том, что эго удерживает в сознательной памяти остаток сновидения, позволяя индивиду обнаруживать сходные мотивы в повседневной жизни и занимать соответствующую установку или предпринимать соответствующие действия, в результате которых уменьшается необходимость в бессознательной компенсации всей данной проблемной области.

Использование неистолкованных сновидений

Персонификации в снах, включая образы сцен и неодушевленные предметы, отражают структуру психологических комплексов в личном бессознательном; все они представлены архети-пическими сердцевинами в объективной психике и являются объектами деятельности центрирующей и индивидуирующей силы Самости или центрального архетипа. Те отдельные комплексы, которые объективировались и приобрели образные формы в самом сновидении (включая отдельную констелляцию эго сновидения), отражают автономную активность Самости в отношении эго (как

бодрствующего, так и в сновидении). Поэтому, до известной степени, удается уяснить, что Самость делает с комплексами, объединяющими эго и другие содержания психического. Подобные наблюдения могут использоваться в неинтерпретативных случаях,— и это, фактически, лучшее из того, что можно применить в не-юнговских терапиях.

Мотивы сновидения могут относиться к настоящему или прошлому, указывать на конкретных людей, живых или мертвых, или изображать фигуры, неизвестные в бодрствующей жизни. Последние скорее всего оказываются персонифицированными частями собственной психики сновидца. Разобравшись с этим более внимательно и детально, можно выявить, что это за части и какие составляющие прошлого опыта эго сконстеллированы в сознательной психике на момент сновидения. Психотерапевтическое внимание к выявленным областям, даже и без формального интерпретирования сновидения, может вести терапевтический процесс в том же самом направлении, что и естественный поток индивидуации.

Когда комплексы представлены (как в техниках гештальта), на них сфокусирована дополнительная психическая энергия, и на выходе следует ожидать увеличение осознавания. Такое разыгрывание (enactment), однако, не составляет того самого использования сновидения, как в случае юнговского истолкования, поскольку фокус в подобного рода разыгрываниях направлен на сам скон-стеллированный комплекс, а не на использование данного комплекса в общей структуре сновидения.

Когда клиницист приобретает навык в толковании сновидений, последние могут служить дополнительным фактором в диагностической и прогностической оценке, а также быть тонким индикатором-помощником в установлении или изменении способов лечения, необходимости госпитализации и варьировании частоты психотерапевтических сеансов. Очень серьезно больной молодой шизофреник, например, часто видит себя сидящим в автомобиле, который начинает катиться назад, теряя управление. И это происходит всякий раз перед тем, как у этого молодого человека начинается обострение психотических симптомов, и ему требуется более интенсивное лечение. В некоторых случаях верным оказывалось и обратное: ему мог присниться явный успех или успешное овла-

дение чем-либо (например, легкая победа над мифическим Минотавром), когда у него наступала фаза улучшения. Однажды ему приснился цирковой фокусник, у которого оказались все части атомной бомбы, за исключением одной, находившейся у эго сновидца. Когда фокусник спросил о ней, эго-сновидец не признался в том, что она у него есть. Сон совпал по времени с устранением психотического «взрыва», параллельного его сознательным восстановительным усилиям. (Спустя много лет после лечения у многих врачей, этот больной покончил с собой; его последние сны мне неизвестны).

Сновидения могут иметь отношение к другому материалу, обсуждаемому во время аналитического сеанса, когда о них заходит речь, или к сеансам групповой психотерапии, на которых заходит речь о сновидениях, или к специфической жизненной ситуации сновидца в момент сновидения. Внимательное сопоставление с контекстом бодрствующего эго в момент сновидения минимизирует наиболее серьезную ошибку в клиническом применении сновидений: терапевт скорее всего проектирует на сновидение свои собственные мысли по поводу пациента, нежели использует сновидение в качестве корректирующего сообщения из бессознательного этого больного.

Толкование сновидения и имагинальные техники

Современная психотерапия использует не только толкование сновидения, но и многие имагинальные (образные) техники или приемы. Последние представляют собой разыгрывания, сконструированные для утилизации человеческого воображения: повышения активности правого полушария, смягчения не соответствующих установок предположений и идентификаций, лежащих в основе невротических переживаний. Я рассматриваю такие имагинальные техники как *разыгрывания* (enactments) в отличие от *отреагиро-вания* (acting-out) являющегося бессознательным (и, как правило, нежелательным) структурированием переживания в отношении к нераспознанным, бессознательным конфликтам. [7]

И толкование сновидений, и имагинальные техники призваны влиять на паттерны комплексов в сознании, как это делают эмоциональные переживания в повседневной жизни и в психотерапии. Работа со снами, возможно есть, наиболее прямой и непосредственный подход к изменению комплексов. Сходным по непосредственности воздействия является юнговский метод активного воображения, в котором бессознательные содержания всячески поощряются к тому, чтобы «появиться», а эго поддерживает свою бодрствующую роль посредника в конфликтующем напряжении сконстеллированных противоположностей психического.

Другие имагинальные техники включают гипноаналитичес-кую образность, рисунок и образы, вылепленные из бессознательного; «игру в песочек» (sandplay) для создания сцен с помощью маленьких фигурок в ящике с песком, психодраму, управляемое воображение и медитативные практики, в которых санкционирован свободный образный поток. Получаемый, таким образом, материал столь родственен возникаемому в сновидениях, что понимание клинического использования сновидений должно быть фундаментальной дисциплиной для применения всех

имагинальных техник в психотерапии.

Эго-идентичность и структура комплексов

В большинстве случаев целью клинического использования сновидений является стремление помочь сновидцу более ясно увидеть многочисленные формы его собственной личностной структуры, которая обычно не осознается и попросту отреагируется в мир, зачастую доставляя человеку невротические неприятности, заставляющие его искать профессиональной помощи. Эта работа терапевта по сути напоминает естественную спонтанную активность сновидений, поскольку сами сновидения уже пытаются вывести личность из невроза и запустить процесс индивидуа-ции. Сновидения снятся вовсе не для того, чтобы анализироваться и толковаться, но их понимание сообщает нам, где бессознательное уже пытается изменить образ эго в сторону здоровья и индивиду ации.

Здоровье и индивидуация, однако, не всегда рядоположны; то, что «здорово» для одного доминирующего эго-образа на определенной стадии жизни, может оказаться совершенно нездоровым для нарождающегося эго-образа *следующей* стадии жизни. Психологически, как и в других областях жизни, лучшее — враг хорошего. Индивидуация — более широкое и более сложное понятие, чем «здоровье». Индивидуация — процесс динамический; он включает постоянное изменение и ведет, в конце концов, к принятию конечности жизни и неизбежности смерти.

Изменения в настроении могут визуализироваться в виде перемен в структуре комплексов, лежащих в основе образа эго. До некоторой степени эго способно производить такие изменения, когда кто-то, скажем, напоминает самому себе о важных личных приоритетах в амбивалентной ситуации. Но это не более серьезно, чем напоминание о намерении избавиться от лишнего веса в ресторанном меню. Имея дело с более важными вещами, необходимо иметь и более глубокие уровни изменения идентичности, однако эти необходимые изменения лежат вне сферы сознательного выбора эго. На своем уровне эго должно попросту делать то, что оно может, после чего ждать действия трансцендентной функции и результатов этого действия,— символо-производящей способности психического, которая обладает возможностью изменять конфликт противоположностей путем выработки символического решения, делающего относительными обе враждующие противоположности в более широких пределах смысла.

Клиническая работа со сновидениями включает и помощь эго делать то, что находится в пределах его власти. В то время как лежащие в основе эго необходимые трансформации просматриваются случайным путем в образах сновидения, они не могут заказываться по воле пациента или анали-тика. Ответом на настойчивую мольбу пациента сказать, «что *делать»,* является «делать то, что он может», следовать, насколько возможно, ближе к формам, в которых конфликт представляет себя, воздействовать, как только это возможно, на саму ситуацию — а затем ждать, наблюдать и доверять. Поддержка этого процесса — важная составляющая в преобразовании психического. Аналитическая ситуация (и личность аналитика) может быть единственным *теменосом,* которым обладает пациент,—

безопасным местом, в котором жизнь проходит целиком вместе во время тревожного перехода от старого эго-образа к нарождающемуся, более всеохватывающему и постигающему новому.

Принципиальным здесь является то, что сам эго-образ может меняться в зависимости от того, какой комплекс (или комбинация комплексов) использует эго в качестве доминирующей идентичности. Это достаточно легко увидеть в теневых проекциях, где эго чувствует себя «оправданным» в активном выражении неодобрительности к кому-либо (обычно принадлежащим к тому же полу, что и эго), кто воплощает качества, присутствующие (в ком-либо другом, кроме лица, осуществляющего само проектирование) в эго-образе пациента. Если такая теневая проекция и в самом деле является составной частью характерологической структуры данного лица, то сновидения часто демонстрируют эго сновидения вовлеченным в эту теневую деятельность или установку.

Если сама тень не проектируется, а эго ее отыгрывает, то в случае, когда тень интегрируется или диссоциируется из доминирующего эго-образа, может возникнуть любопытный тип сновидения. Например, «завязавшие» алкоголики вскоре после того, как они бросили пить, часто наблюдают во сне разнообразные сцены, связанные с употреблением алкоголя. Похожая картина наблюдается и у курильщиков, бросивших курить. Такие сновидения, простые по структуре, предполагают, что паттерн эго-идентичности , в который была встроена теневая деятельность, все еще продолжает сохраняться, хотя само эго уже больше с ним не отождествляется. (В понимании этих снов упрощенно, как осуществление желания, скорее всего, есть опасность очернить эго прошлыми установками и поведенческими стереотипами, нежели подбодрить его устремление от них прочь).

Более сложные сновидения иллюстрируют тот же самый принцип. Мужчина среднего возраста, который одно время хотел стать священником, но после этого сделал неплохую карьеру в другой области, вел чрезвычайно активную половую жизнь. Будучи разведенным со своей женой (с которой он тем не менее сохранял половую связь), он имел длительные еженедельные встречи с замужней приятельницей; в другое время он посещал местный бар, где находил женщин для случайных половых контак-

тов. В период такой лихорадочной сексуальной активности его сны всячески указывали ему на необходимость отправиться в церковь и причаститься! Его тень сохраняла то, что прежде обладало позитивной ценностью — религиозное личностное устремление и интерес — и оказалось диссоциированным, вероятно, вследствие крайнего фундаменталистского раскола между сексуальностью и религиозностью.

Этот пример помогает также понять, что сама по себе тень не является положительной или отрицательной. Тень — это всего лишь образ альтер-эго, персонифицирующий те содержания, которые не приписывает себе сознательная личность. Тень может выглядеть негативной с точки зрения доминирующего эго-образа из-за диссоциации и частичного вытеснения из эго, но ее действительные *содержания* оказываются положительными или отрицательными в зависимости от состояния наличествующего эго-образа.

Структура комплекса, связанного с эго-идентичностью, часто биполярна или даже более усложненная. Относительно простой биполярный комплекс имеет два паттерна идентичности, организованных специфическим образом. Один полюс часто приписывается эго как паттерн идентичности, в то время как координирующий противоположный полюс либо вытеснен в тень (со случайными проявлениями), либо спроектирован на лицо во внешнем окружении, обычно на близкого члена семьи, где он определяет безличностный паттерн взаимоотношения

между эго и тем лицом, на которое спроектирован противоположный паттерн. Это, по сути, безличностная структура связи, которая одновременно вмешивается в индивидуацию того лица, которое бессознательно осуществляет проекцию, и препятствует достижению устойчивого личного взаимоотношения с тем лицом, на которое эта проекция направлена.

Другим примером биполярной структуры является паттерн господства/подчинения, где один полюс взаимосвязи рассматривается как господствующий, а другой — как подчиненный. В такой безличностной взаимосвязи, основанной на данном паттерне, большинство взаимодействий между этим двумя лицами осуществятся в пространстве упомянутого паттерна: один будет подчиненным, а другой окажется доминирующим. Но часто возникают

и симптоматические свидетельства обратимости паттерна. Например, очень преуспевающий бизнесмен, десятилетиями заботившийся обо всех окружающих, вышел в отставку и обнаружил, что страдает иррациональными страхами по поводу возможной внезапной болезни, в которой он мог бы почувствовать себя зависимым и беспомощным. Обсуждение показало, что страх смерти не являлся главной составляющей. То, чего он в действительности боялся, было переживанием противоположной (зависимой и подчиненной) идентичности, которую он всячески избегал с ранних лет с помощью компульсивной работы и заботы о других.

Сходная динамика определяет не столь редкую ситуацию, когда пилот или стюардесса боятся лететь в качестве *пассажира.* В случае со стюардессой вопрос о «сохранении контроля» над самолетом во время полета отсутствует, но символическое значение такого контроля имеет место. Еще чаще встречаются случаи, когда человек боится ехать пассажиром на автомобиле, хотя прекрасно себя чувствует, когда сам оказывается за рулем. Я знаю по крайней мере один обратный случай: одна очень влиятельная и руководящая собой женщина — до самонадеянности — не может заставить себя сесть за руль автомобиля и вынуждена нанимать шофера или такси даже для поездок на малые расстояния.

Не столь уж трудно приблизительно представить себе движение эго по разнообразным паттернам, изображая комплексы в личном бессознательном в виде неупорядоченной «сети» с определенными группами комплексов, собранных в паттерны, причем, каждая группа находится в контакте со всеми другими комплексами из этой сети. Если архетипическая сердцевина эго, основанная на Самости, представлена как луч света, то отдельные комплексы, освещенные этим «светом», будут текущими идентичностями эго. Та область, которая освещена, всегда соседствует с частью сети, остающейся в темноте. Эта неосвещенная сеть относится к разнообразным структурным паттернам не-эго — тени, аниме и т. д. Если «световое» эго перемещается, то оно меняет не только сами «содержания» эго, но также и паттерны взаимоотношений, связанных с этими содержаниями. В состоянии обычного сознания человек не осознает перемещения «света» эго, а попросту считает, что эта освещенная зона и *есть* эго.

Такой метафорический образ сети и света нуждается в дальнейшей разработке, поскольку сама сеть — структура нефиксированная. Фактически, когда эго «освещает» зону, оно тем самым получает возможность производить изменения в сети комплексов в данной области. Поскольку все комплексы находятся во взаимосвязанной области, любое изменение в одном вызывает в той или иной степени изменение в структуре всех других. Эго не только пассивно переживает «сеть», но активно участвует в создании (или разрушении) структуры «освещенных» комплексов.

Ситуация становится еще более таинственной и усложненной, когда человек осознает, что эго — не единственная сила, которая может воздействовать на структуру комплексов. Последние также могут быть изменены деятельностью Самости или непосредственно (в констелляции отдельного контекста сновидения), или же опосредованным образом, через Самость, приводя эго лицом к лицу к определенным конфликтам или стадиям роста, которые эго пыталось избежать. Как эго, так и Самость влияют на структуру комплексов, на которые полагается эго в своем собственном ощущении идентичности. Ко всему прочему важно помнить, что эго основано на архетипе Самости и поэтому, в некотором смысле, оно является заместителем или представительским агентом Самости в мире сознания.

Чувство меняющегося процесса структур идентичности весьма полезно в клиническом использовании сновидений. Для того чтобы вести хорошую клиническую работу, используя толкование сновидений, совсем необязательно влезать во все глубины теоретических вопросов, связанных со сновидениями. Последние включают в себя прежде всего 1) эпистемологические вопросы относительно природы знания, 2) религиозные вопросы по поводу природы познающего в связи с окружающей его тайной существования и 3) промежуточный ряд структур обеспечения (архетипические мотивы), отраженный в мифах, сказках и народном фольклоре. Эти последние составляют богатое поле для прямого изучения архетипического символизма, но их следует использовать в интерпретации любой отдельной клинической ситуации с предельной осторожностью, так как сложность отдельной личности гораздо выше, чем сложность любого мифа.

Глава 3

Юнгианский подход к сновидениям

В юнгианском подходе к толкованию сноввдений выделяются три главных момента:

1) ясное понимание деталей сновидения, как таковых;

2) сведение воедино ассоциаций и амплификации в определенный порядок на одном или более из трех уровней — личном, культурном и архетипическом, и

3) помещение амплифицированного сна в контекст жизненной ситуации сновидца и в процесс его индивидуации.

Существуют, как уже указывалось, много неинтерпретатив-ных применений сновидений, таких как гештальт-разыгрывания разнообразных мотивов снов, ведущих к пониманию комплексов, символически представленных в сноввдений, но они совсем необязательно высвечивают значение самого сновидения, которое всегда должно быть рассмотрено на фоне текущей жизни сновидца.

Ясное понимание точных деталей запомнившегося сна существенно в смысле минимизации опасности редукционизма. Если анализанд просто сообщает, «мне приснилась работа», то остается неясным, действительно ли во сне возникла каждодневная рабочая ситуация или же здесь использовалась рутинная событийность для того, чтобы символизировать внутренние психические процессы. Сказать «Мне снилась работа» — равносильно если сказать, что пьеса «Гамлет» посвящена «семейным отношениям». Без пристального внимания к внутренним взаимоотношениям образов сновидения (в особенности в сериях снов) аналитик оказывается перед опасностью спроектировать свою собственную теорию на материал пациента. Если аналитик убежден, что межличностные отношения обладают первостепенной важностью, то ему слишком легко «увидеть» в фигурах сновидения связь с теми или иными людьми во внешнем мире. Аналогичным образом чрезмерный акцент на переносно-контрпереносной связи (искажение взаимоотношения пациент — аналитик, основанное на бессознательной динамике у обоих) может привести к тому, что слишком много

сновидений будет интерпретироваться в терминах аналитической ситуации. Форма редукционизма, к которой наиболее склонны аналитики-юнгианцы,— это то, что можно назвать *архетипичес-ким редукционизмом.* Так как все комплексы возведены из архе-типической сердцевины, то *всегда* возможно переамплифици-ровать мотив сновидения в сторону архетипического значения с сопутствующей опасностью замещения архетипическими (часто очаровывающими) амплификациями напряжений индивидуацион-ного процесса в собственной жизни сновидца.

Вопросы, требующие полного выяснения всего, что касается сна, схожи с теми, которые обычно используются для прояснения любой ситуации в обычной истории болезни. К примеру, если пациент рассказывает доктору о боли, то существует много дополнительных деталей, которые необходимо уточнить, например: боль постоянная или периодическая? Если периодическая, то какова частота ее появления? Боль острая или тупая? Появляется ли она в одном или в нескольких местах? Если в нескольких, то не кажется ли, что она начинается в одном месте, а отдает в других? Что усиливает боль? Что ее облегчает? Мешает ли она пациенту спать? и так далее.

Предположим, анализанд сообщает, что во сне он увидел черепаху. Каков размер этой черепахи? Какого она цвета? Спокойная по виду, спящая или активная? Наблюдаются ли еще какие-нибудь необычные признаки? Я сам видел во сне черепах до пятидесяти метров в диаметре, правда, видел и маленьких величиной в несколько дюймов. Но маленькая черепаха оказалась способной подпрыгнуть на три фута (приблизительно около метра,— *В.З.)* вверх и проглотить одним глотком довольно большой кусок ростбифа. Черепаха — это *не* просто черепаха!

Амплификация образов

Амплификация образа сновидения аналогична «счистке» трех слоев комплекса. В первом обнаруживаются личные ассоциации — *где* данный образ появился в жизни пациента, *что* он Думает об этом образе, *как* он его чувствует, ощущает и т. д. Эти

ассоциации обнаруживают природу комплекса, как он развивался вокруг архетипической сердцевины. Например, во сне может появиться человек, знакомый сновидцу, и здесь встает вопрос: должен ли этот образ сна рассматриваться *объективно* (относиться к реальному лицу во внешнем мире) или же *субъективно* (использование другого лица для персонификации какой-либо части собственной психики сновидца). Практически, знакомые люди, места или события вполне вероятно «заносят» в сон объективный смысл, но они могут также относиться к интрапсихическим реалиям сновидца, в особенности когда они сопровождаются сильным эмоциональным настроем. Разумеется, резонно всегда иметь в виду обе возможности, но в клинической работе со снами с позиций юнги-анского подхода акцент всегда делается на интрапсихическую значимость образов сна.

«Средний слой» комплекса содержит образы более культурного порядка или трансперсональные, такие как правило красного сигнала светофора, означающего СТОП; белый цвет брачного наряда; Президента, олицетворяющего управляющий центр в государстве, и т. д. Культурные амплификации зачастую известны сновидцу на сознательном уровне, но могут оказаться не упоминаемыми спонтанно. Если сновидец выражает согласие в случае предложенной ему аналитиком возможной культурной амплификации, то ее можно с уверенностью рассматривать, как потенциальную составляющую комплекса, обусловившего данный образ

сновидения.

Третий, архетипический, уровень амплификации характеризует юнгианское дополнение в общее пространство толкования сновидений. Архетипы сами по себе невидимы и являются попросту некоей тенденцией структурировать опыт определенным образом. Любой образ, структурированный архетипом, становится образом этого архетипа (хотя всегда передающий меньше, чем целокупная потенциальность архетипа). Архетипические образы в сновидениях часто не распознаются, потому что: 1) аналитик может быть не осведомлен о мифологическом или архетипическом значении определенного мотива; и 2) поскольку любой повторяющийся человеческий опыт может быть архетипическим, многие архетипические элементы слишком «намозолили глаза», чтобы привлекать к себе внимание.

Архетипические образы — это те образы, которые утвердили свою значимость на достаточно большом количестве людей в течение достаточно длительного времени, чтобы стать общепринятой частью большой символической системы — часто изображаемые в фольклоре, запечатленные в сказке, мифе или религиозной системе, архаические или продолжающие жить и сейчас. Психика многих людей способна «отфильтровывать» архетипический образ.

В клиническом сеттинге (лечебном процессе) вовсе не обязательно, по моему мнению, делать интерпретации на архетипическом уровне, чтобы провести доброкачественное толкование сновидения. Правда, встречаются случаи, когда архетипическая интерпретация гораздо более значима, чем толкование на индивидуальном уровне. Распознание архетипических образов, неизвестных сознательному разуму сновидца, может приоткрыть важное теоретическое окно в глубины природы психического и обеспечить более здоровую перспективу в наших личных каждодневных драмах.

Контекст сновидения

Сновидение следует «прочитывать» в контексте текущей жизни сновидца. Юнг чувствовал, что сновидения наиболее часто оказывались компенсаторами сознательной позиции эго, предлагая точку зрения (часто более

содержательную), противоположную установке господствующей эго-идентичности. Эго всегда обладает ограниченным взглядом на реальность, в то время как сон проявляет тенденцию к увеличению эго (хотя фактическое увеличение может временно потребовать более узкого или более сфокусированного информирования). Помещение сна в контекст жизни сновидца вовсе не поддерживает облегченное «прочтение» или получение «ключа» к пониманию будущего действия. Точно также, принимая сон в качестве подтверждения текущей сознательной позиции сновидца, очень легко в большинстве случаев упустить компенсаторную информацию, которую содержит сновидение. Существует общее правило: если вы уже знаете, что — как вам кажется,— говорит сон, то вы упустили его значение.

Когда толкование сновидений делается установившейся практикой в психотерапии, контекст на протяжении серии снов также развивается, и появляется возможность увязывать образ в текущем сновидении с аналогичным образом в сновидениях предшествующих. Связанные, но различные образы могут рассматриваться как разные виды того же самого комплекса, часто принося дополнительные подсказки к выявлению смыслов, лежащих в их основе. Существуют и другие «заповеди» в толковании сновидений, но эти три вышеописанных базовых направления составляют саму суть.

Последующие разборы специфических примеров снов наряду с собственным опытом аналитика или врача будут способствовать пониманию того, как эти принципы применимы в реальной практике. Некоторые сновидения весьма легко укладываются в классическую драматическую структуру — ситуация, проблема и осложнение, кульминация и результат. В таких сновидениях часто возможно проследить неожиданные связи между сценами,— когда последующая сцена имеет своей, в некотором смысле, «причиной» действие эго сновидения в сцене предшествующей. Это особенно важно при наблюдении активности (или ее недостатке) эго сновидения, часто предлагающего непосредственные параллели в бодрствующей жизни. В общем, активность сновидения, имеющая место без участия эго сновидения (или с участием эго сновидения в качестве внешнего пассивного наблюдателя), также имеет отношение к «внешнему» — то есть бессознательному — в бодрствующей жизни сновидца. Другие принципы мы обсудим в последующих главах.

Глава 4

Сновидения как диагностический инструментарий

Первоначальные сновидения в анализе

На этапе предварительной работы с будущим анализандом его сны могут дать информацию как для диагноза, так и для прогноза. Хотя толкование сновидений никак не может заменить обстоятельное клиническое интервью и обследование умственного статуса, сны могут оказать существенную помощь в том случае, когда они объединены соответствующим образом с другим клиническим материалом.

Соответствующий опрос по поводу недавних или значимых снов вполне уместен в первом интервью; здесь важны любые вопросы, позволяющие пронаблюдать за интеллектуальной деятельностью пациента: поток мысли, способность к абстрагированию, ориентация во времени, месте и ситуации; оперативная и долговременная память; суждения в реальной и гипотетической ситуации; уровень, согласованнность и тип аффективной реакции-ответа (response); и такой факультативный, но интересный аспект умственной деятельности, как понимание пословиц. Новые пациенты зачастую оказываются польщенными, когда их спрашивают о снах, так как в расхожем мнении толкование сновидений считается естественной частью психоаналитической практики {*психоанализа* вообще, а не просто фрейдовского психоанализа). В повседневной жизни обычно публика весьма живо интересуется значением снов, и порой не всякий глубинный психолог способен удовлетворить этот интерес.

Недавние сны, в особенности приснившиеся после первого интервью, могут выявить некоторые стороны текущей бессознательней деятельности пациента. Сновидения, появившиеся на начальном этапе анализа, иногда указывают на долгосрочный исход представляемой проблемы. Человек с застарелой привычкой носить одежду лиц

противоположного пола (cross-dressing), например, в начале анализа видел сон, в котором он был одет в женскую одежду, шел через стоянку автомобилей, направляясь в отель, когда вдруг одежда соскользнула с него, от чего он, впрочем, даже и не встревожился.

Это послужило предзнаменованием успешного лечения трансвестизма (не содержавшего элементов гомосексуализма) в пределах сравнительно короткого периода терапии (разумеется, в процессе лечения наблюдались свои трудности и кризисные периоды).

Другому мужчине с проблемами половой идентификации с самого начала анализа приснились два сна, указавшие на фактическое решение его беспокойства. Он вел себя и гомосексуальным и бисексуальным образом, но предпочитал быть только гетеросексуальным. Его гомосексуальное поведение, равно как и его беспокойство, и низкая самооценка, казались тесно связанными с эдиповыми проблемами; выражаясь психодинамическим языком, он искал мужской связи, чтобы компенсировать то, что, как он чувствовал, было эмоциональным отсутствием отца. Его сны показали, что бессознательное было готово усвоить проблему с помощью успешного умозаключения.

СОН 1:

Я нахожусь в притоне (sex den) или пещере — каком-то логове, неряшливом и неприятном. Я допиваю чье-то питье на ритуальный манер. Сцена меняется, и я оказываюсь на высоком дереве с множеством ветвей. Я не могу слезть с него. Вокруг меня присутствуют другие люди, играет радио. В конце концов я понимаю, что никто мне не поможет, и я должен спрыгнуть сам. Все же я зову на помощь, приходят двое мужчин и приставляют толстую доску к тому месту на дереве, где я вишу.

СОН 2 (спустя две ночи):

Я с каким-то мужчиной в здании в Гонолулу. Мы проходим в цокольный этаж к восточным баням и шлепаемся плашмя в разные бассейны. Затем там мы усаживаемся в кресла с ремнями наподобие тех, что в самолете или в Дисней-парке. Мой спутник знает, как пользоваться ремнями, а я не прочел инструкцию. Тем не менее к концу нашей

поездки с ремнями я справился. По ходу движения кресла то погружались в воду, то выныривали из нее.

В обоих этих снах можно увидеть мотив либо безопасного спуска на землю (сон 1), либо получения безопасности к концу поездки (сон 2) без какого-либо серьезного инцидента, хотя и с некоторым напряжением и беспокойством. В первом сновидении помощь материализуется только тогда, когда эго сновидения принимает ответственность и решает спрыгнуть вниз, поскольку это кажется необходимым. Во втором сновидец не так всеведущ, как его спутник, но тем не менее заканчивает поездку без приключений. Результат в обоих сновидениях представляется «хорошим» в смысле консолидации его мужской идентичности. Буквально через несколько недель у пациента начался любовный роман с женщиной, и его гомосексуальные контакты и мысли пошли на убыль; одновременно с этим он стал чувствовать себя способным выразить более независимую позицию по отношению к своим родителям.

Оба сновидения приведены здесь исключительно по причине их прогностического значения, хотя очевидно, что существует и много других полезных ракурсов их рассмотрения. Оказаться «на дереве», например, означает в разговоре попасть в трудную ситуацию и содержит в себе отголоски шаманистских ритуалов инициации, описывавшихся как помещение на дерево, а на архетипичес-ком уровне, указывающих на тему мирового дерева или axis mundi — часто повторяющийся символ процесса центрирования в индивидуальной психике.

Связанные образы в серии сновидений

Прогресс в разрушении невротического паттерна часто может сопровождаться соответствующими сновидениями, растягиваясь далеко за пределы собственно лечебного периода и продолжаясь месяцы, а иногда и годы. Женщина с отмеченными нарушениями в ранней семейной жизни продемонстрировала такие изменения. Будучи ребенком, она являлась принципиальным источником эмоциональной поддержки отцу-алкоголику. Если она не пыталась позаботиться о нем, то чувствовала вину. Ее мать была благовоспитанной, образованной женщиной, поддерживавшей высокие стандарты знания для девочки, но не давшей ей

сколь-нибудь достаточной эмоциональной поддержки. Когда она обратилась к психотерапевту за помощью по поводу своих проблем в браке, то, в конце концов, решилась на развод, а впоследствии оказалась в сексуальной связи со своим бывшим психотерапевтом, за которого затем вышла замуж. И все это лишь для того, чтобы пережить повторение сексуальной невосприимчивости, которую она чувствовала в первом браке. Попытки полового контакта часто приводили ее в бешенство. Позже она предприняла аналитическую терапию (по Юнгу). И в групповой психотерапии, и в индивидуальном анализе она проявляла готовность помочь и интеллектуальную проницательность, хотя стойкие психосоматические проблемы (всегда связанные с эмоциональными факторами) вынуждали ее к частым госпитализациям.

Очень показательный инцидент произошел на одном из первых занятий в групповой психотерапии: она, как обычно, демонстрировала свою готовность помочь и проницательность относительно себя (схожую с ее связью с отцом), но когда мужчина, член группы, отказался от ее помощи, она взорвалась внезапным гневом, впервые показав свой подспудный гнев (связанный с ее депрессией). Примерно в это же время ей приснилось:

Собака-сука с двумя подрастающими щенками, повисшими на ее сосках, тащится по улице. Один из щенков оторвался от матери и попал под автомобиль. Щенок взорвался наподобие бомбы.

Этот поразительный образ взрывающегося щенка стал символом проблемы ее зависимости и связанного с ней бессознательного гнева. Многие ситуации в бодрствующей жизни могут быть связаны с ее бессознательной идентификацией либо с самим лицом, истощившим свою заботу о других (жертвующая собой мать), либо со вспышкой гнева, накопившегося в результате ее собственной зависимости (взрывающийся щенок) — поскольку в любом случае потребности зависимости никогда полностью не удовлетворимы и потому они не позволяли ей достичь собственной взрослой зрелости и независимости.

После второго развода она продолжала свой анализ, но некоторое время избегала любых личных контактов с мужчинами. Как раз в этот период ей снился сон:

Я нахожусь в египетском помещении, напоминающем одно из тех, которые есть в пирамидах. На возвышении — алтаре или погребальном постаменте — находится египетская принцесса-роженица, она собирается рожать. В основании возвышения меня насилует некто [фигура отца], который удерживает меня, тогда как я порываюсь вырваться. Я надеюсь, что женщина родит и тогда придет ее муж, он увидит совершающееся насилие и спасет меня.

Из этого сна становилось ясно, что отцовский комплекс в ее психологии был гораздо более активным, нежели конфликтная взаимосвязь с матерью. Сон также показывал возможность новой жизни (предстоящее рождение), предлагая изменение, инициируемое не эго, а тем, что потенциально могло привести к спасению сновидца от бессознательного паттерна, символизируемого во сне инцестом с отцом.

Знаменательно, что вскоре после этого сна женщина вступила в сексуальную связь с мужчиной, чья жена участвовала в сновидении в роли египетской принцессы,— несомненная проекция внутреннего спасителя сновидицы на реального мужчину. После краткого периода счастья, их отношения закончились, и она погрузилась в глубокую депрессию, которая — как она знала — была не совсем связана с внешней «ситуацией треугольника». Через какое-то время ей приснилось:

Я преподношу своей матери подарок, и мать реагирует также, как она всегда это делала в реальности — все, что бы я ни преподносила ей, она не любила. *Я никогда* не могла сделать ей приятное. И тут я поняла, *почему* ей не было приятно — она была мертвой! Рядом присутствовал доктор из одной мыльной оперы; я видела всю ситуацию такой, какой она была в моем первом замужестве, когда мои дети были маленькие. А доктор был хороший и заботливый.

Хотя, казалось, этот сон указывает на новый уровень осознанности, связанный со «смертью» материнского комплекса, в клинической депрессии этой женщины мало что изменилось. Она боролась с мыслью переехать в другой город подальше от этого мужчины, который все еще терзал ее мысли. В это время ей

приснилось то, что указывало на поворотный пункт в ее неврозе. Накануне она пребывала в жесточайшей

депрессии, страдая также и от своих психосоматических проблем. На следующее утро, как она описывает, ее состояние было «гипоманиакальным» *, и одновременно она чувствовала себя счастливой и (что самое важное) не ощущала никакого психосоматического дискомфорта, обычно ее мучившего. Вот этот сон:

Я в комнате со своей матерью [которая в предыдущем сне была мертвой, и была умершей в действительности]. Я умоляю какого-то мужчину совокупиться со мной. Он не слишком этого желает, но соглашается, потому что, как он говорит: «Это в последний раз». Сцена меняется, и я вижу лужу крови с чем-то, что находится в ней: то ли мертвым ребенком, то ли мертвой собакой. Зрелище ужасное, но отчасти все правильно, поскольку все это умерло в любом случае.

Ее просьба к мужчине о совокуплении указывает на предыдущее нераспознанное *желание,* которое было пережито только в виде изнасилования. Ее ассоциация с «ребенком или собакой» относима к предшествующему сну о взорвавшемся щенке. Ощущение, что отцовский комплекс, лежащий в основе ее невротических проблем, исчез, отразилось в словах мужчины во сне: «Это в последний раз». Резкое исчезновение докучавших ей психосоматических симптомов подкрепляет толкование сна, указывая на реальное изменение в паттерне комплексов, паттерне объект-отношения, по всей видимости, являющемся схемой двух ее основных невротических идентификаций: либо попечителя, либо (как здесь) того, кто чувствует зависимость от других. Присутствие матери предполагает участие и материнского комплекса, но эта проблема активным фокусом сновидения не является, так как она не в фокусе и в сновидении о египетской принцессе. Есть ощущение, что смерть «ребенка или собаки» связана с «последним разом», как если бы это была собака, ассоциируемая с взорвавшимся щенком, который представляет проблему ее зависимости.

* Гипоманиакальное состояние (нерезко выраженное) характеризуется повышением настроения, умеренным ускорением течения ассоциативных процессов, стремлением к деятельности. — *Прим. В. З.*

Неопределенность того, относится ли совершающееся к ребенку (который может обозначать смерть реальных человеческих возможностей) или к собаке (предполагающее жертву животного инстинкта, который позже мог бы появиться вновь в человеческой форме), разрешилась, по всей вероятности, сном, который приснился ей в следующую ночь:

Два предмета снились мне всю ночь таким образом, будто они то входили, то выходили из моего поля зрения. Один был мертвым раздавленным тараканом с множеством ног вокруг своего плоского тела. [Похожий рисунок она видела у одного ребенка, изображавшего солнечный круг с множеством лучей вокруг]. Другой, рядом с тараканом, был мертвой мышью, аккуратно завернутой в маленькое одеяло. У мыши были большие голубые проникновенные глаза, почти как у человека.

Ассоциация с тараканом принадлежит к одной из самых отвратительных вещей в мире: «огромному хоустонскому таракану». Женщина заметила, что рисунок содержал «избыток ног». Форма таракана напомнила ей историю о «сказочной собаке», очень популярную в бытность ее подростком (когда было много тесного общения с отцом). Она помнила книжку с картинкой собаки на своей кровати, где собачья «шерсть» торчала радиально наподобие тараканьих ног. Эти и другие образные ассоциации сна дают основание считать, что в предшествующем сне скорее была мертвая собака, а не ребенок. Основания к этому такие: если ее психическое связано с теми же самыми констеллированными комплексами в обоих снах, то показанное мертвым в одном сне, может быть показано мертвым и в другом, хотя само изменение в образной структуре выражает нюансы комплекса, представленного различными образами; поскольку «мертвые вещи» во втором сне явно не относятся к человеческому (хотя мышь имеет глаза, напоминающие человеческие), то вероятно предположение, что предшествующий сон изобразил скорее смерть собаки, а не смерть человеческого потенциала, символизируемого мертвым ребенком.

Эта серия снов иллюстрирует ряд важных моментов в клиническом толковании сновидений. Первый, последовательность

связанных образов сновидения, позволяет ощутить прогностическое улучшение, равно как и дать понимание образов, которые в противном случае могли бы остаться двусмысленными или не ясными вообще. Второй, образы в серии сновидений, похожи, но не идентичны, — «собака», «ребенок или собака», раздавленный «таракан» и «мертвая мышь» — показывая, что различные образы могут репрезентировать один и тот же комплекс, лежащий в их основе. (Фактически, мертвая мышь с человекоподобными глазами может также ассоциироваться с более ранним сном, в котором эго сновидения приготовило «большую рыбу с человеческими глазами»; здесь налицо евхаристические коннотации, предполагающие самопожертвование при осуществлении помощи другим).

Третий, изменение в природе или характер сновидений, совпадает с увеличением активности со стороны эго сновидения. Кажется очевидным, что, хотя и не оставаясь неизменным (каковым не является и любое «правило» в толковании сновидений), это разрешение констеллированных структур сновидения часто сопровождает действие эго сновидения, даже если само «действие» во сне является простым изменением в установке, не говоря уже о физической деятельности. Четвертый — серия снов иллюстрирует, каким образом эго сновидения становится прогрессивно более вовлеченным в структуру невротического комплекса, изображенного в сновидениях: в сне со взрывающимся щенком эго сновидения — просто пассивный наблюдатель; во сне с египетской принцессой эго сновидения стремится действовать, но не может; в сновидении с просьбой к мужчине о совокуплении, эго сновидения, наконец, становится активным. Может ли это быть той активностью, которая «вынуждает» мужчину заявить, что «это в последний раз» и «приводит» к смерти таракана и мыши? (Здесь попросту встает вопрос о причине и следствии в сновидениях, поскольку определенных ответов на этот счет пока нет). Обширная серия снов этой женщины (из которой представленные здесь выбраны чисто интуитивно) наилучшим образом смотрится как репрезентация устойчивой структуры комплексов сексуализированной формы господства — подчинения. Эго сновидения (и бодрствующее эго) в зависимости от момента идентифицируется то с одним, то с другим полюсом паттерна. По мере того, как эта серия двигалась

в направлении основного клинического улучшения, она закончилась не на каком-то витке колебаний между

полюсами данного паттерна, а «смертью» самого паттерна, что, психологически, указывало на депотенциацию комплекса, лежащего в его основе.

Дифференциальная диагностика

Самые первые сны могут помочь в дифференциации различных диагнозов, таких как невроз беспокойства или депрессивный невроз. Сновидения также могут быть полезными в определении различий между неврозами, психозами и характерологическими или органическими проблемами, каждый из которых может быть представлен с взаимоперекрывающей симптоматологией. Диагностические термины в различных диагностических системах устанавливаются по-разному, но основные клинические синдромы остаются относительно неизменными. Основные невротические паттерны представлены в виде смеси беспокойства и депрессии с различной степенью диссоциации.

Депрессия

Хотя и существует много теорий депрессии, расположенных в ряд от психогенетических до органических, общепризнанным является то, что психогенетическая депрессия отчасти связана с гневом, не получающим своего достаточного выражения в сознании. Как правило, гнев возникает в отношении к какому-то лицу во внешнем окружении, либо к настоящему или будущему; во вторичном своем проявлении он. направлен на сам эго-образ, находя свое выражение в депрессии. Такая классическая психологическая динамика часто с непривычной ясностью проявляется в сновидениях и может служить в качестве диагностического индикатора.

То, что бодрствующее эго способно переживать как депрессию, вероятней всего проявится во сне как агрессия в отношении эго сновидения со стороны другой фигуры. В случае женщины, чьи сны обсуждались в предыдущем разделе, депрессия стала возрастать, когда она выступала в роли сексуального агрессора в сновидении с мертвым предметом — «собакой или ребенком»,—

но во сне с египетской принцессой (когда она все еще пребывала в депрессии) эта женщина плотно удерживалась в нежелательном сексуальном объятии со стороны агрессивной фигуры, напоминавшей ее отца.

Другая женщина, вполне сознательно пережившая смесь гнева и депрессии, вызванную связью ее мужа с другой женщиной, видела сны, в которых ощущала угрозу от различных насекомых и пресмыкающихся, но по мере того, как она становилась более спокойной и уверенней в своем отношении к внешней ситуации, ее депрессия начинала возрастать. Это изменение могло сопровождать изменения в сновидениях. В одном из более ранних снов она находилась ночью одна в пустыне, окруженная кактусами и скорпионами, боясь пошевелиться; во сне, несколько недель спустя, она прогуливалась по пешеходной дорожке в студенческом городке (что-то изучая?), в котором вокруг — кроме самой дорожки — кишмя кишели ядовитые змеи, но там уже были и другие люди, и вовсю сиял день, а не царила непроглядная ночь. Агрессивные, не-человеческие «элементы» в начальных снах можно рассматривать как ее собственную невыраженную агрессию, указывающую на необходимость утверждения ее подлинных чувств. Как только она это осуществила, образы ее сновидений стали менее угрожающими.

Беспокойство (тревога)

Классические тревожные сны можно наблюдать у многих пациентов. Существуют три основных типа, заслуживающих упоминания: 1) сны о неготовности к экзамену; 2) сны с преследованием угрожающими субъектами или другими существами; 3) сны, несущие физическую опасность для эго сновидения, такие как падение или угроза от природных событий — землетрясения, цунами, лесные пожары и т. д.— где непосредственного угрожающего мотива против эго сновидения нет. Тревога или беспокойство могут, разумеется, принимать в сновидениях множество других форм, но эти три паттерна повторяются особенно часто.

Экзаменационные сны имеют типичную форму. Эго сновидения осознает, что наступает время экзамена, обычно последнего экзамена в колледже или в университете; по каким-то причинам

сновидец к экзамену не готов,— то ли он не подготовился, то ли не посещал занятия — или не знает, где будет проводиться сам экзамен. Эго сновидения может также опоздать на экзамен. Такие сновидения более структурированы (и более часты в моем опыте), чем примитивные сны о падении или преследовании. Поскольку экзамены представляют оценку коллективных стандартов, они указывают на персону-беспокойство — беспокойство по поводу того, как он выглядит в глазах других людей, или страх не уложиться в норму социальной роли: «Хороший ли он музыкант?», «Может ли он хорошо выполнить свою работу?» и т. д.

Сны-преследования обозначают беспокойство более примитивного свойства, но и они не настолько неструктурированы, как сны о падении или сны о природной катастрофе, такой, как землетрясение, или о конце света. Тут важно отметить, *что* преследует эго сновидения. Это человек (мужчина или женщина)? Животное, монстр или «космический пришелец»? Преследуется ли эго сновидения одним «предметом» или коллективом, таким как толпа?

Иногда происходят весьма явные изменения у человека или предмета, которые преследуют. Вначале он может выглядеть пугающим, но по мере его приближения никаких знаков агрессии, оправдывающих страх, переживаемый эго сновидения, не возникает. Один мужчина видел во сне большое чудовище, выходящее из темноты в направлении эго сновидения, которое стояло в круге света от уличного фонаря. Но когда «монстр» приблизился к свету, он оказался не чем иным, как мышью. Возможно, в темноте она и *была* монстром, но изменилась, входя в «свет» сознания, окружающего эго сновидения. Комплексы, связанные с эго (сна или бодрствования), ведут себя иначе, чем комплексы с эго не связанные, а потому бессознательные.

Одной женщине приснилось, что когда она открыла спускную заглушку в своей ванной, оттуда вылез злой крокодил. Он преследовал ее по всему дому, но когда ей удалось открыть входную дверь и выпроводить его наружу с помощью швабры, то в солнечном свете (сознание) он превратился в дружелюбного щенка. Другая женщина увидела во сне, что она открыла оконные жалюзи и обнаружила там большого паука, полностью закрывавшего вид из окна, который привел ее эго сновидения в полнейший ужас.

Паук стал медленно двигаться и спустился вниз, а затем перебрался в передний дворик (другой символ сознания), где совершенно изменился, превратившись в щенка, приветливого и игривого.

Трансформация пугающих образов сновидения весьма близка тому, что обычно происходит в сказках: лягушка

становится принцессой, зверь — красивым молодым человеком, и т. д. Подобные трансформации, в особенности те, в которых животное или вещь превращаются в человека, по всей видимости, изображают «желание» бессознательных содержаний стать сознательными и участвовать в жизни эго; в сновидениях такое случается как преобразование их примитивной природы (сущности) и движение в сторону человеческой сферы.

Ужасающий неведомый «объект», преследующий эго сновидения, может быть угрожающим для него, но не для самого процесса индивидуации, в который это эго встроено. Исследовать сновидение — значит понять, есть ли какой-нибудь явный признак того, что преследующий «объект» действительно пытается навредить эго сновидения. Он может и просто представлять бессознательный аспект сновидца, пытающийся наладить контакт с эго, хотя этот «аспект» и может стать более агрессивным и пугающим, если эго сновидения сопротивляется такому контакту. Следует помнить, что содержания или свойства тени почти всегда являются господствующему эго-образу в виде суровых угроз, даже и потенциально ценных для эго на следующей стадии индивидуации. Например, женщине, которая многие годы работала со своим сильным негативным материнским комплексом, приснилось: Я сплю в своей постели, но кажется, что я нахожусь в более старом доме, построенном в двадцатые или тридцатые годы. Я слышу громкий стук в переднюю дверь и пугаюсь, потому что мой муж отсутствует в городе, и я нахожусь одна с детьми. Я сознаю, что должна подняться и выйти посмотреть, кто бы это мог быть. Я вижу свет фонаря на заднем крыльце, и это меня снова очень пугает. Я нажимаю «кнопку тревоги» в системе охранной сигнализации и раздается сигнал тревоги — но тут же все замолкает. Перерезана линия электропроводки? Громкий стук появляется снова, и я знаю, что нужно посмотреть, кто там у двери. Мне страшно, но когда я подхожу к передней двери, то

выясняю, что это полиция. Они пришли сказать мне, что произошла авиационная катастрофа с самолетом, на котором улетел мой муж. Возможно, что никого в живых не осталось. Я чувствую, как сильно я его любила и как я переживаю за него.

Объект, пытавшийся проникнуть в ее дом, был пугающим, и ей казалось, что он пытался причинить ей вред. Но вместо этого, когда конфронтация в сновидении актуализировалась, она принесла в спящее сознание компенсаторное чувство любви к мужу и переживания за его жизнь,— знак того, что она отчасти не осознавала глубину своих чувств к нему. Она проснулась, понимая, что он спит рядом с ней в кровати, но воздействие сна было настолько глубоким, что она несколько минут не могла притронуться к нему, сомневаясь, в страхе, что его может там *не* быть. Ощутимое воздействие сна продолжалось еще несколько часов, и его прояснившееся значение привело к глубокому сдвигу в ее осознании подлинной любви к своему мужу, которого она принимала как нечто само собой разумеющееся среди своих невротических забот.

Физическая опасность для эго сновидения, конечно, неопасна для бодрствующего эго, исключая, разве что эмоции, вызванные таким сном, способные вызвать напряжение в сердечно-сосудистой системе в процессе самого физиологического сна. Наиболее широко распространенный тип тревожного сна, связанный с реальной физической опасностью для эго сновидения, представляет сновидение с падением. По всей видимости, нет никаких реальных оснований следовать народному поверью, что, если в таком сне сновидец «ударится о дно», то наступит реальная физическая смерть. Редко, но бьюает, что человек во сне завершает падение ударом о землю, но если сон продолжается, то обычно происходит некоторый сдвиг в ситуации или в состоянии эго сновидения; последнее может обнаружить себя невредимым или увидеть, что падение было незначительным, скажем, около метра, или эго сновидения может быть «мертвым» во сне, но при этом видеть свое тело и т. д.

Наиболее общая концовка в таких сновидениях — во время «падения» эго сновидения «всплывает на поверхность», оказываясь бодрствующей эго-идентичностью. Такое смещение эго сновидения в бодрствующее эго — частый исход или лизис (lysis) снови-

дений, и необходимо отмечать, когда он возникает. Подобные пробуждения, по всей видимости, преждевременные с точки зрения действия сна, могут рассматриваться как бегство от беспокойства, но иногда они могут также нести и символическую нагрузку. «Проснись, не проспи это!». Данное ощущение «пробуждения» может казаться частью цели того сновидения, в котором женщина получила сообщение от полиции, что ее муж может быть мертвым, и проснулась во всевозрастающем понимании своих положительных чувств к нему.

Важно заглянуть за рамки простого присутствия физической опасности для эго сновидения и произвести некоторую оценку (включая и клиническую) ее значения (вариативного) в контексте всего сновидения. Мужчине приснилось, что буквально на волосок от его тела пролетело копье, брошенное в него; он, в свою очередь, кинул это копье обратно в бросавшего, «монгольского всадника». Его намерением было умиротворить атаковавшего, но своим действием он только воспламенил его гнев. Этот сон указывает на не столь уж редкий мотив: эго сновидения стимулируется быть активным в своих интересах. «Атакующая» фигура может рассматриваться, как взыскующая более агрессивной ответной реакции от эго сновидения. Тот же самый мотив представлен сновидением, в котором зловещая и злая женская фигура бросила в эго сновидения трезубец; эго сновидения, однако, размышляет, что эта зловещая женщина дала тем самым оружие, чтобы противостоять ей, и использует его, освобождая несколько «мертвых» животных, которые после этого возвращаются к жизни.

Агрессия против эго сновидения может, таким образом, служить и более глубокой цели — процессу индивидуации, сосредоточенному на всем паттерне личностного развития на протяжении всего жизненного пространства и связанному с любым отдельным доминирующим эго-образом на любой отдельной стадии жизни в свете своего поддерживающего течения. В силу процесса индивидуации, с которым сновидения, по всей видимости, глубоко связаны, действие в сновидении может выглядеть противостоящим эго сновидения, в то время как его истинной целью является увеличение или трансформация эго в отношении к Самости.

Сновидения о страшных природных катаклизмах, таких, как

землетрясение, показывают скорее фоновый сдвиг эго-состояния, нежели силу, направленную против самого эго сновидения. Теоретически возможно, что такие сновидения, на объективном уровне, могут представлять надвигающиеся изменения в коллективной ситуации, что, скажем, обнаружил Юнг в снах, предзнаменовавших

первую мировую войну. Однако, это маловероятно, как указывал он сам в своем интервью на Би-Би-Си с Джоном Фрименом, поскольку сегодня каждый вполне осознанно представляет себе возможность мировых катаклизм — природных или рукотворных; ясно, что подобные образы не компенсируют коллективные сознательные надежды на мир и прогресс. [8]

Сны о бедствиях и несчастьях скорее указывают на потенциально резкое и, по всей вероятности, насильственное изменение в безмолвном фоне эго-образа, обладающего господствующим сознанием. Они показывают потенциал главного сдвига в структуре эго-образа. Такие изменения, в случае терапевтического сдерживания, могут оказаться преобразующими; если же их не сдерживать, они могут предвосхитить вспышку острой клинической депрессии, беспокойства (тревоги) и даже психоза.

Психоз

При рассмотрении возможного диагноза шизофрении или другого психотического процесса сны могут оказаться весьма полезными как в плане постановки диагноза, так и в последующем отслеживании самой болезни. Иногда сны оказываются полезными в установлении желательности применения лечебных средств и препаратов или возможного использования других способов поддержки и укрепления эго, таких как, скажем, госпитализация. Искусство чтения снов в этом аспекте — задача не из легких, поскольку никогда нет видимого ясного неизменно присутствующего индикатора. Такие указатели, если и существуют, то часто оказываются контекстуальными каждому отдельному сновидцу, составляют смысл в серии снов данного человека, но могут быть обобщены лишь с большой натяжкой. В качестве самого индикатора зачастую выступает не сновидческий мотив опасности для индивидуального эго сновидения, а сама внешность того, что можно

было бы назвать эксцентричностью образа. Например, животное, прогуливающееся без кожи, или безумец, угрожающий взорвать мир, могут указывать на потенциальное ухудшение клинического состояния. Такие образы всегда должны быть уравновешены относительно силы самого эго. Психоз возникает, когда давление бессознательных процессов подавляет и захватывает эго; это может произойти вследствие резкого колебания в бессознательном давлении или снижении привычного тонуса либо силы эго вследствие чрезмерных стрессов или физических факторов, таких как воздействие психоделических препаратов.

По всей видимости, существует необходимость в исследовании использования образов сновидения для клинической оценки устойчивости эго и психотического давления; изучение данной проблемы потребует внимательных сравнений в хорошо определяемой группе с достаточно длительным сроком наблюдения. Подобное исследование не может быть легким или дешевым, но оно могло бы привнести многое в наше клиническое понимание психологического воздействия антипсихотического лечения. Оно могло бы также дать некоторые ответы на ключевые вопросы взаимодействия разум/мозг в связи с устойчивостью личности.

Физические проблемы

Во всех смыслах, нелегкое дело ставить органические диагнозы, исходя из материала сновидения, хотя существует множество поразительных примеров таких прогнозов: сон о внутреннем «взрыве», предшествующий кровотечению при аневризме аорты, появление персонажей в сновидении с болезнью желчного пузыря до того, как эта болезнь оказалась обнаруженной у сновидца, и т. д. Ретроспективно нетрудно видеть, что сны могут указывать на органические проблемы, но прогностически, это весьма нелегко из-за множества факторов, которые необходимо учитывать. В норме сновидения фигурируют в форме, компенсирующей сознательную позицию бодрствующего эго. Они делают это, обслуживая процесс индивидуации, интересы и цель которого могут быть не обязательно теми же самыми, как у бодрствующего эго, так как индивидуация заботится прежде всего о потенциальной целост-

ности личности, а не о совершенстве какой-то отдельной эго-кон-фигурации. Физическая болезнь может овладеть интересами сознательного эго, но в одинаковой степени это не может затрагивать Самость, инициатора сновидений.

Своим появлением сны проводят различие между личностью и телом, и по всей видимости, эго сновидения скорее связано с личностью, нежели с телесным началом. Когда показатели текущего физического состояния представлены в сновидении, то вовсе не обязательно, чтобы они выглядели как болезнь эго-образа в рамках сновидения; вероятнее всего, они предстанут в ином воплощении, нежели эго сновидения, возможно, это будет образ, воплощающий органическое тело — животное, собственная мать (производящий источник физического тела) или какие-либо иные репрезентации органической жизни.

Сновидения о смерти

Мотив смерти в сновидении является тесно связанным с вопросом представления органической болезни. Видеть во сне, что ты (или кто-либо) умираешь или даже что ты (или кто-либо) мертв — не такое уж редкое дело. Пациенты вспоминают подобные сны с беспокойством и тревогой, высказывая опасение, что сам сон указывает на приближение смерти. Но сны о смерти, по сути,— сны о преобразовании эго-образа. Пока сознательное эго отождествляет себя с отдельным эго-образом, все, что угрожает прочности и долговечности этого отдельного эго-образа будет выглядеть как угроза физической смерти, поскольку само эго столь же тесно отождествляет себя с образом тела,— хотя весьма часто встречающийся мотив сновидения, обозрение самого себя, взгляд *на* самого себя,— ясно указывает на разъединенность эго сновидения и образа тела.

Смерть в сновидении весьма отлична от значения смерти в бодрствующем состоянии. Образы сновидений — представители комплексов или архетипов. Любое количество образов может ассоциироваться с тем же самым комплексом или архетипом. Такие образы не «умирают». Один образ трансформируется в другой,— превращение, которое часто совершается на протяжении

целой серии сновидений. Последовательность сновидений, рассмотренная выше — включая «взрывающегося щенка», «собаку или ребенка» и «мышь с человеческими глазами»,— иллюстрирует постепенное преобразование образа сновидения, растянутое во времени. Люди, действительно приближающиеся к органической смерти, видят сны, которые, на удивление, не отличаются от других снов, предвосхищающих некоторые значительные перемены,

подобно снам о путешествии или предстоящем браке. Такие сны воодушевляют бодрствующее эго фокусироваться прежде всего на сознательных интересах и обязательствах, нежели на приближающейся смерти физического тела. Важно и то обстоятельство, что соответствующих наблюдений и исследований в области умирания и сопутствующих этому сновидений крайне мало, чтобы делать какие-либо определенные конкретные утверждения. Однако кажется, что сновидения значительно меньше озабочены смертью тела, чем процессом индивидуации, так что они рассматривают приближение конца жизни в той же «оркестровке», что и другие основные перемены в жизни. Может ли это означать, что индивидуальная личность переживает свою физическую смерть? Означает ли это, что физическая смерть несколько больше касается Самости, чем значимые перемены эго в пределах жизненного пространства? Эти вопросы достаточно серьезны для науки в целом и для парапсихологии и глубинной психологии в частности.

Основные тезисы для запоминания

1. Одни и те же комплексы могут персонифицироваться целым набором разных образов.

2. Просматривая серию сновидений и ища связную и изменяющуюся структуру внутри нее, можно интуитивно отметить:

а) изменение нюансов комплекса в связи с другими комплексами в том же самом паттерне идентичности и

б) прогностическое улучшение (или ухудшение) паттерна идентичности, такого как паттерн господства — подчинения.

3. Сновидения в начале анализа могут указывать как на диагностический, так и на прогностический элементы, рассматриваемые в первичной клинической оценке.

Глава 5 Вопросы техники

Относительно техники существует одна простая истина: правильная техника в неправильных руках не работает, тогда как неправильная техника в правильных руках *работает.* Успешное использование анализа сновидений в психотерапии — это не вопрос технической экспертизы. Совершенно адекватной техники *нет,* поскольку гораздо более важным является личностное уравнение аналитика/анализанда. В рамках такой взаимосвязи сон либо работает, либо следует подбирать другую терапию. Терапевтическое взаимоотношение является *теменос'ом* (священной границей, алхимическим сосудом, vas или krater), в котором осуществляется преобразующий процесс.

Перенос и контрперенос

Анализ — это процесс, всецело рациональным не являющийся, соответственно в ряде отношений он схож с другими видами исполнительской деятельности, требующей мастерства: исполнением музыки, чтением стихов или актерской игры. Правила, которым следует такого рода деятельность, при всей их специфике содержат и нечто общее, а именно служат правилами поведения или некоторой памяткой о том, что следует держать под контролем.

Возможно, главное, за что отвечает аналитик или психотерапевт,— это поддержка того, что может быть названо *преобразующем полем,* в котором с наибольшей вероятностью может происходить трансформация психического. Удивительным здесь можно назвать то, что эта трансформация может происходить как у ана-лизанда (прямая цель анализа), так и у аналитика или у обоих! Совершенно невозможно сконструировать такую межличностную ситуацию, в которой влияния исходили бы только из одного источника и двигались бы только в одном направлении. У раннего Фрейда существовало мнение, что аналитик может оставаться полностью объективным и служить своего рода «чистым экраном», на

который анализанд проектирует свою собственную психологию и изживает свой невротический процесс в пределах лечебных возможностей психоанализа. Однако скоро стало очевидным, что кроме искажений переноса, вносимых пациентом в анализ, существуют также и искажения, поставляемые самим аналитиком в форме так называемого контрпереноса.

Собственные взгляды Юнга по этому вопросу, со всей очевидностью, включают в себя качества этого «преобразующего поля». В своей работе «Психология переноса» Юнг показывает, что аналитик и анализанд совместно вовлечены в такой процесс, который полностью осознаваемым не является и оказывается преобразующим для обоих партнеров.[9] Кроме того, он рассматривает перенос и контрперенос как специфические формы проекции, возникающей автоматически в любом взаимоотношении.

Тем не менее аналитическая ситуация смоделирована так, чтобы максимизировать преобразующее поле для пациента и минимизировать разрушающий контрперенос у аналитика. Материал пациента обсуждается во всей его глубине как исторически, так и в свете текущих сновидений, и в процессе такого обсуждения аналитик ограничивается относительно малым количеством собственных замечаний, хотя, конечно, для него совершенно невозможно быть «чистым экраном». Кроме того, подготовленный аналитик на протяжении длительного периода проходил свой собственный анализ и должен иметь ясное представление о возможности проектирования своих собственных комплексов на анализанда.

Каким образом сновидения входят в преобразующее поле аналитического взаимоотношения? В большинстве случаев, анализанд вначале видит тот или иной сон, затем приносит его аналитику, и вместе они ищут значение данного сна в жизни пациента. Аналитик и анализанд в этом случае выступают как коллеги или партнеры в изучении бессознательного материала анализанда и соотнесении его с текущим процессом индивидуации. Бывает, однако, что работа со снами вызывает напряжение в подобного рода партнерстве. Обычно это происходит в следующих случаях:

1) Анализанд отождествляет аналитика с фигурой из своего сна.

2) Аналитик возникает в сновидении анализанда в своем собственном облике.

3) Анализанд появляется в сновидении аналитика.

4) Сновидения анализанда или аналитика с сексуальным содержанием в отношении другого лица.

Конечно, встречаются и другие варианты, но эти четыре поднимают главные вопросы техники, используемой для работы со снами такого рода, в связи с преобразующим полем анализа. Попробуем рассмотреть их более внимательно.

1) *Анализанд отождествляет аналитика с фигурой из своего сна,* хотя эта фигура по своему облику

отличается от аналитика. Поскольку в юнговской теории поступки и персонажи в сновидениях не рассматриваются в качестве масок реальности (что соответствует фрейдовскому подходу), то в ходе интерпретации как раз и предлагается выяснение возможного соотнесения фигуры из сновидения с кем-то, кого сновидец знает в бодрствующей жизни. И как мы скоро это увидим, даже если сам аналитик и появляется, то все равно важно удостовериться, свидетельствует ли об этом сон объективно или субъективно. Чрезмерное приписывание фигур сновидения, как относящихся к аналитику может даже усилить перенос до критически опасной черты, особенно в тех случаях, когда сны носят явно эротический характер. Вообще лучше всего придерживаться той позиции, что, если сон имел в виду действительную личность аналитика, то он бы показал его во сне со всей возможной для него ясностью. Другие фигуры способны обнаруживать структуру констеллированных у пациента комплексов и, конечно, могут влиять на перенос, но такой необходимости у них нет. Чрезмерная идентификация образов сна с реальными людьми образует *межличностный редукционизм,* вызывающий неуместное давление на межличностную сферу смыслов и значений, тем самым, чрезмерно подчеркивая или выделяя аспекты самого переноса в терапевтической ситуации.

2) *Аналитик возникает в сновидении анализанда в своем собственном облике.* В таких случаях более вероятно, что данное сновидение повествует об объективной ситуации, в которой участвует фигура аналитика, хотя и утверждать этого никак нельзя; аналитик может служить в качестве символической функции, представляющей часть собственной психики пациента («внутренний аналитик»), основанной на взаимодействии с аналитиком, на

представлении, которое более чаще возникает после значимых изменений, наступивших в характере протекающего невроза. На аналитика в случаях подобных сновидений ложится дополнительная забота объективной оценки своей связи с пациентом, включая и все контрпереносные реакции, поскольку сон пациента может указывать на бессознательный аспект аналитика.

3) *Пациент появляется в сновидении аналитика.* Это должно заставить аналитика серьезно задуматься о возможности контрпереносных искажений, способных препятствовать терапевтическому процессу. Анализанд в сновидении может персонифицировать тот или иной комплекс психоаналитика, констеллирован-ный в его собственной жизни или в самой аналитической ситуации. Такое сновидение по меньшей мере указывает на необходимость как-то видоизменить сознательный взгляд аналитика на пациента. Юнг приводит в пример сновидение, в котором он видел пациента-женщину в значительно более импозантном и представительном виде, чем оценивал ее сознательно, наяву,— пример простой коррекции или компенсации недооценки человека на сознательном уровне.[10]

Следует ли обсуждать такого рода сновидения с анализан-дом? Исходя из моего опыта, следует, как правило, ответ «нет», хотя его нельзя считать неизменно верным (как и любое правило). Когда обсуждаешь сон о человеке с ним же самим в бодрствующем состоянии, то есть опасность, что этот человек посчитает сон чем-то «более глубоким» или несущим какую-то «другую правду», нежели содержащуюся в сознательной позиции сновидца. Это напоминает проективный экран, предлагаемый человеку, которому рассказывается сон, на который выносится бессознательный продукт, не вполне усвоенный сновидцем. Поскольку пациент не имеет такой же подготовки или опыта, какими располагает аналитик, то вполне вероятно, что могут возникнуть бессознательные искажения его взгляда на аналитика, увеличивающие тем самым последующие трудности в контексте переноса-контрпереноса. То же самое правило действует и в случае обмена сюжетом сновидения между друзьями, хотя, повторяю, во всех правилах есть исключения.

Психоаналитик должен понять — насколько это для него воз-

можно — значение своего сна о пациенте и установить с пациентом осознаваемый контакт относительно того, что происходит между ними. Таким образом, эго аналитика берет на себя ответственность за сам сон и его значение. Если этот сон представляется «неразрешимо» загадочным, то аналитик должен попытаться решить проблему путем супервизии с кем-то из коллег.

4) *Сновидения анализанда или аналитика с сексуальным содержанием в отношении друг друга.* Это особенно важно в плане работы с ними с соответствующей аналитической техникой так как сексуализация переноса-контрпереноса может привести к ненужным осложнениям, в особенности когда (в исключительных случаях) она отреагирована. Появление сексуальных снов с любой стороны не должно удивлять, поскольку сексуальные чувства естественны во всяком взаимоотношении, в особенности если в нем присутствует эмоциональная глубина. В своих «Тавистокс-ких лекциях» Юнг полагает, что сексуальные сны пациента об аналитике являются его попыткой заполнить эмоциональную брешь между ними.[11] Это представляется достоверным и в отношении половой привлекательности вообще — возникновение сексуального сна предполагает наличие потенциальной ценности в неизвестной области взаимоотношения, ценности, которая еще не осознана и поэтому не может быть с достаточной степенью ясности определена, хотя ее присутствие и ознаменовано сексуальной притягательностью. Сексуальные сны могут также указывать на начало трансформативного процесса в бессознательном (у анализанда, либо у аналитика, либо у обоих) наподобие алхимических рисунков, которыми Юнг иллюстрировал свое эссе о переносе. (Бессознательное часто использует сексуальные образные мотивы для символизации не-физических процессов объединения и преобразования, в то время как бодрствующее эго склонно истолковывать подобные образы буквально).

В качестве примера, аналитику приснился половой акт с привлекательной женщиной-пациенткой. Сон приснился за три дня до того, как нечто подобное произошло и у самой женщины. Сознательного сексуального интереса никто из них не проявлял и не ощущал, не было отмечено и никаких действенных попыток или знаков соблазнения или флирта. В последующих сновидениях эта

тема больше ни у аналитика, ни у анализанда не возникала. Параллельные сексуальные сны, по всей видимости, указывали на новую фазу анализа, в которой восторжествовал более преобразующий тон: анализанд получила свежее видение невротических паттернов в своей жизни, включавшей повторяющиеся и навязчивые половые связи и увлечения.

Лечение в анализе

Если аналитик — врач, сновидения могут показывать, когда начать или закончить прием психотропных препаратов в качестве дополнительного лечения с целью облегчить аналитический процесс. Аналитики не-медики, конечно, сталкиваются с теми же проблемами, и у них, естественно, может возникнуть желание проконсультироваться на этот счет. Существуют пуристы, возражающие против любого медикаментозного лечения во время аналитической работы, но такая позиция с каждым днем становится все менее прочной. Общая цель анализа — помочь эго войти в ответственное взаимоотношение с преобразующим и индивидуи-рующим процессом своего психического. Медикаментозное лечение может, строго говоря, как работать на пользу, так и служить препятствием в достижении этой цели. Если лечение с помощью препаратов используется *вместо* аналитической работы, то это — помеха. Если же оно применяется благоразумным образом, так, чтобы дать эго возможность работать в анализе более эффективно, то оно может оказаться полезной частью трансформативного процесса.

Чрезмерно тревожный пациент (или, наоборот, с полным отсутствием тревоги) не может быть достаточно рефлективным в смысле эффективного продвижения в анализе. Использование транквилизирующих препаратов может оказаться здесь полезным. Аналогичным образом, если пациент настолько подавлен, что уже ничто не вызывает в нем положительной оценки, включая анализ, то существенную помощь могут оказать антидепрессанты. Целью любого медикаментозного лечения является стремление сдвинуть эго пациента в сторону средней линии аффективного давления,

в зону, где ни беспокойство, ни депрессия не оказываются столь поглощающими, чтобы мешать работе терапии инсайта. Но и в случае, когда пациент в *достаточной* степени не обеспокоен или подавлен, анализ все равно может протекать бесцельно; но в этих случаях, препаратов, способных помочь эго двигаться в сторону средней линии, нет, и движение должно инициироваться либо бессознательными процессами (часто сном), либо аналитиком, вызывающим достаточный аффект своей интерпретацией или наставлением. Иногда одновременная дополнительная работа в групповой терапии вызывает аффективные ответные реакции, которых недостает в аналитической ситуации один-на-один.

Сновидения могут показывать, когда наступает потребность в лекарствах или когда их прием можно безболезненно прекратить, хотя понятно, что сны не следует рассматривать как единственный критерий. У молодого мужчины, например, лечившегося от шизофрении (этот случай уже обсуждался выше), были периоды обострения, когда становилось необходимым увеличить дозировку приема антипсихотических препаратов с тем, чтобы избежать его повторной госпитализации. Как раз перед началом регрессивной фазы в его сновидениях просматривалось несколько повторявшихся мотивов. Эти мотивы включали потерявший управление автомобиль, катящийся назад, животных без кожи и безумную сновидческую фигуру, замышляющую убийство и даже разрушение всего мира. Когда возникают подобные мотивы, лечение препаратами усиливается, часто не позволяя кризису рецидивировать.

Человек в депрессии может продолжать свидетельствовать о своем депрессивном состоянии, несмотря на подспудно наступившее улучшение; это очевидная защита против возобновляющейся ответственности, связанной с утратой роли больного. Если сновидения принимают более нормальную форму, то, возможно, следует без опасений снижать лекарственные дозы или вовсе прекращать медикаментозное лечение, при этом внимательно следя за любым ухудшением клинического состояния. О «нормальности» сновидений лучше всего судить по характеру тех сновидений, которые пациент видел до вспышки депрессии, но наиболее общими мотивами, способными как-то обозначить улучшение

являются: а) отсутствие символов агрессии против эго сновидения и б) отсутствие символов, относящихся к тем периодам прошлого, в которых образовывались или значимо усиливались невротические конфликты.

Редуктивный или проспективный анализ

Редуктивный анализ — это понятие, предложенное Юнгом применительно к традиционному психоанализу, разработанному Фрейдом: сведение текущего конфликта к его предполагаемым истокам в прошлой жизни пациента. Такая редуктивная работа стремится локализовать достаточную причину невроза в прошлом событии, включая прошлую установку к этому событию. Юнг никогда не пренебрегал редуктивным анализом и чувствовал, что последний вполне соответствует текущему терапевтическому моменту (в любом возрасте), когда налицо ясные показатели того, что главный компонент невротической проблемы может быть прослежен вплоть до комплексов, базирующихся на прошлом переживании. Юнг попросту релятивизировал редуктивный анализ, сделав его прежде всего частным случаем, имеющим специфическое применение, лишив его статуса единственного или необходимого средства облегчения всякого невротического страдания. В противоположность редуктивному анализу, проспективный анализ ориентирован более телеологически, задаваясь прежде всего вопросом: *куда* движется конкретный жизненный процесс, нежели разбирая препятствия и проблемы, с которыми он сталкивался в прошлом.

В повседневной аналитической практике существуют важные основания для применения как редуктивного, так и проспективного анализа. И в этом смысле сновидения могут оказаться наиболее чувствительным индикатором в вопросе выбора соответствующей стратегии.

Первейший намек на то, что необходим редуктивный анализ, содержится в личных амплификациях мотивов сновидения, в их характере и антураже. Мужчина, история болезни которого включала сильные повторяющиеся вспышки депрессии,— каждая

возникала вследствие психодинамических факторов, связанных с изменениями во внешней среде,— постоянно видел во сне свое детство на бедной грязной ферме; по всей видимости, тогда и начались депрессивные обострения. В иное время, когда его состояние было более стабильным, подобные мотивы в сновидениях возникали очень редко. Они указывали на необходимость обращения к комплексам с помощью редуктивного анализа. Другой мужчина, начав проработку острого и стойкого невроза, имел серию снов, действие в которых происходило поблизости от дома, где он жил в детстве,— символическая фиксация на раннем переживании мира в возрасте около трех лет. В этих снах впервые проявились образы неких мафиозных посягательств на судебную систему какого-то несуществующего

городка неподалеку от его детского дома, после чего эти видения непосредственно покидали дом на аэроплане (что физически невозможно), и, в конце концов, еще более символический образ подземных, зомбиподобных фигур появлялся оттуда, где были погребены эти мафиозные псевдоморфные «сущности» (возможное указание на то, что они были погребены в бессознательном). Вслед за этой серией снов он стал менять установку в отношении регрессивного характера своей невротической приверженности, предвещая наступление периода улучшения, отмеченного ослаблением своей невротической депрессии.

Напротив, когда образы из прошлого отсутствуют в сновидениях, по всей видимости, не так уж важно фокусироваться на ре-дуктивном анализе. Улучшение может обозначиться быстрее при фокусе на текущих аффективных состояниях и их невротических аспектах. Подобная работа концентрируется на любом аффективно нагруженном аспекте в деятельности пациента: перенос — контрперенос, повседневные перипетии отношений в семье или с друзьями, напряжение в рабочей обстановке, взаимоотношения, наблюдаемые в групповой терапии, и т. д.

Ценность сновидений становится особенно очевидной при работе над текущими аффективными проблемами, поскольку во всех областях, *отличных* от сновидений, важно вычесть внешнюю реальность из описаний самого пациента. Например, если существует заметная эмоциональная напряженность у пациента при работе с кем-либо, то аналитик должен прежде всего относить эту

напряженность на счет действительной природы того другого лица, нежели искать ее в искажениях, вносимых невротическим восприятием данного пациента. Даже в оценке аффективных ситуаций в области переноса-контрпереноса аналитику трудно оставаться достаточно объективным относительно самого себя при распознании своего собственного контрпереносного вклада в эту проблему. В сновидениях, однако, мы имеем возможность начать изыскание, имея данные, *уже* носящие символический характер. Поскольку эго не воспроизводит само сновидение, то и искажения эго не следует принимать в расчет, хотя и следует внимательно интересоваться вопросами объективного или субъективного толкования сновидения.

Аффектированное эго и сновидения

В своей работе, посвященной тесту словесных ассоциаций, которая предшествовала его первой встрече с Фрейдом, Юнг достаточно ясно определил природу *комплекса* и *аффектированного эго.* Комплекс — это группа связанных между собой идей и образов, удерживаемых вместе общим эмоциональным тонусом, которая базируется на архетипической сердцевине.[12] Обсуждая воздействие комплекса на сознание, Юнг определил аффектированное эго как модификацию эго, получающуюся в результате его связи с чувственно тонированным комплексом.[13]

Эта энергия, связанная с сильно нагруженным комплексом в личном бессознательном, изменяет способность эго поддерживать свое обычное чувство реальности, переводя его в состояние аффектированного эго. Эго переживает утрату привычной для него объективности, чувствует наплыв аффекта, связанного с комплексом, и испытывает затруднение в поддержании обычных границ личной идентичности.

Возникновение состояния аффектированного эго — характерная черта многих сновидений. Как правило, сны имеют структуру драмы: появление проблемы (включая саму постановку — костюмы, художественное оформление и т. д.— и действующие лица), развитие проблемы, определенную реакцию эго сновидения (вклю-

чая бездействие и эмоциональные реакции) и исход. Важно внимательно выяснить эмоциональные реакции (или их отсутствие) эго сновидения, так как наряду с действиями они являются частью ответной реакции эго сновидения на констеллированные комплексы образно воплощенные в других персонажах сновидения.

Если эго сновидения вовлечено в саму драматическую ситуацию сна, но не проявляет той эмоциональной реакции, которая была бы уместной в бодрствующей ситуации, то сон может свидетельствовать о патологическом дефиците эмоциональной осознанности данной эго-структуры. Особенно тонкий аспект клинического использования сновидений — это истолкование эмоциональной чувствительности (responsiveness) (или ее отсутствия) эго сновидения в отношении к последующим сценам в сновидении. Рассмотрим гипотетический пример, в котором эго сновидения атаковано другой фигурой, но отказывается от обороны, пытаясь подружиться с нападающим. Здесь продемонстрирована специфическая установка эго по отношению к агрессивной составляющей психического. Все последующее в сюжете сновидения может указывать на то, что бессознательное психическое «думает» о подобной эго-установке. Не следует удивляться, если нападение возобновится с удвоенной силой,— здесь можно предположить снотвор-ческое (dreammaker) пожелание, чтобы эго сновидения стало более активным для своей же собственной пользы.

Сон может получить и другое «сценическое» развитие, если эго сновидения не способно к адекватному реагированию на какой-либо вызов во сне (разумеется, об «адекватности» судят по аналогии с ситуацией в бодрствующей жизни), и тогда сцена мгновенно меняется в сторону более серьезной претензии и становится еще более вызывающей. Например, эго сновидения оказалось на театре гражданской войны, где какой-то солдат с вражеской стороны стреляет в эго сновидения, которое укрывается в пещере или блиндаже, чтобы избежать конфликта; но тут сцена меняется, и эго сновидения уже оказывается в воде и видит разрезающие воду плавники приближающейся акулы. Такая последовательность предполагает, что может возникнуть еще более серьезная и примитивная угроза (нападение акулы), если эго сновидения будет пытаться уйти от столкновения на более человеческом уровне.

В качестве общего правила, по всей видимости, можно принять то, что чем ближе общий конфликт в сновидении смыкается с личной конфронтацией на человеческом уровне, тем вероятней становится приближение этого конфликта к точке возможного разрешения. Имея серию снов, иногда возможно прослеживать подобное изменение в его очевидной прогрессии: 1) борьба против первобытных сил, таких как дикие лесные животные, космические пришельцы или сцены безличных батальных сражений, во 2) более локальный конфликт, такой как гражданская война, указывающий на потенциальное единство двух враждующих сторон психического, и далее 3) к не смертельному конфликту, представленному в рамках общих правил, применимых к обеим сторонам — например к атлетическому состязанию или игре в мяч между двумя командами.

Хотя и следует быть осторожным в обобщениях, но, по крайней мере, можно твердо сказать, что конфликтные мотивы в сновидениях часто связаны с вычленением эго из бессознательного, с их разграничением. Это происходит до той поры, пока не появятся более развитые образы индивидуации — наподобие алхимической образной структуры coniunctio (конъюнкции), обычно изображаемой как половой союз или брак, — свидетельствующие о том, что автономность эго достигнута.

Порой можно увидеть, как аффектированное эго в сновидчес-ком образе коррелирует с аффективным состоянием, наблюдаемым у эго бодрствующего. Когда такая связь очевидна, сновидчес-кий образ эго может служить кратчайшим путем к проблемному состоянию эго, его своеобразной «стенограммой». Аналитики и анализанды часто развивают своего рода частный специфический язык, использующий образы сновидения,— «Вы действуете также, как в свое время поступили с монгольским всадником», или «Это снова гражданская война вашего эго?». Использование образов снов для взаимодействия с другими областями жизни пациента — очень ценная составляющя аналитического искусства, хотя, как и в случае любой другой техники, здесь не следует перебарщивать.

Использование главной исцеляющей энергии или силы анализа можно изобразить как помощь пациенту в его проблемном

переживании разнообразных аффектированных эго-состояний *одновременно* с осознаванием удерживающих и питающих пределов аналитического взаимоотношения, основанного прежде всего на реальности сознательной взаимосвязи между аналитиком и ана-лизандом, невзирая на возможные потенциально подрывные бессознательные конфликты между ними. Аналитик несет ответственность за установление и поддержание *теменоса* в анализе (места, самой аналитической процедуры (сеттинга), способствующей установки и т. д.) и за помощь пациенту в рамках этих безопасных границ в его переживании беспокоящих состояний аффектированного эго, являющихся причиной невротического вмешательства в жизненный процесс.

Отсроченное истолкование и не-истолкование

По мере того, как аналитик осваивается с использованием снов в клинической практике, могут возникнуть и некоторые специфические проблемы. Некоторые пациенты поставляют слишком непомерное количество снов, отвлекая тем самым аналитический процесс от тех областей, которые требуют повышенного внимания. Часто, однако, и сами сновидения демонстрируют сопротивление подобному отклонению, если их содержание полностью и искренне доводится до сведения аналитика.

Иногда анализанд приносит так много снов, что с ними со всеми просто невозможно справиться. И тут необходима селекция, отбор. Аналитик может попросить пациента отобрать сон с наиболее выраженной аффективной нагрузкой (где аффектированное эго еконстеллированно наибольшим образом). Часто таким сном оказывается как раз тот, который пациент желает обсуждать меньше всего, поскольку он содержит болезненные теневые элементы или проблемы переноса. Если пациент приносит сны в письменной форме, то аналитик имеет возможность просмотреть их все на предмет выявления мотивов, сходных со сновидениями, уже обсуждавшимися в анализе; их-то как раз и имеет смысл выбрать для более интенсивной работы. Некоторые сновидения можно отложить, что называется, «до лучших времен», то есть

рассмотреть их позже. Пока сохраняется реальное аффектированное эго-состояние значимой величины, обсуждение материала, связанного с этим, будет, собственно, предшествовать толкованию сна. Такое состояние может возникать в области переноса-контрпереноса, в повседневных взаимоотношениях пациента, на работе или где-то еще.

По общему правилу анализ должен концентрироваться на наиболее нагруженном состоянии аффектированного эго, будь оно относимо к бодрствующей жизни или обозначено в сновидении. Если рассматриваемое аффектированное эго возникает в сновидении, а не в бодрствующем состоянии, переразыгрывание сна может пробудить его к немедленному анализу в текущей ситуации. Для такой цели можно использвать целый ряд приемов: хорошо известную технику гештальта, в которой человека просят «быть» образом эго сновидения, высказываясь от первого лица, как если бы действие происходило сейчас; гипноаналитическую технику и активное воображение; групповую психотерапию с использованием ряда приемов психодрамы; существует и простой способ попросить пациента пересказать сон с точки зрения одного из персонажей помимо эго сновидения. Любой из вышеперечисленных приемов и способов может вызвать возрождение состояния аффектированного эго, давая тем самым возможность терапевтической проработке комплекса.

Оставление сна неистолкованным — тонкий вопрос в аналитической технологии. Вообще, существуют два главных показателя к тому, чтобы оставить сон без объяснения. Первый, когда сон демонстрирует о пациенте нечто, что аналитик признает существующим на основе других наблюдений, а сам пациент совершенно не готов признавать. В психоанализе это классическая ситуация: аналитик знает о пациенте то, с чем этот пациент еще не готов встретиться. В гипноанализе недостаток инсайта иногда покрывается временной амнезией с инструкцией вспомнить «в нужное время», когда эго окажется готовым к усвоению.

Второй показатель к отсрочке толкования сна — это ситуация, в которой эго бодрствования нуждается в аффективном переживании сна больше, чем в любом аналитическом его понимании. Такие случаи редки, но важны, они периодически возникают тогда,

когда есть заметная потребность в восстановлении поврежденного эго-образа, часто из-за низкой самооценки, сформировавшейся еще в детстве. Например, женщина, пережившая в прошлом острую эмоциональную недостачу со стороны собственной матери, видела во сне Деву Марию, и при этом ощутила с ее стороны любовь и заботу. Казалось, сон был попыткой получить переживание через эго сновидения материального любящего аспекта архетипа матери, той стороны архетипа, которая с явным недостатком проявилась со стороны ее собственной матери (возможно, как результат собственных невротических конфликтов матери). К моменту сна пациентка пребывала в неустойчивой ситуации с острой депрессией и получала в своей семье очень незначительную эмоциональную поддержку. Сон остался без интерпретации, поскольку аналитик чувствовал, что больше всего пациентке необходимо ощущение

эмоциональной заботы, переданной любящим образом. Позже этот сон был увязан с другими снами, в которых фигурировали материнские фигуры, и стал частью аналитического обсуждения всей серии.

Совмещенная группа и индивидуальная терапия

Некоторые аналитики-юнгианцы выступают против смешения группового и индивидуального анализа и даже принципиально не принимают группового лечения, другие же (включая и меня) считают, что зачастую комбинация индивидуальной и групповой работы может быть более полезной, чем тот или иной подход в отдельности. Групповой процесс способен вызвать состояние аффектированного эго непосредственно в самой ситуации, также как это делают сновидения. В групповом сеттинге также существует разная констелляция персоны и тени. Многие пациенты чувствуют, что благорасположенность аналитика приносит мало облегчения в случае подавленной вины, поскольку аналитик — «человек особенный», «он-то понимает, а вот другие нет». Групповой сеттинг, по всей видимости, констеллирует архетипическое ощущение общества или семьи; следовательно, благорасположенность группы зачастую способствует повышению чувства само-приемлемости у пациента.

Хорошая аналитическая техника требует, чтобы любое решение относительно начала или прекращения участия в групповой терапии рассматривалось столь же тщательно, что и вопросы начала и завершения индивидуального анализа. В выработке таких решений большую помощь часто оказывают сновидения. Как и при приеме любого решения о важном изменении, такого, скажем, как прекращение анализа, часто самым мудрым является приход к наилучшему возможному решению на основе сознательного размышления с отсрочкой его осуществления до тех пор, пока есть время проследить реакцию (если таковая последует) на это решение в материале сновидения. Принятие сознательной позиции, даже если позже она и изменится, дает точку отсчета в сознании для компенсаторных сновидений.

Сновидения могут указывать на необходимость большего участия в групповом процессе и на самом деле служат таким указанием, зачастую означая, что какая-то важная деятельность в сновидении происходит в присутствии членов группы. Временами, однако, сновидения показывают, что анализанду лучше воздержаться от вхождения в группу, возможно, потому что есть более неотложная работа, которую необходимо сделать на индивидуальной основе. Один пример такого сна: сосед возжелал, чтобы эго сновидения подрезал живую изгородь (кустарник), но эго сновидения отказалось от этого, решив, напротив, посадить такой изгороди еще больше. *Тогда* эго сновидения обнаружило, что за его собственным задним двором находится обширная неразработанная территория с множеством построек и садовым участком.

Когда член терапевтической группы видит сон о другом участнике, то часто весьма полезно принести сон на групповой сеттинг для дальнейшей работы. Одна женщина, которая только что приняла участие в работе терапевтической группы, обнаружила ожесточенную реакцию на женщину, уже некоторое время работавшую в группе. Она чувствовала, что эта другая женщина была «любимицей группы», в то время как она сама подвергалась критике почти за любое слово или действие. Ее реакция, обсуждавшаяся на индивидуальной аналитической сессии, показала острую проблему «враждующих сестер», которая до того оставалась незамеченной. Позже она увидела сон, в котором чувствовала себя очень друже-

ственно настроенной к той женщине из терапевтической группы,— сон, ясно продемонстрировавший компенсацию ее сознательной реакции. Она решила рассказать сон на группе и очень быстро поняла, с приличествующим данной ситуации эмоциональным инсайтом, что она испытывала чувство родства с этой женщиной, не взлюбив и убоявшись ее поначалу.

Основные тезисы для запоминания

1. Аналитический процесс имеет место в пределах преобразующего поля переноса — контрпереноса.

2. Бессознательные процессы аналитика не могут быть не втянуты в анализ, но они должны быть незначительны по сравнению с аналогичными процессами у анализанда.

3. Сновидения, в которых анализанд ясно видит аналитика (и наоборот), должны быть исследованы особенно тщательно, в особенности если они содержат сильные эротические элементы.

4. Сновидения могут служить информативным подспорьем в выборе редуктивного или проспективного анализа, применения медикаментозного лечения и других клинических средств, но они должны быть лишь частью процесса принятия решения.

5. Толкование сновидения не всегда является главным стержнем анализа.

6. Вообще, необходимо следовать материалу, связанному с самым сильнодействующим состоянием аффектированного эго у анализанда.

7. Преобразующее поле анализа состоит из переживания состояний аффектированного эго внутри (в пределах) безопасного *теменоса* анализа. Поддержание безопасности теменоса, когда ему грозит разрушение, имеет первостепенное значение перед толкованием сновидений и другими аспектами аналитической работы.

8. Значение сна неисчерпаемо, даже если сон выглядит полностью понятым. Чувство смиренной скромности является жизненно важным в деле толкования сновидений.

Глава 6

Эго-образы и комплексы в сновидениях

Изменения, происходящие с эго сновидения, эго-образ в сновидении дают много ценных сведений в клиническом применении юнговского анализа. Здесь важно постоянно помнить, что сам сон должен быть тщательно амплифицирован и после этого помещен в контекст текущей жизни пациента и стадию его индивиду ации.

Уже обсуждались базовые структурные понятия аналитической психологии — структуры идентичности эго и тени и более взаимосвязанные структуры персоны и анимы/анимуса. Образы сновидения часто могут быть легко отнесены к этим структурным понятиям, но было бы ошибкой думать, что такая идентификация в любом случае окажется достаточной для ее клинического использования. Сон является вещью гораздо более тонкой, нежели любая теоретическая схема психического, которую, естественно, не следует использовать подобным редуктивным способом.

И все же, при соответствующих ограничениях, с учетом сновидческой динамики, структурные понятия Юнга могут оказаться полезным средством психологической ориентации как для аналитика, так и для пацинета, а также пригодиться для понимания непосредственно складывающейся проблемы.

Идентификация комплексов

Комплексы легко идентифицируются во многих сновидениях, но сами сны дают гораздо больше информации, нежели простое отождествление комплексов, они ко всему прочему показывают *что психическое делает* с констеллированными комплексами. Любой неструктурированный стимул, к которому приложима свободная ассоциация пациента, способен тотчас же обнаружить комплексы, которые сконстеллировались на тот или иной момент.

Юнг отметил это в своей работе над тестом словесных ассоциаций; его возражение на фрейдовскую технику словесных ассоциаций заключалось в том, что последняя приводит к комплексам, но не обнаруживает их связи с образами сновидения, являющимися началом ассоциативной цепи. Поскольку Юнг не верил в идею запрятанного или «латентного» значения сна, скрывающегося за манифестным сном (который Юнг принимал как символический, но никак не переодетый или замаскированный), то он и не пытался искать что-либо за «маской» образа сновидения; эти образы прежде всего подвергались амплификации на личном, культурном и архетипическом уровнях с целью выяснить их значение в соотношении с другими образами, ассоциировавшимися в психике пациента естественным образом.

Помимо идентификации комплексов, сон может также показать и свою неожиданную связь с другими комплексами. Например, молодая женщина, недавно получившая развод, увидела во сне:

Я в доме своего бывшего мужа, своем старом доме. Ночь. Я нахожусь в спальне и внезапно слышу голоса снаружи. Я вижу своего бывшего мужа и его новую подругу. Я подумала, что, должно быть, сказала ему о том, что собираюсь остаться в доме сегодня, с тем, чтобы его тут не было. Они поднимаются наверх, собираясь в спальню, и тут я осознаю, к своему удивлению, что нахожусь в спальне своих родителей в их доме и что мой бывший муж со своей любовницей отправляются в спальню моих родителей.

Сон испугал ее тем, что вызвал предположение об эдипооб-разности ее чувств к бывшему мужу, поскольку он оказался на месте ее отца. Удивление усиливалось еще и тем, что она осознанно относила подобную бессознательную связь к своему сексуальному отвращению к бывшему мужу, что и послужило причиной их развода.

Другая пациентка обнаружила схожую связь между текущей ситуацией и прошлыми чувствами по поводу своей матери (обнаруженными в материнском комплексе) в двух сновидениях в течение одной ночи, в тот период своей жизни, когда она на протя-

жении ряда лет прорабатывала острую проблему нравственных отношений со своей матерью. Отметим здесь, что сама связь с материнским комплексом не выглядит очевидной в первом сне, но в соотношении со вторым сном материнский комплекс становится отчетливо ясным:

***Сон** 1:*

Я вместе с еще тремя или четырьмя людьми нахожусь на краю скалистого выступа. Мне боязно, и тут я срываюсь вниз и лечу 20 или 30 футов (7-10 метров). Когда я ударяюсь о землю, то пытаюсь убедиться, что все нормально. При этом надеюсь, что и остальные люди не подумают, что я пыталась просто привлечь внимание.

***Сон** 2:*

Я на крыше дома моей матери. Там же другие люди. Я боюсь упасть вниз. Но, кажется, это никого не интересует.

Оба сна имеют сходный, хотя и несколько отличный изначальный образ, служащий тому, чтобы связать оба сна с одним и тем же паттерном комплексов; правда, в снах выражаются несколько отличные взгляды на комплексную структуру. Обрыв в первом сновидении аналогичен крыше в материнском доме во втором сне. В первом сне наличествует ненамеренное падение, сопровождаемое состоянием эго, в котором легитимный интерес эго сновидения, связанный со своим собственным благополучием, отодвинут в пользу невротической мысли, которая выглядит не так, как: «Я надеюсь, люди не подумают, что я попросту пыталась привлечь к себе внимание». Во втором сне она не падает, до тех пор пока другие люди остаются к ней безучастными, и ее местонахождение на «крыше материнского дома» показывает, что действительная трудность помещается в родительском комплексе, а не в осознанном интересе быть справедливой и отдавать себе отчет в своих действиях. В каком-то смысле то чувство, что она «слишком греховна» скомпенсировано (или показано в более истинном свете) ее нахождением в не соответствующем ее статусу слишком «высоком и глупом месте» — на краю обрыва или на крыше. Она связала этот интерес со своим разочарованием, со

своей семьей и тем недостаточным вниманием, уделяемым своему недавно рожденному сыну, в противоположность вниманию, кото-' рое, как она чувствовала, она продемонстрировала первому ребенку своей сестры.

Структурные сдвиги: границы и ограничения

Сдвиги от одной эго-тождественности к другой могут символизироваться в снах, частенько принимающих форму пересечения границы или выхода за пределы, или пересечения водного пространства через мост. Такие образные представления показывают два контрастирующих состояния бытия и способность эго переходить из одного в другое, базируясь при этом на своей собственной идентичности. Это контрастирует с более невротическими перемещениями из одной идентичности в другую *в пределах* устойчивого невротического паттерна. Конечно, если установившийся паттерн невротичен, то сдвиг идентичности далеко в сторону от самого паттерна рассматривается как признак клинического улучшения, хотя само перемещение идентичности в сторону от *любого* привычного паттерна вызывает беспокойство до тех пор, пока не стабилизируется новый паттерн.

Один мужчина довольно грубо разговаривал с женщиной из своей группы на терапевтической сессии, чего он обычно никогда не делал, поскольку утаивал свои негативные чувства, что позволяло до поры до времени удерживать

свою тень упрятанной, но также и мешало ей войти в сознание с целью возможной интеграции. Он чувствовал себя плохо по поводу того, что выразил свои негативные чувства, и его подмывало вновь прибегнуть к старому паттерну удержания своих чувств в себе и тем самым заморозить себя в невротическом и неизменяемом состоянии. Сразу же после своих переживаний на сеансе групповой терапии ему приснился сон: *Я нахожусь на какой-то пограничной территории, что-то вроде Берлинской стены, но думаю, что это где-то в Польше. Я стою на свободной стороне, но по какой-то причине хочу перейти на не-свободную территорию, где меня, возможно, схватят и не разрешат вернуться. Я должен быть внимательным и осторожным. Людей вокруг нет, и мне страшно.*

Помимо указания на его намерение перейти в «не-свобод-ную» идентичность из-за своей вины, сон столкнул его с импульсом: начать любовные отношения с одной женщиной, которую он знал еще до своей женитьбы. Аспекты «свободы» против «не-свободы» в его личности могли скоррелироваться с его основной невротической проблемой и ее проявлением во многих областях жизни.

Связующие структуры и структуры идентичности

Психологические структуры, выделенные Юнгом, могут быть полезным инструментом в понимании сновидений: персона, тень, анима и анимус, Самость и другие архетипические образы и, разумеется, разнообразные формы и роли самого эго. В беседах с пациентами по поводу сновидений вести о них речь вовсе не обязательно, если к тому же пациент с ними не знаком, но они полезны для ориентации психотерапевта. Чрезмерное их использование в обычных обсуждениях с анализандом ведет к серьезному риску расширения интеллектуального понимания за счет реального эмоционального инсайта и трансформации. Когда анализанд, кроме того, является проходящим подготовку будущим аналитиком, то идентификация структурных компонентов в его материале будет полезным обучающим инструментарием, однако лишь после того, как достигнуто аффективное понимание.

Персона

Роль персоны часто представляют в качестве «маски», тем самым приписывая ей негативное значение в противоположность к «подлинной» личности, переживаемой эго'м («Я просто хочу быть самим собой»); однако это неверное понимание функции персоны. Персона — это просто-напросто структура для связи с коллективной сознательной ситуацией, аналогичной понятию роли в социальной теории. Обычно само эго знает, может ли оно отож-

дествляться или не отождествляться с той или иной ролью персоны, в то же время, как правило, не зная и не ведая, что точно также оно может отождествляться (или не отождествляться) с теневой структурой, являющейся, — как это, в конце концов, и оказывается, — составляющей, но непризнанной частью эго. Персона выглядит добровольной, факультативной, необязательной, тогда как тень кажется чем-то навязчивым, компульсивным, хотя обе представляют всего-навсего роли эго-идентичности, поддерживаемые с различной степенью напряженности в связи или в соотношении с другими структурными компонентами психического.

В сновидениях составляющие персоны часто представлены предметами одежды (которые могут надеваться или, наоборот, сниматься) и ролями, наподобие разыгрываемых различными персонажами в драме. Отождествление себя с персоной может привести эго к ощущению, что без разыгрываемой им роли оно пусто и «мертво». Это с поразительной ясностью проявилось во сне одного армейского офицера, обнаружившего себя на сцене за кулисами мертвым и в униформе, тогда как все остальные, тоже бывшие в это время на сцене, собирались исполнить другие роли в своей жизни. И наоборот, отсутствие соответствующей одежды или видение себя голым в общественном месте представляет мотив сновидения, указывающий, вероятно, на неадекватность персоны.

Когда эго действует соответствующим образом, то персона просто облегчает его активность в социальном взаимодействии. К тому же персона является средством для преобразования эго: бессознательные содержания могут поначалу переживаться через одну из ролей персоны и уже позже интегрироваться в эго как часть своей собственной само собой разумеющейся функциональной идентичности. Если взять достаточно простой пример, такой, скажем, как обучение игры на фортепьяно, то здесь вполне ясно движение от персоны к подразумеваемой эго-структуре. Вначале человек учится самой игре на инструменте, затрачивая значительные усилия, а затем, в какой-то момент, его мастерство становится автоматическим и бессознательным, хотя в случае какой-либо трудности сразу же вспоминаются мучительные уроки прошлого.

Поэтому, когда во сне обнаруживается персона, то ее следует рассматривать в соотношении с другими структурами, представленными в сновидении, в перспективе общей сюжетной динамики сна. Персона, сама по себе, не является положительной или отрицательной.

Тень

Образы тени также представляются носителями негативных ощущений и чувств, хотя, как уже упоминалось ранее, это тоже может оказаться иллюзией, основанной на изначальном выделении теневых содержаний из незрелого детского эго. В ребенке есть мало чего от независимости взрослого, и он может отделить вполне здоровую часть эго, адресовав ее в структуру тени, согласуясь или подчиняясь семейной традиции или общественной ситуации, которые сами по себе невротичны (или попросту отражают какую-то случайную реальную ситуацию в семье). И если теневое образование впоследствии не попадает в поле зрения сознания для переосмысления, то черты, составляющие тень, оказываются труднодоступными эго в плане его нормальной деятельности. Любая психотерапия в какой-то степени участвует во введении тени в сознание, способствуя тем самым большему соответствию теневых составляющих при принятии их — по более зрелому размышлению — в господствующую эго-идентичность. Если же теневой интеграции не получается, то содержания тени стремятся оказаться спроектированными на других (обычно представителей того же пола, что и эго) и выставляют всевозможные иррациональные препятствия и помехи на пути к «нормальному» межличностному взаимодействию.

Сон одного врача, у которого было много проблем, связанных с его незрелостью, продемонстрировал одновременно не только характеристики тени и персоны, но и взаимоотношение между ними в своей психике:

Я был секретным агентом [скрытая идентичность], *действующим против немецкого гестапо* [символ

коллективной тени]. Униформа, которую я носил, была неправильно

сшита сзади [проблема персоны]. Трое или четверо мужчин пытались помочь мне подобрать правильную униформу, в частности брюки-галифе [возможно, подходящие части тени].

В предшествующий сну день этот мужчина смотрел телевизионную передачу о поисках скрывшихся нацистов. Он считал гестаповцев «злыми, безумными, не соответствующими действительности людьми (в оригинале misfit означает одновременно и плохо сидящее платье, неудобные башмаки, и человека, плохо приспо-собленого к окружающим условиям — *В. 3.);* людьми властными, жесткими, догматичными, конструктивными». Эти ассоциации, до некоторой степени, описывали его собственную тень, но выражали также и его страх оказаться связанным с подобного рода материалом. Сон продемонстрировал взаимосвязь неадекватной персоны (не вполне пригодной униформы) и серьезности в характере теневых проблем.

Тень может содержать качества, которые необходимо интегрировать, исходя из целей более совершенной эго-структуры. Это часто наблюдается в снах с агрессивной теневой фигурой, требующейся для компенсации слишком пассивного бодрствующего эго, хотя наблюдается и обратная конфигурация — теневая фигура более мягкой или уступчивой природы, нежели бодрствующее эго.

Анима/анимус

Изначально анима или анимус служат функции расширения личностной сферы, включающей внутреннее «пространство» эго, персоны и тени, а также и самих аниму и анимус. Часто это осуществляется через проекцию на фигуру противоположного пола во внешнем мире, но может происходить и при посредничестве такой фигуры в сновидениях и фантазиях. Сказки — богатый источник образов анимы и анимуса. Чрезмерная опора на активность анимы (у мужчины) или анимуса (у женщины) лишает эго выразительности, обедняет его. В бодрствующей жизни присутствие анимы или анимуса очевидно обычно в тех случаях, когда эмоция или

мысль поддерживаются с определенным эмоциональным упорством, но в обезличенной форме. Чувства и мнения формулируются в терминах долженствования «следовало бы» или «было бы желательным», строящихся на коллективных правилах общепризнанного поведения или мужских и женских стереотипах, — часто они возникают из бессознательных составляющих персоны или анимы/ анимуса. Это можно определить достаточно точно, потому что самим свойством того или иного чувства или мнения оказывается его безличность; оно может быть даже и направлено на другого человека, но в нем совершенно отсутствует различение между конкретным присутствием этого другого человека и спроектированной фантазией того, кем он «должен» быть.

В процессе изымания или снятия проекций анимы или анимуса персональное эго расширяется, увеличивая сферу сознания. Неудачная попытка изъятия проекции, например на любимого человека, может повести к ожесточению и горечи, и к измельчанию отношений — бывший возлюбленный/ая не оправдал ожиданий, следовательно, он (она) оказался не тем человеком, которого обещала проекция. Если же проекция изъята, и ее содержания стали частью субъективного мира проектирующего эго, то возможность добрых личных взаимоотношений с лицом, которое ранее рассматривалось главным образом в терминах проекции, сохраняется.

Следующие сны двух женщин показывают чрезмерную опору на свой анимус, большую, чем ставка на развитие необходимой силы в самом эго. Первой женщине приснилось, что она спускается по длинной лестнице в балетный класс, ступая «по-балетному». Тут возникает мужчина, выражая желание помочь. Он помогает ей сойти по лестнице, в то время как она пытается заставить свои ноги двигаться так, как если бы она сама «станцовывала» по лестнице вниз. Она сообщает: «Было довольно трудно двигать ногами достаточно быстро, поскольку лестница состояла из множества крошечных ступенек, и я не была уверена, что смогу действительно уследить за всеми, по мере того как оказывалась все ниже и ниже».

Другой женщине приснилось, что она сидит в лодке и ловит рыбу со своим отцом, и вот что-то попалось на удочку. Хотя это была ее удочка, отец принялся со всей силой тянуть и наматывать леску, вытаскивая рыбину. Какое-то время она сопротивлялась той

мысли, что слишком сильно положилась на фигуру отца как анимуса, концентрируясь прежде всего на интерпретации, показывавшей, что отец, наконец-то, что-то делает для нее. Она была исключительно способной и творческой личностью и при этом без всяких причин сомневалась в своих собственных возможностях, то есть эти возможности имели место, но бессознательно (в самом анимусе) не интегрировались в само собой разумеющуюся функциональную структуру эго.

В классическом варианте, как уже указывалось, аниму привычно связывали с бессознательным чувством мужчины, в то время как анимус отождествлялся с недостаточно развитым мышлением у женщины. Подобные стенографические обобщения, возможно, и были правильными в традиционной европейской культуре, в которой прошли годы созревания интеллектуальных прозрений Юнга, но они могли оказаться совершенно неуместными в любом конкретном случае, где конфигурация анимы или анимуса определяется организационной структурой личностной сферы и содержаниями, приписанными персоне и тени на этапе их роста и вызревания.

Один мужчина, начинающий новую стадию в развитии анимы, в которой его идеализированные чувства к женщинам оказались гораздо менее спроектированными на реальных женщин во внешнем мире, увидел во сне, что он поймал мимолетный взгляд призрачной женщины, смеющейся и поющей, в тот момент, когда она двигалась по коридору, направляясь в сад. Эта сцена выглядела как демонстрация намерения показать его аниму отделенной от его проекций и в каком-то смысле связанной с прошлым (как привидение).

Хотя анима и анимус являются вообще противоположными по полу в отношении к половой идентичности эго, существуют некоторые клинические случаи, в которых они контаминируют с тенью, и пол анимы или анимуса здесь менее очевиден. Если же существует неясность или путаница в половой роли эго, то отражением этого обстоятельства могут быть образы тени и анимы или анимуса. Следует также помнить, что эти структурные понятия до известной степени являются обобщениями; реальные сны и сно-видческие образы гораздо более сложны, нежели суждения о них.

Самость и ось эго — самость

Самость — регулирующий центр психического — может также возникать в снах наряду с другими архетипическими образами. Появление Самости, архетипической сердцевины эго, часто указывает на необходимость в стабилизации эго, поскольку существует тенденция к образованию реципрокного отношения между устойчивостью эго и проявлением Самости в установившейся форме. Если эго оказывается в замешательстве и беспорядке, то можно ожидать, что Самость появится в очень строгой форме, такой, скажем, как мандала. Говоря психологически, суть образа мандалы такова, что в нем подчеркивается всеобщность (totality) чего-либо; обычно в мандале вполне отчетливо представлены периферия и центр. В историческом плане понятие мандалы относится к определенным хорошо структурированным символам медитации, используемым в буддизме, часто состоящим из квадрата с четырьмя воротами или круглого города с центральным образом посередине (для медитации) и меньшими образами, окружающими его.

В снах образные представления Самости могут быть более неточными, наподобие, скажем, здания, которое окружает центральный двор с фонтаном, или двух больших зданий, соединенных центральным общим крылом. Самость может проявиться в виде голоса наподобие «Божьего гласа», кажущегося исходящим из «ниоткуда», и в общем несет ощущение неоспоримой целостности, чистоты и правильности, демонстрирующее состояние вещей, как они есть, во всей их простоте и сути, так что возможность не согласиться напрочь отсутствует. В качестве классического образчика можно сослаться на уже упоминавшийся сон, состоявший всего из одной фразы,— властный повелевающий голос произнес: «Ты не ведешь свою истинную жизнь!»

Составить сколь-нибудь возможный список образов Самости невозможно, так как фактически *любой* образ, возникающий с достаточным величием (dignity) и смыслом, может нести в себе силу этого центрального архетипа. Кроме того, важно различать архетип Самости и любой отдельный архетипический образ Самости, возникающий в сновидениях. Как архетип, Самость есть упорядочивающий центр психического,— некоего целого, целого больше-

го, чем эго, но связанного с ним наиинтимнейшим образом. Самость как всеобщность, тотальность психического является порождающим полем процесса индивидуации. Но Самость к тому же еще и архетипический паттерн, на котором строится развитие эго. Концептуально центрирующей характеристикой целостной психики является Самость, тогда как в качестве центра сознания (и личностной сферы) выступает эго. Когда мы говорим о Самости в снах, мы, действительно, рассматриваем ее в качестве архетипи-ческого образа упорядоченного психического как целого. Любой архетипический образ Самости в сновидениях есть образ этой всеобщности (totality), видимый с точки зрения отдельного эго сновидения. Поскольку содержания эго смещаются, то сдвигается и образ Самости, хотя при этом само отношение между ними всегда остается таким, что центр сознания (эго) соотносится с центром психического (Самостью).

Ось эго — самость, это понятие используется иногда для описания взаимоотношения между эго и Самостью. Существуют, правда, некоторые возражения по поводу этого термина, относящиеся прежде всего к статической характеристике, подразумеваемой в слове «ось». Фактически отношения между эго и Самостью гораздо более подвижны и переменчивы. Лично я предпочитаю использовать термин *спирация эго — самость* (от латинского spirare, дышать. В русском языке существует латинская калька «респиратор».— *В. 3.),* подчеркивающий дыхательный характер их взаимоотношений, реверсивный (взад и вперед) поток между эго и Самостью.

В автобиографии Юнг приводит два сна из своей богатой коллекции для иллюстрации, по сути, загадочного взаимоотношения между эго и Самостью. В одном из снов Юнг представил себе, что он сам был спроецирован летающей тарелкой (НЛО), а не наоборот. В другом он мнил себя фигурой медитировавшего во сне йога, у которого тоже было лицо Юнга. «Я знал, что когда он проснется, то меня не станет».[14]

Это движение или потенциальное перемещение между эго и Самостью можно увидеть в снах, в которых выделяется наблюдаемый эго-образ или подчеркивается его зависимость от чего-то большего и более могущественного, нежели он сам. Например,

один мужчина в возрасте около сорока пяти лет видел во сне, что участвовал в морском шлюпочном походе разведчиков (Scout) и упал за борт во время шумного скандала с приятелями. Когда же он поплыл, пытаясь догнать шлюпку, она превратилась в огромный океанский лайнер. Он перестал двигаться, потому что вдруг услышал странный звук. Сновидец понял, что это большой кит, плывущий на глубине семидесяти-восьмидесяти футов. В какой-то момент он «увидел» себя на поверхности океана так, как если бы он сам был этим китом. Внешняя форма и размеры кита при этом выглядели «не более, чем водяной клоп». Он чувствовал настороженность, как будто в любой момент могло что-то произойти, но страха не было, и большой кит угрожающим не казался.

Здесь, в момент контакта с бессознательным (океан) отчасти юношеская эго-идентичность сновидца (Scout можно перевести и как бойскаут, молодой парень.— В. 3) вдруг осознает, что она в каком-то смысле есть объект превосходящего субъекта (кита). Одновременно бывший носитель эго сновидения (маленькая шлюпка) становится большим океанским лайнером. Поэтому эго-образ в контакте с водой переживает себя находящимся между двумя точками зрения, обе из которых значительно больше, чем он сам — кит в океане и рукотворный лайнер на поверхности. Юношеская (puer) установка подвергается мягкой компенсации и кажется, что должно произойти нечто неожиданное, требующее настороженности, но не угрожающее.

Архетипическая амплификация

Архетипические образы в снах часто указывают на изменение курса в развитии эго или на компенсацию в неадекватно сформировавшейся эго-структуре. Так как за каждым комплексом кроется архетипическая сердцевина, то всегда возможно амплифициро-вать любой мотив в направлении его архетипических оснований. Архетипическая амплификация в клиническом сеттинге должна, однако, использоваться очень осторожно. Нежелательным и даже опасным побочным эффектом чрезмерной архетипической амплификации является гипнотическая зачарованность («впадение

в прелесть») бессознательными образами и их архетипическими значениями. Эта очарованность может увести

от процесса индиви-дуации, требующего поиска личного значения среди множества архетипических возможностей, предлагаемых как в бессознательном, так и во внешнем коллективном мирах. (В действительности есть люди, которые соглашаются заниматься юнговским анализом, не скрывая горделивого настроя, поскольку глубоко убеждены, что их тесный бодрствующий контакт с тем, что Юнг назвал архетипами, есть отпечаток «избранности» или залог будущей высокой квалифицированности; только позже они осознают — если, конечно, оказываются к этому способными — что это их главная проблема. *Единообразная* целостность — все та же бессознательность).

В практическом плане, аналитик способен интерпретировать только те архетипические образы, которые могут быть отожде-ствимы, как таковые. Это главным образом зависит от широты знакомства с мифологией, фольклором и религией,— хранилищами значимых образов, значимых достаточно большому количеству людей Б самом широком спектре времени, традиций, культур.

Порой возникают образы сновидений, которые могут быть значимо прояснены только с помощью архетипических ассоциаций.[15] Гораздо чаще архетипические образы являются в явном своем значении в известных культурных формах. В нижеследующем сне, например, есть ряд образов и мотивов, которые могут рассматриваться в архетипической плоскости: черепаха (символ всеобщности, основы мироздания); яйцо (символ первоначала, космическое яйцо); таинственное движение от «одного» к «двум»; связь младенца с матерью; и таинственный голос, вещающий бесспорную истину.

Я видела светящийся черепаший панцирь на берегу. Неподалеку лежало яйцо птицы, и оно также светилось, как и панцирь. Бесплотный голос вещал и сказал: «Это похоже на яйцо, но стоит взять его в руку, то станет два яйца». Голос звучал профессионально и богоподобно. Я подобрала яйцо, и таинственным образом у меня в руке оказалось два яйца. Голос сказал, что это цыплячьи яйца, и из них вылупится мама-птица и ребенок-птица, и ребенок найдет свой путь к матери. И тотчас же я увидела ребенка-птицу, ковыляющую по берегу к матери.

Несмотря на ряд архетипических возможностей для амплификации, этот сон был оставлен в контексте серии снов, в которой он появился, без специального рассмотрения. Он мог бы быть проинтерпретирован в терминах архетипического развития отношений матери-ребенка (одно яйцо стало двумя, одно — ребенок, другое — мать), с любым количеством украшений из религии и мифологии. Но эффект сна как такового был достаточен, чтобы двинуть сновидца в сторону разрешения глубокой трудности с образом матери, аффективно влиявшем как на ее отношения со своей собственной матерью (которое стало менее проблематичным), так и на ее отношение с ее собственной ролью матери своих детей (которое также улучшилось). За короткое время случился еще один сон, показавший, что она должна быстро убрать ненужные строительные «леса» вокруг здания, для того чтобы помешать опасному взрыву. Аналитику показалось, что это подтверждает его решение не прояснять предыдущий сон, чувствуя, что цель или сообщение этого сна было лучше разобрано на более личном уровне и в любом случае уже услышано.

Глава 7 Общие мотивы сновидений

Нетрудно понять, что представить энциклопедический список мотивов снов и их обычных значений невозможно. Попытка двигаться в этом направлении может в лучшем случае привести к чему-то вроде «поваренной книги»,— «соннику на все случаи жизни»,— что может ввести в заблуждение да и изначально не соответствует аналитической задаче. *Все сновидческие образы контекстуальны.* Один и тот же образ может нести совершенно разные значения в разных снах одного и того же человека, и уж определенно эта разница очевидна, когда какой-то образ является во сне кому-то еще. Опытный психотерапевт понимает, что любое обсуждение мотивов принципиально не может быть исчерпывающим, а служит лишь пояснением стиля и возможностей истолкования, *способных* быть полезными в совершенно разных контекстах. Личностный анализ и супервизия собственных случаев искусным толкователем сновидений с хорошей подготовкой по аналитической психологии остаются самым непосредственным практическим способом овладеть клинической работой со сновидениями.

Представленные в данной главе примеры поэтому следует воспринимать не более, чем иллюстрацию специфических случаев, которые могут дать ключ к анализу других случаев, заведомо и всегда отличных по уникальности своих деталей, структуре и значению.[16]

Инцест

Появление инцеста в сновидениях — не обязательно дурной знак. Накануне перехода через Рубикон и похода на Рим Цезарь видел сон, в котором совершил инцест с матерью, сон, который был истолкован (с наиболее вероятной достоверностью) как указание на то, что «мать» Рим готова принять его с радостью и без сопротивления. В Древнем Египте инцест между братом и сестрой в семьях фараонов рассматривался как нормальное, а порой и как

должное явление, отражая инцест брата и сестры, унаследованный в архетипическом мифе Изиды и Озириса. Инцест в сновидении может представлять контакт эго сновидения с архетипическим значением, персонифицируемым родителем или братом/сестрой (сиб-лингами), контакт, являющийся результатом какого-то незаурядного движения прочь (ухода) от фиксационных точек в личных областях психического. Аналогичным образом инцест с сиблин-гом того же пола часто указьгоает на необходимость для сновидца в ассимиляции бессознательных теневых характеристик или показывает, что это уже произошло.

Негативный смысл мотивов инцеста, включающих родителей, подразумевает способность материнского или отцовского образов-имаго, лежащих в основе более личных комплексов, вмешиваться (вторгаться) в достижение конъюнкции (coniunctio),— сбалансированной парности мужских и женских элементов, часто отраженной в сексуальной образной символике. Например, мужчина, переживший когда-то трудности в своих взаимоотношениях со многими женщинами после своего развода с сухой и сдержа-ной женой, увидел во сне, что встретил свою собственную мать в возрасте около пятидесяти лет (ему самому на тот момент было 55). Он обнял мать и постепенно стал чувствовать, что ее вагина затрепетала, наполняясь сексуальной энергией. Во сне это совсем его не смутило, но когда он проснулся, то был чрезвычайно обеспокоен.

Этот сон помог выявить инцестуозный элемент в его взаимоотношениях с женщинами; кроме того, это помогло распознать в его психике расщепление по типу мадонна-проститутка, основанное, в частности, на сверхидеализации

своей матери, которую он рассматривал вне сексуальной сферы.

Оплакивание

Естественно появление в сновидениях и процессов горева-ния, скорби, траурного оплакивания. В обычной тяжелой утрате мертвый любимый человек может появляться во сне живым; частота сновидений постепенно уменьшается (а их символическое со-

держание увеличивается) по мере того, как процесс оплакивания близится к оздоровляющему завершению,— обычно этот процесс длится от шести до восьми месяцев после смерти. В случае пролонгированного и патологического оплакивания, когда переживший смерть близкий не способен или не желает принять смерть любимого человека, образы сновидений часто выставляют умершего в отрицательном свете или в ситуации, в которой покойный пытается оставить эго сновидения, разорвать с ним какую-либо связь.

Например, женщина с серьезными парентальными проблемами прошла через длительное и тяжелое оплакивание после самоубийства своего мужа, единственного человека, с которым она ощущала тесную эмоциональную связь. Много снов показывали, что он действительно мертв, что она не должна пытаться следовать за ним по пути смерти, что для нее нет места быть похороненной рядом с ним и т. д. Один из последних снов в этой серии приснился через несколько лет после его смерти, уже когда она снова вышла замуж (тоже неудачно).

В этом сне она развелась с ним, и у него была другая жена. Эго сновидения хотело ребенка, но ее муж сделал себе стерилизацию (чего на самом деле не было). Он отправился исправить положение, но как-то так получилось, что они сделали повторную ва-зэктомию (иссечение семявыводящего протока). Затем уже эго сновидения должно было сделать вазэктомию, но хирург сказал, что у нее нет яичек. Она и ее муж согласились, что морской берег, на котором они находились, не столь привлекателен, как тот, на котором они провели медовый месяц. Приближалась огромная в два этажа морская волна, и в ней находилась «какая-то краснокожая вещь», похожая на «находящуюся внутри женского тела», которая напомнила эго сновидения из очень давнего сна о таком же морском существе.

Этот сон содержит несколько мотивов, указывающих на то, что «зацикливаться» на этом браке нереально, даже опасно: муж разведен и снова женат, возможности иметь детей нет (новое направление развития между ними), присутствует угрожающая волна (бессознательные содержания) и т. д.

Дома

Обычно дома появляются в сновидениях как образы психического. Много раз в этих домах обнаруживаются неведомые незнакомые комнаты, указывая на скрытые или неисследованные области потенциальной эго-структуры пациента. Различия между частями дома также могут быть символически важными: потолок, чердак, мансарда, крыша, балконы, спальни и т. д. Например, кухни — это место превращения сырой пищи в кулинарные блюда; в снах они иногда прибретают вид алхимической лаборатории, места более глубоких преобразований. Ванные комнаты в снах могут относиться к «удалению, устранению, сбрасыванию» или к трудности «высвобождения». Иногда просто само действие, происходящее во сне в определенном доме из прошлого, позволяет сделать определенные выводы по поводу происхождения тех или иных вовлеченных в ситуацию комплексов.

Сам по себе дом может обозначать различные части эго-структуры, как во сне одного мужчины, начавшего переживать чувство свободы по мере того, как слабела и убывала его чрезмерная невротическая самокритика:

Я ищу один дом. Сцена напоминает западный Техас,— широкий горизонт и высокое небо. Чудесный день. Я приближаюсь к дому, раскинувшему свои постройки на несколько акров. Дом очень комфортабельный, хорошо спланированный, с бассейном. Я обхожу и осматриваю его.

На той же самой сессии (на которой мужчина рассказал о своем сне) он описал свое изменившееся чувство в повседневной жизни. Хотя это изменение и не было спонтанно связано со сновидением, оно во многом несло тот же самый эмоциональный заряд, из чего следовало, что молчаливая подразумевавшаяся структура эго, — как и возникшая в сновидении, — также переживалась в форме более расслабленного эмоционального состояния в его повседневной жизни. Он описал себя, как более стабильного, менее сексуально агрессивного, а, с другой стороны, более приемлющего свою жену в чувственном смысле, живущего с ощущением, что он уже не действует столь усердно в отношении того,

что другие хотели бы от него. Он также чувствует изменение в своих взаимоотношениях с другими людьми, потому что «я не должен больше что-то *доказывать».*

Автомобили

Автомобили и другие способы передвижения относятся к числу тех образов, которые обозначают эго-структуру или указывают на способ, с помощью которого эго включается в различные виды жизнедеятельности. Разница между пешей прогулкой и гонкой на автомобиле достаточно символически значима, как, скажем, различие между поездкой на своем собственном автомобиле и коллективным характером езды в автобусе. Поезда, в противоположность автомобилям и автобусам, ограничены в своем движении рельсами и не имеют возможности двигаться свободно по желанию, куда хотят; поэтому их обычно ассоциируют с навязчивой (компульсивной) или привычной деятельностью. С автомобилями тесно связаны улицы и автострады; следует видеть разницу между размерами (шириной) улиц и дорог, а также направлением, по которому движется эго сновидения: согласно общему движению, навстречу ему, или поперек движущегося потока; необходимо также отмечать те или иные трудности в выборе маршрута и нахождении выезда на желаемую локальную дорогу, обращать внимание на обочины, рытвины, дренажные канавы и пр.

Нигде столь не очевидна и явственна контекстуальная природа символов сновидения, как во всех этих изменениях и вариациях темы перевозки и перемещения. Автомобиль может даже обозначать самооценку (момент, который не упустят из виду рекламные агенты).

Например, молодой женщине приснилось:

Проезжая по подземной гаражной стоянке, я раскритиковала попавшийся мне на глаза автомобиль больший по ширине. После чего я выехала и купила *действительно* маленький автомобиль. Тут-то я и поняла, что не *хотела* расстаться со своим старым автомобилем.

При обсуждении сна, она связала образные представления с привычным способом неэффективно управляться со стрессом. Когда она чувствовала, что сделала ошибку, то ей хотелось «убежать или покончить с прошлым». «Я не очень-то приемлю себя»,— призналась она. Казалось, сон предоставил возможность осознать, что неприятие себя за ошибки и несчастные случаи вовсе необязательно.

Главное символическое значение автомобиля в сновидении зависит от того, принадлежит ли он (или принадлежал в прошлом) сновидцу или кому-то еще. Сходное значение приписывается и положению эго сновидения внутри автомобиля. Наиболее соответствующим положением обычно является место водителя, с которого человек способен определять направление движения, скорость и общий маршрут. Если эго сновидения располагается в другом месте, то важно отметить, кто *управляет* автомобилем (иногда этого не делает никто). Где сидит эго сновидения? Сзади от водителя? На переднем пассажирском сидении? Где-то еще? Между кем-то еще? Находится снаружи рядом? Помня, что Самость в производстве сна помещает эго сновидения в индивидуальное положение при открытии сцены, можно получить, достаточно много сведений из такой простой вещи, как первоначальное расположение сиденья в автомобиле.

Трудно придавать чрезмерное значение символической важности тем деталям в сновидении, которые выглядят явно незначительными. Пациенты часто спонтанно не сообщают о таких деталях, приспосабливая свою память о сновидении к тому, как это «должно» выглядеть, нежели описывая способ, с помощью которого тот или иной образ предстал перед эго сновидения. Всегда важно внимательное расспрашивание, но дать пациенту наполнить сновидение деталями, как тому, что «возможно» было, значит то же, что снабдить медицинскую лабораторию отчетом о том, что «возможно должно» появиться, когда какие-либо данные отсутствуют. Сновидения настолько уникальны и индивидуальны в своем отношении к бодрствующему эго, что лучше определенно знать, что у сновидца *нет* данных по поводу какого-то определенного мотива, чем думать, что у него есть истинный образ из сновидения, когда в действительности это интерполяция из бодрст-

вующего эго сновидца. Пациенты, которые привносят, при расспрашивании, такие «возможные» детали, пытаются помогать, но они не оценивают по достоинству тонкую специфику самого сновидения.

Алкоголь и наркотики

Образы алкоголя и наркотиков появляются, как правило, тогда, когда у сновидца есть какая-то проблема с ними в бодрствующем состоянии. Общеизвестно, что химические пагубные пристрастия очень трудно лечить психологическими методами,— здесь обычно требуются методы группового давления и поддержки. (К несчастью, такие подходы зачастую оказываются успешными в терминах пагубного пристрастия (addiction), но мешают более тонкому пониманию психологических процессов,— возникает иллюзия, что все проблемы человека в таком случае решаются воздержанием от алкоголя или наркотиков). Но когда сны следуют тесной чередой, то порой возможно увидеть бессознательную готовность к изменению в паттерне пагубного пристрастия — совет, поддержка или даже подталкивание — еще до того, как какие-либо шаги были предприняты бодрствующим эго.

Мужчина, бывший алкоголик, не пивший уже несколько лет, решил позволить себе по случаю «безвредный» бокал вина со своими друзьями. Его сны явно осудили этот — и еще один такой же — поступок, как осудили ранее его решение принимать болезненное лекарство, которое ему вовсе не было прописано. Другой мужчина, чье потребление алкоголя медленно и незаметно возрастало, еще за год до того, как он столкнулся с проблемой алкоголизма, видел во сне возможность такой стычки — мотивом была потеря автомобиля в результате употребления алкоголя. Позже, с еще не решенной проблемой алкоголизма, он увидел во сне, что его обручальное кольцо и вензель на нем уменьшились в два раза, что он истолковал как свидетельство того, что «он не тот человек, которым должен быть». В той же самой серии снов чернокожая женщина заигрывала с ним сексуально с тем, чтобы продать ему пинту молока, которое не требовало хранения в холодильнике и

которое, как он чувствовал, имело отношение к пинтам бурбона (кукурузное или пшеничное виски). Женщина во сне не вызывала у него какого-либо интереса, кроме как в отношении продажи очень дорогого молока.

Одна женщина, делавшая героическую попытку избавиться от алкоголя, сообщила о двух снах, приснившихся ей в одну и ту же ночь, оба из которых она увязала со своей борьбой против пьянства. В первом сне она потеряла кошелек (женская идентичность), который утонул в воде (бессознательное), но она его нашла, и все было целым, хотя и мокрым. Понятие «мокрый» она связала с «сухим законом», отказом от алкоголя. Во втором сне она потеряла дорогу в пригороде, но знала, что сможет ее найти,— другой хороший прогностический знак окончательного успешного следствия ее решения бросить пить.

Впечатляющим примером является случай мужчины в возрасте между тридцатью и сорока годами, имевшего очень стойкую привычку к употреблению марихуаны, которая сделала его суждения подавленными и угрожала супружеской жизни. Вскоре после начала анализа он увидел серию снов, в которых толпы людей держали огромные плакаты и доски для афиш, на которых было написано: *не курите наркотики.*

Смерть

Смерть в сновидениях — включая убийство и потерю родственных отношений — должна быть внимательно изучена в самом контексте, поскольку смерть персонажей сновидения редко имеет отношение к реальной смерти; скорее она указывает на глубокий архетипический процесс преобразования.

Один мужчина, боровшийся с видимыми эдиповыми проблемами, не мог удобно (с тем, чтобы не опоздать или не перепутать место встречи и время) назначать встречи и свидания, хотя у него не было с этим проблем в деловых отношениях. По мере того, как он чувствовал улучшение, он особенно возгордился одной ситуацией, в которой со своим братом оказался в компании с двумя женщинами. Брат со своей подругой отправились в спаль-

ню, но анализанд, хотя и чувствовал необходимость поступить точно также, не испытывал желания переспать со своей женщиной. Он смог честно рассказать ей о своих чувствах — несомненная победа для него в смысле утверждения своей независимости от коллективного мнения, что «мужик» всегда должен быть сексуально агрессивным,— так называемая норма, которую он, в любом случае, больше почитал в фантазии, нежели в

действительности.

Поскольку он переживал ощущение свободы от навязчивой эдиповой роли, то у него было два отдельных сна, в которых он убил своих родителей. Отце- и матереубийство — очень тяжелые и отвратительные преступления, но в контексте снов, происшедших в середине динамического процесса, они могли символизировать изменение во внутренних родительских имаго (parental ima-gos), что, по-видимому, и произошло в данном случае. Первый сон весьма драматически показывает, как образ «убил» во сне, может появиться вновь в трансформированном состоянии:

Я убил своего отца, угрожавшего мне. Я держал его под водой, пока он не задохнулся окончательно. Позже во сне он все еще присутствовал, но больше уже мне не угрожал. Затем он шел вместе со мной, и я чувствовал, что он во всем готов мне содействовать.

Фигура во сне была не похожа на его собственного отца,— некий намек на идентификацию как персонификацию личностного комплекса. Ассоциативно он описал своего отца как человека, который был «бесчувственным, упрямым в своем узкомыс-лии, но стабильным и целенаправленным». Во втором сне он убил свою мать, но когда проснулся, то никаких подробностей «не помнил».

В общем, смерть в сновидениях родительских имаго указывает на радикальное изменение в эдиповой структуре комплексов, регулярно мешающих достижению и утверждению твердой личной позиции. Когда само эго сновидения совершает «убийство», оно может показать ту степень, до которой сновидец активно добрался в своем собственном процессе.

Змеи

Змеи появляются в снах в самых разных формах, подтверждая широту архетипических значений, которые несет в себе один и тот же образный тип. Змеи, конечно, могут нести фаллический смысл (или даже буквально ассоциироваться с пенисом), но это лишь часть их символического потенциала. Юнг считал, что змеи могут иногда представлять вегетативную нервную систему,— очень любопытное наблюдение в свете последних исследований в области мозга, относящихся к центру ствола человеческого мозга, так называемого «мозга рептилии» (в противоположность более изученному мозгу млекопитающих и исключительно человеческому развитию коры головного мозга).

Часто змеи представляют обычную инстинктивную энергию, в особенности, когда они явлены в больших количествах, как в вышеупомянутом сне о змеях, кишевших по обочинам пешеходных дорожек студенческого городка; причем сами дорожки при этом были свободны и безопасны для прохода. Змея может ассоциироваться с мудростью; с исцелением (как на жезле Асклепия эмблема врачевания); с ядом и опасностью; с утверждением себя (как в сектах дрессировщиков змей); и даже выступать прообразом значительно более высшей ценности — медный змей из Ветхого Завета, выставленный Моисеем на знамя, который может рассматриваться как прообраз Христа (Числа 21,9).

Перечисленные разнообразные возможные значения (существует и множество других) показывают богатство и многоликость природы архетипических образов. В каждом отдельном случае важно вскрыть более детальный и личный смысл, исходя из собственных ассоциаций пациента; это позволяет избежать архетипи-ческого редукционизма произвольного прочтения только одного из возможных значений (или прочтения слишком многих).

Например, священник увидел сон, в котором он посещал музей, где увидел чучело змеи в имитации естественного природного окружения. Затем сцена изменилась, и он держал за головой огромную гремучую змею, так, чтобы та не смогла его укусить. Но змея крутилась, извивалась и вертелась, пугая его, и он отпустил ее, чувствуя, как нарастает ощущение паники под воздействием

реальной опасности в этой ситуации. Обе сцены уже предполагают конфликт с тем, что символизируется змеей, поскольку показывают то же самое содержание на безопасном расстоянии от эго сновидения (чучело змеи в музее) и его приближение с нарастанием пугающего чувства (когда сновидец держит настоящую живую змею). Его личной ассоциацией было желание иметь в доме толстого ужа в качестве «любимца» («pet»), когда ему было восемнадцать лет. Это привело к потоку ассоциаций относительно мастурбации, предполагавших, что змей, в данном случае, мог бы наиболее соответствовать своему фаллическому значению, хотя и с сильнодействующей двойственностью относительно сексуальности.

Тот же самый пациент испытывал затруднения при работе с коробкой со змеями, выполняя проективное задание в игре «в песочек» (sandtray). Он вспомнил, что должен был воздерживаться от мастурбации в течение двух месяцев до того, как смог объявить, что желал бы стать священником, и не мастурбировать целый год до основного экзамена в семинарию. Он вспомнил, что его отец говорил о воздержании от мастурбации, как об «ангельской добродетели». Однажды он со слезами на глазах и дрожью в голосе рассказал своему наставнику, что он мастурбировал в душе (наставник ответил просто: «Забудь об этом»).

Здесь можно увидеть, что сон со змеями выдвинул на передний план конфликты, бывшие, в значительной степени, порожде-ными изнутри. В анализе сон подробно не интерпретировался, но использовался как плацдарм при обсуждении его (продолжающих сохраняться) сексуальных конфликтов.

Глава 8

Картография (структура)

сновидений

В большинстве сновидений структура сна не вызывает недоуменных вопросов. Как правило, сон принадлежит к одному типу переживаний, а бодрствующая жизнь — к другому, и сон, в этом смысле, просто вспоминается, анализируется и встраивается в контекст бодрствования как компенсация из бессознательного наличествующей бодрствующей установке. Временами, однако, сам сон поднимает вопрос правильности структуры для своего понимания. Это происходит в двух основных случаях: 1) сон внутри сна и 2) когда человек видит во сне вещи «точно такими», каковы они в действительности. Этот вопрос возникает также, когда в сновидениях появляются указания на место и время, и в случаях явлений синхронии.

Сон внутри сна

В сне внутри сна, поскольку сновидец «видит», что он спит, «пробуждение» может произойти внутри сна. Наиболее сложный случай, который мне приходилось наблюдать, был сном, в котором эго сновидения «пробудилось» к «бодрствующему состоянию» и обнаружило себя (эго сновидения номер два) все еще спящим, пробудилось из него в другое «бодрствующее состояние» (эго сновидения номер три), а уже из него в реальную бодрствующую жизнь.

Сон внутри сна показывает изменения в молчаливой подразумеваемой эго-структуре, являющиеся более сложными, чем обычно. Каждое «бодрствующее эго», пребывающее внутри спящего сновидца, показывает, по всей видимости, возможную интеграцию, которая может быть прожита сновидцем без полного вхождения в сферу прямого взаимоотношения между эго сновидения и эго бодрствования. Это напоминает маску внутри маски, так что

снятие первой не обнаруживает истинное эго. Классическая теория Фрейда считает, что сновидения носят маскирующий характер, и поэтому сон о сне может логически мыслиться как незамаскированная версия спрятанного «латентного» сна; такое истолкование могло бы следовать правилам грамматической структуры, в которой двойное негативное утверждение становится позитивным. Сходной юнговской «формулы» в обращении со сном внутри сна нет, но подобные смещения внутри сна могут рассматриваться как маневрирование разнообразных эго-организаций, часть из которых претендует на статус полного бодрствующего сознания, хотя усложненная структура сновидения разоблачает их, как всего лишь часть целокупной интеграции.

До некоторой степени, сон внутри сна есть более усложненная форма постоянного смещения от одной сцены к другой в пределах одного сна. В сне внутри сна это осуществляется так, как если бы само действие смещалось от одной единой «сцены» к другой, и первый сон кажется занимающим место на меньшей сцене, то есть как бы входит в большую сцену из следующего сна. В обычной феноменологии сновидений, однако, сценические изменения происходят на той же самой «сцене».

Истолкование такой усложненной структуры сновидения должно осуществляться очень внимательно, и стандартный подход здесь совершенно неуместен. Такие сны имеют обыкновение служить примером той правды, которую редко приемлют: процесс индивидуации в своей принципиальной структуре сходен с сотворением «нового мира», а не просто какой-то ревизии эго внутри старого существующего мира. И здесь изменяется не только эго — изменяется вся структура «мира», включая и роль других значимых людей. Здесь кроется и причина того, почему один из супругов становится встревоженным, когда другой предпринимает анализ,— поскольку это неизбежно означает конец старых отношений; возможно, это и есть более простое (но, как правило, менее ценное) психологическое решение — если движение происходит у одного, а у другого не происходит, или если человек, проходящий анализ, ошибочно отождествляет старый мир со своим супругом/супругой — чем появление большего мира, в который старый мир входил бы как часть и релятивизировался в нем.

Сновидения о реальности «как она есть»

Вопрос о структуре сновидения возникает также и тогда, когда кто-либо видит во сне реальность «точно такой, какая она есть на самом деле». Если сон посвящен травматической ситуации, имевшей место в жизни, то, конечно, буквальное повторение воспроизводится с целью окончательного овладения и подчинения того, что подавляло эго в исходном травмирующем событии. Обычные же сны о «реальности как она есть» не возникают, однако, в связи с травмирующими событиями и поэтому требуют несколько другой рационализации.

Часто сообщение о сновидении оказывается ошибочным, и при внимательном выспрашивании обнаруживаются символические элементы, значительно отличающиеся от действительной бодрствующей жизни сновидца. «Сон» вообще может оказаться не вполне сном, как таковым, поскольку во время физиологического сна существуют уровни сознания, очень схожие с бодрствующими мыслями. Изменения в подобного рода «мышлении-сновидении», возможно, возникают в связи со смещением из REM-сна в сторону других стадий. Некоторые сообщения об умственных процессах в медитативном состоянии характеризуются тэта-волнами на электроэнцефалограмме, имеющими сходство с фантазиями и грезами; возможно, здесь следует искать объяснение так называемым *люсидным* снам (lucid dreams), в которых эго сновидения, вероятно, знает, что оно спит, :\ обладает известным контролем над содержанием сновидения (состояние, которое я, однако, не могу убедительно продемонстрировать).

Возможное символическое значение сна, возникающего,как точная репродукция ситуации бодрствования, заключается в том, что бессознательное стремится к тому, чтобы бодрствующая ситуация рассматривалась *как если* бы она была сном. Сама бодрствующая ситуация может, в свою очередь, рассматриваться в более символической перспективе; в смысле компенсации она могла бы означать помещение реальной ситуации в более широкий контекст, чем это могло быть вызвано ее повседневным существованием.

Пространственно-временные указатели

Вообще сновидению не пристало непосредственно указывать на то, что действие происходит в прошлом или в будущем. Сновидение разворачивается так, что оно всегда существует в настоящем времени. Из содержаний же сновидения, однако, возможно получение информации, позволяющей разместить его в границах определенной временной структуры. Событие или человек из прошлого, включенные в настоящее действие, часто указывают на необходимость исследовать какой-то отдельный сегмент прошлого переживания пациента. Обратным образом, образы будущего могут быть представлены образами из другого мира, другого измерения или из экзотического места.

Мотив культурно или технологически развитых (продвинутых) людей из внешнего пространства может обозначать потенциальное появление содержаний из бессознательного (внутреннее пространство) и символизировать будущее развитие собственного эго сновидца. (В своей докторской диссертации Юнг отмечал, что разнообразные фигуры, появляющиеся в медиумистическом состоянии, могут быть предвестниками возможного будущего развития в личности медиума).[17]

Например, одному мужчине приснилось, что нечто, казавшееся естественным явлением на небе, в действительности обернулось космическим кораблем, который совершил посадку. Эго сновидения участвовало в делегации, приветствовавшей пришельцев от лица землян, и совершило прогулку с космическими пришельцами. Они

прошли мимо большого компьютера, и эго сновидения поняло, что «наш компьютер разговаривал с их компьютером». Вся сцена являла атмосферу дружбы и взаимопомощи. В контексте этот сон наводил на мысль, что имевшая здесь место психологическая реорганизация возникла не из ассимиляции сновидцем прошлого, а из внутреннего давления будущих возможностей.

Временами, конечно, существа или вещи из «внешнего пространства» оказываются более примитивными или приносящими пагубу (в рамках контекста сновидения); в этом случае аналитик и анализанд окажутся достаточно мудрыми, если смогут выявить *И* ^познать в них потенциальный взрыв архаических импульсов.

Явления синхронии

Синхрония — это термин, который Юнг использовал для описания почти одномоментного появления во времени двух событий, одного внутреннего и одного внешнего, которые представали имеющими то же самое значение.[18] В качестве примера Юнг вспоминал жука, влетевшего в комнату в момент обсуждения с пациентом его недавнего сна о скарабее (род жука). Явления синхронии попадают в категорию событий, изучаемых парапсихологами под такими именами, как телепатия, ясновидение, психокинез и др.

В своей коллекции случайно полученных сообщений о пара-психологических или исм-событиях Луиза Раин (Louise Rhine) обнаружила, что подавляющая их часть была связана со сновидениями, такими как сны о будущем (предвидящие сны) или сны, содержащие информацию, не известную бодрствующему эго (ясновидящие или телепатические сны).[19]

Это достаточно хорошо согласуется с широко распространенным убеждением, что сны могут предсказывать будущее или снабжать информацией, не известной бодрствующей личности сновидца. Лучшими экспериментальными свидетельствами *пси*-феноменов в сновидениях являются лабораторные разработки, представленные Ульманом, Криппнером и Вогном в «Сновидчес-кой телепатии» («Dream Telepathy»).[20]

Когда в психотерапии появляются синхронистские сны или события, то здесь требуется особое внимание и руководство, поскольку в таких случаях очень легко вызвать в сознании у пациента идею, что отчасти в этом участвует сам психотерапевт (шама-нистическая тень аналитика). Для аналитика также важно иметь некоторое представление о возможных значениях синхронистских явлений. Хотя многие психотерапевты и аналитики просто игнорируют подобные события, полагая их случайными происшествиями, последние могут оказаться весьма полезными, если с ними обращаться серьезно.

На теоретическом уровне появление синхронистских снов является свидетельством тесной связи между бессознательным одного человека и бессознательным другого. Такие сны могут также служить свидетельством того, что бессознательное менее огра-

ничено во времени и пространстве, чем сознательный разум. Само возникновение синхронистского сна представляет определенную компенсацию сном ограниченного состояния сознательного эго, поскольку сон показывает эго сновидения переходящим, до известной степени, обычные ограничения эго бодрствования. Эта формальная компенсация, однако, строится на простой синхронности; она не показывает значения отдельных содержаний сновидения.

Некоторые анализанды часто видят сны, являющиеся подлинно синхронистскими. В таких случаях существует тенденция (инициируемая анализандом, а, возможно, также и аналитиком) чрезмерного фокусирования на самой синхронности, как таковой, на формальном компенсаторном аспекте сновидения. Но если это, например, предвидящий сон, то кто-то мог бы спросить, а почему он, сон, предвидит одно событие, а не другое? Ответ на такой вопрос часто проясняет, что эта синхронистская компенсация имеет дело с материалом, который необязательно выбирался бодрствующим эго, если сон и предложил некое знание о будущем.

Синхронистские сны могут возникать, когда существует необходимость в проявлении большего интереса у аналитика или у пациента к процессу анализа. В подобной функции синхронистс-кий сон, в сущности, похож на сексуализацию переноса-контрпереноса. В обоих случаях в аналитической ситуации выделяется больше энергии, и внимание направляется к таинственной природе взаимодействия, которая действует на глубине со всей возможной сложностью, редко проявляющейся в не-аналитических взаимоотношениях.

На заре моей психиатрической практики, когда психотерапия представляла для меня новое и волнующее занятие, произошел ряд удивительных синхронистских событий, которые привлекли мое внимание и послужили причиной моего более серьезного интереса в области таких иси-случаев. В одном из них я столкнулся со студентом-психологом,— шел третий сеанс психотерапии. Он принес сон, длинный и запутанный, заканчивавшийся полисменом, который отбросил пустой магазин для патронов и вставил новый в свой револьвер, чтобы продолжать стрелять в вора. *Точно* в момент этого сновидческого действия моя шариковая ручка сломалась и выплеснула чернильное пятно, я извинился, достал

запасной стержень из ящика письменного стола, заправил ручку и принялся писать снова, не осознав сходства между своим действием и происходившим во сне. Но это осознал пациент! Его интерес к аналитическому процессу заметно возрос на основе этого странного события, хотя других подобных случаев больше не последовало.

В другом случае, когда один студент-выпускник обратился к психотерапевту, пациент не знал ничего о синхронистских событиях. Я пытался вспомнить нечто, что в детстве мне рассказывал зубной врач. Мне кажется, я вспомнил все, за исключением одного торгового названия продукта, который он описывал. Я смог вспомнить только то, что активный организм был lactobacillus aci-dophilus. По дороге на утреннюю встречу с пациентом я все еще пытался припомнить это название. Буквально через десять фраз свободных ассоциаций он начал совершенно иную линию мысли и вдруг упомянул то название, которое я так тщетно искал — lactinex granules. Совершенно изумлений, я, правда, ничего не сказал этому студенту, поскольку мне не представлялось, что это может как-то ему помочь — но это произвело на меня такой эффект, что я стал пытаться понять этого студента более внимательно и несколько иначе, чем я делан это прежде.

Синхронистские сны могут возникать между *любыми* двумя людьми, имея во многом то же самое значение, как

и в случае их появления в анализе — то есть, компенсируя слишком суженный взгляд на реальность, прибавляя внимания и энергии к ситуации, плюс к тому еще и специфическое значение, доставляемое структурой и символизмом снов. Иногда, когда два человека, состоящие в близких отношениях, оказываются в анализе у одного и того же аналитика, возникает уникальная возможность наблюдать параллельные сны,— одна из форм, в которых появляются синхронистские явления.

В одном таком случае мужчина и женщина, которые только что начали жить вместе, рассказали о своих снах, случившихся в одну и ту же ночь с поразительно похожими мотивами. Женщине приснилось, что она была со своей матерью в вестибюле большого старого отеля. Женщина-хозяйка отеля вошла с двумя животными,— немецкой пастушьей овчаркой и медведем

странного цвета. Медведь никому не угрожал, но эго сновидения все же испугалось. Сновидица разрывалась между старательно вежливым разговором с администратором и выражением своего страха — довольно обычное чувство в ее взаимоотношениях со своей матерью.

Ее приятель, между тем, видел длинный запутанный сон, сюжет которого также отчасти происходил в большом причудливом отеле. В одной сцене какой-то мужчина проезжал мимо на мотоцикле с медведем, сидевшим на заднем сиденье. Эго сновидения хотело встретиться с медведем, который позже оказывался досаждающей (пристающей) собакой, хотя и вполне дружески настроенной. Он встретил дрессировщика медведя, но отнесся к нему с недоверием. В других сценах сновидца интересовали многочисленные члены семьи, включая и его бывшую жену, которой, как он обнаружил, было трудно противостоять в эмоциональных ситуациях.

Сны воспроизведены в сокращенном виде, и здесь у меня нет намерения обсуждать все богатство психологических смыслов и значений для обоих сновидцев, я хочу лишь указать на синхронистские параллели: огромный отель, родственник, которому трудно выразить свои подлинные чувства, собака и медведь. Этой паре приснились два других параллельных сна, менее впечатляющих, поскольку они выглядели не столь символичными. В одном случае они оба видели во сне (в ту же самую ночь) своего общего друга; в другом она видела, что ее бывший муж находился вместе с ними в комнате, а ему приснилось, как эго сновидения следило за мужчиной, бродившим около синагоги.

Весьма вероятно, что многие синхронистские сны проходят незамеченными, поскольку имеют обычное истолкование или появляются в форме обычных сновидений. Например, одна женщина, которая чувствовала себя особенно способной к экстрасенсорному восприятию, пребывала в сомнениях по поводу того, идти ли ей на работу, несмотря на симптомы гриппа. Она подумала, что проснулась, когда вдруг ощутила в комнате присутствие призрака своего приятеля, умершего от легочного заболевания. Он был одет также, как обычно одевался в жизни. Он сказал ей, что глупо отправляться на работу, будучи больной, что она может из-за этого даже

умереть, как это случилось с ним. На основе такого «видения» она решила остаться в постели. Было это синхронистским или простым сновидением, или гипнотической галлюцинацией, драматизировавшей одну из сторон ее конфликта? Узнать это она никак не могла. Она восприняла сон как посещение ее духом умершего приятеля, передавшего ей добрый совет. Однажды ей потребовалось переговорить со своим братом по поводу важного семейного дела, но она не знала, как его найти, поскольку он присутствовал на секретном правительственном заседании. Однако через десять минут он ей позвонил.

Суммируя сказанное: синхронистские сны и события, если они вообще как-то отмечены, следует рассматривать исходя из тех же принципов, что и другой психологический материал, но делая акцент на том, *почему* бессознательное использовало синхронность, чтобы привлечь внимание к *чему.* Не следует «охотиться» за синхронностью или «зацикливаться» на ней, так как это может исказить структуру анализа.

Глава 9 Символизм алхимии

После одной серии увиденных им снов Юнг очень серьезно заинтересовался символическим содержанием алхимии, и это привело его к изучению европейской культуры 16-го века. В алхимических работах он обнаружил прообраз современной глубинной психологии, хотя и с малой разницей между буквальным и символическим. Алхимики стремились преобразовать материю, не вполне осознавая разницу между своим объективным трудом над веществом и субъективной работой над собой. Поэтому они были склонны проектировать свои личные видения трансформации в таинственные химические процессы, наблюдавшиеся ими в лаборатории.

Правда, некоторые из более поздних алхимиков, по всей видимости, уже вполне осознавали, что их искусство в первую очередь было связано с личным преобразованием, не столько поиском металлического золота, сколько «золота» внутреннего; соответственно, они пользовались такими выражениями, как «наше золото», «эликсир мудрости», «алмазное тело», «сокровище, которое трудно добыть» и т. д., чтобы отличать внутренний образ от реальной субстанции. Юнг пришел к выводу, что глубинная психология оставалась как бы без прошлого лишь потому, что алхимия оказалась непонятой и сброшенной со счетов, сохраняясь в истории химии лишь в качестве малозначительной отметины.

Можно насчитать несколько разных процессов алхимии, хотя в том виде, как они описаны в литературе, последние ни в коем случае не стандартизируются по количеству или последовательности, и каждый имеет «полутона» малых образов и действий, которые, будучи представленными в форме диаграммы, выглядят как запутанная карта дорог с многочисленными городами, окруженными мелкими поселениями и окрестными деревнями.[21] В числе главных операций выделяют следующие семь: растворение, коагуляцию (свертывание), сублимацию (возгонку), кальцина-

цию (прокаливание), разложение, омертвление и конъюнкцию (coniunctio).

К каждой из этих химических операций или реакций существуют психологические параллели. Например, кальцинация есть химический метод нагревания вещества для избавления его от влаги и возможного химического изменения; психологически же это связано с обезвоживанием, как высвобождением из бессознательного, «затопленного» комплексами. Помещение какого-либо вещества в раствор, химическое его растворение, аналогично

такому психологическому процессу, который позволяет сознательному содержанию «раствориться» в бессознательном. Противоположный процесс, коагуляция, химически связан с осаждением и выделением вещества из раствора, а психологически подобен образованию нового комплекса идей из бессознательной матрицы. Известный алхимический афоризм «раствори и выдели» предполагает повторяющийся психологический процесс осознавания, что твердая «субстанция» разума — например, явно неразрешимый конфликт — в действительности способна к растворению, необходимо лишь заменить ее другой «субстанцией», в свою очередь нуждающейся или требующей растворения.

Алхимические мотивы в сновидениях

Существуют образы и мотивы снов, совершенно явственно попадающие в разряд алхимического символизма, и за многими из них проглядывают возможные алхимические действия. Сновидения, в которых объекты огромной действительной или потенциальной ценности рассматриваются, например, как нечто случайное, привносят алхимический образ первоматерии (prima materia) — основной и явно не имеющей цены субстанции, из которой с помощью алхимических манипуляций можно получить то, что является наивысшей ценностью и именуется по-разному: философским камнем, эликсиром мудрости, водой жизни, панацеей, и т. д. Сновидческие образы отчеканенных золотых монет, лежащих вперемешку с камешками на дне речного потока или разбросанных в пыли автомобильной стоянки у супер-

маркета,— это и есть примеры образных представлений prima materia.

Процесс кальцинации (calcinatio) демонстрируется фигурами, сохранившимися неповреждеными в огне; эти фигуры могут представлять человека или животного, в редких случаях сопровождаясь появлением обитающих в огне (fire-dwelling) саламандр (еще один алхимический образ prima materia). Когда фигуры принимают свое присутствие в огне (в одном сне, игральные карты среди языков пламени), то это предполагает, что трансформация огнем (эмоциональное нагревание) необходима, однако это может не соответствовать позиции эго сновидения или оказаться болезненным для эго бодрствования. Рассмотрим сон одного мужчины:

В огне находилась огромная лягушка. Это напоминало Йоду из фильма «Звездные войны». Я изумился тому, что она так долго оставалась живой в огне. В конце концов она съежилась, сжалась и почернела. В следующей сцене (возможно, второй сон в эту ночь) все выглядело так, словно я смотрел глазами аборигена, который держит железную решетку (гриль) над открытым огнем. На решетке находятся маленький тигр и кенгуру, которые сражаются друг с другом и при этом пытаются соскочить с решётки. Абориген смахивает их обратно на решетку. В конце концов, как и лягушка, они уменьшаются (усыхают) и обугливаются.

У сновидца были следующие ассоциации: он считал кенгуру носителем материнского и робкого начала и удивился, что это животное не побоялось тигра. Сон показывает, что лягушкопо-добное существо молчаливо соглашается или смиряется с тем, что над ним производят опыт кальцинации (calcinatio), ведя к двум враждующим противоположностям, которые удерживаются в этом напряжении противостояния первобытной эго-структурой (абориген). Трансформация тигра и кенгуру в более «высшие» субстанции в этом сне не показана, но в следующем сне этого же мужчины обозначена более человеческая подготовка к изменению, включающая образные представления о мортификации (умирание):

Я обозреваю место возможного строительства. Его расчищают бульдозеры. Одно большое здание выглядит безлюдным и может быть тоже снесено. Я вхожу в здание. Оно кажется безлюдным, но когда я оказываюсь в самом дальнем конце сооружения, то обнаруживаю старого священника, который ухаживает за несколькими умирающими больными,— все они могут скоро умереть. Священник убежден, что они умрут достойным образом. Далее я собираюсь — пока они все не умрут — осмотреть все здание, оставшееся неповрежденным. Затем я оказываюсь в вертолете, облетающим всю местность, и рассматриваю планы новой реконструкции. Я могу видеть это место с воздуха.

Основываясь на данном сновидении, он попросил о кратком перерыве в анализе, что выглядело ответственным решением.

Кофе превращающееся в золотую жидкость, по мере того, как оно протекает через процеживающую гильзу в кофеварке предполагает алхимический мотив circulatio, непрерывного рециркули-рования prima materia. Алхимические действия, изображаемые в снах, часто происходят на кухне, месте весьма схожем с алхимической лабораторией.

Конъюнкция (coniunctio): образы объединения

Алхимические образные представления показывают разнообразные действия, ведущие к конъюнкции, единству противоположностей; следовательно, образы coniunctio в снах клинически кажутся более тесно связанными с завершающей целью алхимических процессов, нежели другие операции.

В алхимических иллюстрациях к «Психологии переноса» Юнг выбрал образы, которые подчеркивают человекоподобное качество coniunctio: король и королева, образуя половое единство, буквально сливаются в одно лицо, но эта объединенная сущность мертва и должна быть воскрешена возвращением души. Сексуальные образы в снах часто соответствуют алхимической операции coniunctio, в особенности когда они оказываются инцестуозными или партнером выступает фигура незнакомца. Разумеется, могут

быть и откровенные сексуальные сновидения, оказывающиеся простой компенсацией сексуальной фрустрации в бодрствующей жизни, что нетрудно выявить из самого контекста.

Более тонкая форма образных представлений о coniunctio — свадебный мотив. Эго сновидения может быть обыкновенным наблюдателем свадебного действия, а вовсе не главным действующим лицом, показывая, что объединяющиеся противоположности пребывают вне эго сновидения (хотя, возможно, и внутри структуры бодрствующего эго). Действительно, в большинстве случаев, тому, что сравнимо с алхимическими процессами, подвергается вовсе не эго сновидения; прежде всего это prima materia, не имеющее цены вещество повседневной психической жизни, или преобразуемая каждодневность реальной внешней жизни. В одном случае эго сновидения

женщины просто помогало невесте одеться в свадебное платье. Единственным необычным образом была корона на голове невесты, кубической формы, открытая спереди и сзади и покрытая атласной тканью. В другом случае эго сновидения просто подвозило двух женщин на свадьбу, на которой те были гостями, в то время как главная трансформация произошла в образном представлении, которое еще раньше во сне испугало эго сновидения.

Половое спаривание животных в снах часто производит не потомство, а изменения в самих спаривающихся фигурах — не «естественный» образ, а такой, который указывает на преобразование инстинктивного конфликта внутри самого сновидца.

Наблюдая появление образного представления coniunctio в серии снов, можно получить подсказку (clues) к тому, когда можно ожидать примирения какой-либо пары непримиримых противоположностей. Иногда это отражается в облегчении сознательного конфликта; в других случаях результат на уровне сознательной жизни может ограничиться уменьшением депрессии или беспокойства. Большая часть аналитической работы фактически уходит на поддержание прочной и надежной вмещающей (containing) структуры, в которой совершенно безопасно могут осуществляться приготовления к coniunctio.

Сновидения, которые естественным образом не отвечают образным представлениям алхимии, не следует насильственно

втискивать в алхимические «рамки», равно как и не следует заниматься чрезмерной интерпретацией (избыточным истолкованием) мотивов, которые не вполне ясны и очевидны. (Опасность архети-пического редукционизма постоянно прячется в стенах юнгианс-кой консультационной комнаты). Снов вообще всегда неизмеримо больше, чем запомнившихся, их еще больше, чем принесенных для анализа, но любые из них вполне годятся для производства изменения. Мы никогда не должны забывать, что аналитики, по большей части, являются повивальными бабками и фасилита-торами (помощниками) — не творцами, а свидетелями таинственного процесса.

Глава 10 ***Сновидения и индивидуация***

Природа невроза

Большинство описаний невроза в общепринятых рамках можно свести к следующей формулировке: психическое работает против себя, наподобие страны в гражданской войне, а не как единое целое. До некоторой степени мы все невротики, в том смысле, что мы редко сами с собой бываем «единым целым». Простое существование частей психического, таких как эго и тень, молчаливо предполагает, что они не обязательно работают в унисон. Но чрезмерная несообразность или конфликт между доминирующим эго-образом и другими активными частями психического характеризуют невроз хронический, то, что из всех положений человеческого существования труднее всего изменить.

Сновидения оказываются компенсаторными для всех состояний психологической деятельности — в повседневной жизни (где они компенсируют процесс индивидуации), в психозе (где они пытаются соорудить устойчивое эго) и в неврозе, где сны оказываются активными в выведении эго из невротического уединенного пустынного пути или тупика на главную магистраль индивидуа-ции. Индивидуация имеет место в любом состоянии психического, сознательном или бессознательном, но она осуществляется легче всего, когда эго сознательно и намеренно наблюдает за перипетиями психики, занимает определенную установку по отношению к ним и ответственно участвует в эволюции психического, как целого.

Избегнуть подлинной жизненной задачи невозможно, можно лишь приближаться к ней «наперекосяк» или подменяя дорогу. Симптомы невроза часто оказываются заместителями более непосредственного жизненного переживания, которое из страха обходят стороной. Недостаток нормальной напористости и самоутверждения проявляется в невротических симптомах хронического беспокойства; так ситуации, не пугающие в норме, могут вызывать

страх,— так, как если бы психическое порождало сверхизобилие ситуаций, в которых потребное развитие могло иметь место. Тот или иной человек, ищущий побуждение для самого себя прежде всего путем самовнушения, нежели с помощью характерологического роста, обнаруживает, что внушающий фактор ослабевает, а депрессия возрастает. Если необходима интроверсия, а ее избегают, то психосоматические симптомы могут насильственно внедрить период интроверсии. Подобные психические манипуляции носят достаточно тонкий характер, но они не отличаются слабостью.

Невротики характеризуются приспосабливаемостыо к миру, кажущемуся вполне нормальным, если смотреть на него со стороны. Обычно они достаточно хорошо осуществляют основные жизненные задачи, но делают это за счет огромного внутреннего напряжения. В каком-то смысле, чтобы стать невротиком, требуется достаточно развитая психическая структура, в ином случае человек попросту страдает от конфликта с другими людьми из внешнего окружения. Невротик же способен интернализировать конфликт, создать сложные интрапсихические структуры, изолирующие эго от первоначального конфликта, но производящие конфликты вторичные, замещающие, такие, которые выглядят менее значимыми до тех пор, пока не подвергнутся анализу.

Невротическое эго уже во многом стабилизировано и достаточно хорошо оформлено, хотя оно и отождествлено с эго-образа-ми, которые заслоняют его от непосредственного участия в дальнейшей индивидуации. Порой это служит поддержанию прошлой стадии, которая доставляла особую радость в жизни, так что эго отчасти застыло, зациклившись на удовольствиях этого прошедшего периода. Остановка может возникать также и вследствие серьезной травмы, происшедшей в прошлом; эго пытается либо воспроизвести травматическую ситуацию с тем, чтобы ее можно было как-то разрешить или скомпенсировать в настоящем травмирующее прошлое: в любом случае настоящее приносится в жертву в пользу динамического отношения с прошлым. Если подобные выборы хорошо осознаются, тогда проблемы не должно быть. Индивид просто распознает саму ошибку, и невротическая задача, таким образом, теряет свою актуальность, или же он принимает

отдельную форму такой задачи и посвящает себя поиску потенциальных решений. Но в случае бессознательных выборов переживания эго носят курьезный, причудливый характер, проявляясь в перверсном —

извращенном и настойчивом — повторении событий; на более глубоком уровне выбор осуществляется самим эго, отделенным при этом от текущего доминантного эго-образа.

На протяжении всей жизни Самость проявляет (демонстрирует) постоянное давление на эго в плане как отношения к реальности, так и участия в процессе индивидуации. Она делает это во всех случаях — с добровольного согласия эго или без такового — но компенсации («санкции») против релактантного (неохотного, вынужденного, сопротивляющегося) эго обычно оказываются более крутыми (ночные кошмары, несчастные случаи, физические симптомы и т. д.), чем в случае комплементарного отношения бессознательного к эго, делающего все возможное для сознательного участия в процессе индивидуации.

В чем же тут могут помочь сны?

Понимание сновидений помогает обнаружить рецидивные (повторяющиеся) паттерны эго, стереотипы, в которых довольно часто можно вскрыть повторяющиеся ошибки, представленные в разных формах и разными путями. Когда эти конфликты ясно видны, то есть возможность более непосредственных действий в ответном направлении. Сновидения находятся на службе у психического, как целого, и оказываются лишь вторичным оппонированием какой-либо отдельной установке или позиции эго. Видя то, что уже пытаются осуществить сновидения, бодрствующее эго оказывается способным оценить свою собственную позицию и участие — если на то есть желание — в более глубоких процессах. Это, конечно, вовсе *не* означает, что бодрствующее эго может повернуть течение своей жизни, следуя за сновидениями, как за проводником (распространенное заблуждение). Бодрствующему эго абсолютно необходимо знать свою собственную позицию, с тем, чтобы сны получили более ясную компенсирующую роль, свою естественную функцию в здоровой психике.

Сны, демонстрирующие, каким образом эго принуждается к тому, чтобы иметь дело с угрожающими ситуациями, являются, в частности, признаком невротически замедленного развития. Сны

с угрожающими фигурами, ощущение опасности от которых спадает по мере их приближения к эго сновидения, указывают, например, на избыточный страх встречи с разъединенными содержаниями психического. Именно на этой стадии роста эго особенно подходящими оказываются архетипические образные представления о героической борьбе или поиске, поскольку незрелое эго редко достигает зрелого состояния без опыта встречи с пугающими и потенциально угрожающими ситуациями. Существует множество параллелей в мифологии и фольклоре в плане подобного развития. В частности, сказки составляют богатый депозиторий форм и способов эго развития и могут достаточно эффективно использоваться в амплификации сновидений, в которых представлена такая борьба. Сказки также демонстрируют множественность форм эго развития как у мужчин, так и у женщин. Обычно наличествует пугающая и регрессивная сила, которую необходимо одолеть (к примеру, дракон), или враждебный, или ленивый (праздный) родительский образ (старый король или ревнивая мачеха-королева и т. д.). Кроме того, участвуют помощники,— часто это говорящие животные, больше знающие о естественной мудрости жизни, чем эго. Мотив сновидения о животном-помощнике, способном говорить, указывает на то, что бессознательное готово помогать эго в решении его задачи; такие сны, по всей видимости, являются особенно хорошими прогностическими знаками.

Сама множественность сказочных мотивов напоминает нам, что существует множество разных способов и путей к развитию незрелого эго. Не все они представляют героическую борьбу; есть и такие сказки, которые показывают, что эго само не в силах совершить нечто и ему необходимо ждать, когда спасение придет со стороны. Клинически это включает более активную и поддерживающую роль со стороны аналитика или терапевтической группы; необходимы большая включенность (containing) и подпитка до того момента, когда уже можно ожидать, что эго, со своей стороны, сделает первые независимые шаги.

В одном случае женщина, жизнь которой протекала погруженной в традиционные женские роли, вступила в краткие, неудачные и несвойственные ей отношения с мужчиной много ее моложе; отношения, которые привели эту женщину к депрессии, а

впоследствии и к психотерапии. По мере того, как ей становилось лучше, ей приснился странный цветок, который был также и животным; каким-то образом этот цветок-животное был мужским и женским одновременно. Подобный мотив указывает на унификацию противоположностей (растение/животное, мужское/женское), предложенную Самостью. Женщина очень образно описала свой сон, и с этого момента началось дальнейшее развитие более независимой личности.

В другом случае, самоутверждение одной женщины началось с того, что она увидела себя во сне в большой комнате вместе с другой женщиной, у которой была схожая проблема. Какой-то мужчина, в спроектированной форме пронесший многое из ее латентного потенциала, сидел за рабочим столом. Вошла его разгневанная жена и в приступе ревностного гнева принялась критиковать эго сновидения уничтожающим образом. Эго сновидения увидело «красного короля» слева от разыгравшейся сцены противостояния и бросило королевскую мантию, украшенную четырьмя кроликами. Каким-то образом сама она была этой мантией. Сон предполагает, что ее собственная независимость (король) все еще прячется под мантией кроличьих черт,— вероятно старой, не вполне отвергнутой кроликоподобной робости (застенчивости).

В третьем случае одному мужчине приснилось, что его сторожевой пес, в действительности умерший, жив и разговаривает с ним, просясь взять его в дом, а не оставлять во дворе. Этот сон указывает на соответствующую агрессивную защитную функцию с желанием большей ее интеграции. Говорящее животное демонстрирует удовлетворение в стремлении быть ближе к точке эго-интег-рации; собачьи черты, проявлявшиеся прежде только в регрессивной и деструктивной форме, прорвались в неожиданный момент.

Релятивизация эго

Выход из невроза включает также и релятивизацию сильного эго. От развитого эго требуется вновь встретиться лицом к лицу с бессознательной матрицей, из которой оно высвободилось на первых стадиях процесса индивидуации. В терминах цели и целе-

сообразности это выглядит так, как если бы задачей всего процесса индивидуации было бы осознавание

бессознательного и распознавание его в качестве источника. В конце концов, эго представляет специфический продукт (отросток) бессознательного; позиция эго в качестве центра сознательной сферы аналогична его архетипической матрице, Самости, — центру психического как целого. Образные представления сна, указывающие на необходимость подобной реализации, далеко не всегда изображают героическую задачу конфронтации, достаточно часто они показывают природу реальности в аспекте удивления, включая и символы Самости, которые не выглядят компенсирующими слабую эго-структуру, а существуют как бы сами по себе, без сильной динамической взаимосвязи с текущими невротическими конфликтами. Амплификации на этой стадии скорее всего можно обнаружить в религиозных традициях, нежели в сказках, хотя все «правила» в этом отношении следует принимать весьма условно, так как не существует четкого разделения между стадиями индивидуации; кроме того, когда мы говорим о паттерне, мы делаем утверждение общего характера, в то время как процесс, происходящий у реального человека, всегда единичен, уникален и более проблематичен.

Один человек видел, например, во сне мандалаподобный город, в который по выбору эго можно было входить или не входить. Вариантом данной темы является здание огромных размеров, часто симметричное по форме. Могут случаться и глубокие проникновения в живую природу мира, как в одном из снов, где взору эго сновидения предстало огромное животное с многими головами, жившее в воздухе; размеры его выглядели просто устрашающими, хотя по природе оно представлялось нежным и безобидным.

Релятивизация эго может также включать впечатляющие сны, в которых эго-активность необязательна; это контрастирует с героической активностью, часто требующейся от эго сновидения на более ранних стадиях дифференциации. Могут появиться образы инициации, указывающие на то, что эго вступает на другую стадию активности. Мотивы сновидений «отпущения» (letting go) относятся к еще не разрешенным проблемам и имеют обыкновение появляться, когда время, отпущенное на индивидуацию, иссякает, как в случае смертельной болезни.

Индивидуирующее эго

Юнгианская психология весьма отчетливо воспринимает и оценивает значение относительной природы эго.[22] В большинстве психотерапевтических систем главный упор делается на развитие сильного и независимого эго, разумеется, удачно сочетаемого с необходимостью достигать близких, любящих и преданных отношений. Юнгианская психология вполне учитывает эти целевые ценности, но представление об индивидуации, как основном жизненном процессе, не позволяет придавать им чрезмерное значение. Любое состояние эго-идентичности рассматривается как относительное в рамках процесса собственной индивидуации человека,— вне зависимости от того, насколько успешным он может быть в смысле приспособления к окружающей среде или к другим людям.

Естественное стремление эго рассматривать себя как центр психического, хотя оно является всего лишь центром виртуального сознательного мира, само по себе представляет отдельную от многих архетипических осуществлений конструкцию. Эго напоминает унаследованного монарха страны, единственного полномочного правителя, который, однако, не может уследить за всем, что происходит в его вотчине, а кроме того, не вполне осознает все в ней происходящее или могущее произойти.

Цель юнгианского анализа — не просто сконструировать психотерапевтическую структуру адекватно действующего эго, хотя многие анализанды предпочитают здесь остановиться, поскольку в этой точке человек получает главное облегчение от невротического несчастья (невротической обремененности), приводящего большинство людей в психотерапию или психоанализ. Но если работа с бессознательным выходит за пределы облегчения невротического страдания, то она незаметно ведет к рассмотрению философских, религиозных и этических вопросов на уровне, весьма отличном от общественного о них представления. Вопросы, которые для обычного сильного эго выглядят делом простого решения, могут стать для индивидуирующего эго жизненно важным интересом, этическим принципом, так как ничто не выпадает из поля зрения процесса индивидуации и не существует ясной, всегда готовой к употреблению, матрицы для решений. Производя выбор, человек

всегда выбирает и самого себя из нескольких «самостей», способных актуализироваться.

Выбрать ту или иную работу, например, представляется делом сознательного выбора. Но индивидуирующее эго принимает более моментальное решение. И это могут продемонстрировать сновидения, как в случае сна мужчины, который рассматривал работу в качестве способа устраниться от взаимодействия с людьми, средства, позволяющего ему поддерживать свою невротическую изоляцию. После принятия решения в пользу такой «избегающей» работы ему приснилось, что его привлекла одна женщина, о которой сновидец знал как об умершей, и ему помешало последовать за ней на пароход (пароход смерти?) только действие другой, посторонней для эго сновидения, фигуры. Аналогичным образом периодически повторяющиеся сны о настойчивом стуке в дверь могут символизировать содержания, которые, по тем или иным причинам были оставлены или изгнаны из жизни сновидца, и настойчиво стремятся заявить о себе (стать услышанными), хотя человек в этот момент и не знает, что они, в действительности, есть.

Относительная природа эго лучше всего видна на большом временном отрезке, но она также может быть оценена достаточно точно в тонкой структуре взаимоотношения эго сновидения к бодрствующему эго. Архетипическая сердцевина эго — Самость — обладает центрирующим свойством, хотя она также разбивает неполные образования с тем, чтобы привести их в более содержательную (inclusive) структуру. Этот архетипический фон поддерживает ощущение «Я», которым, как центром субъективности, обладает эго. Другие комплексы действуют как парциальные личности и даже имеют упрямое желание к обретению своего собственного независимого эго, что можно увидеть во многих ситуациях. Но до тех пор, пока какое-либо содержание не переживет связь с эго, оно не принимает участия в ощущении «Я». Это наиболее очевидно в связях эго со структурами идентичности: персоной и тенью. До тех пор, пока она интегрирована в эго, персона переживается как роль, которую человек может играть, а может и не играть. Но новые эго-содержания могут поступать по линии той или иной роли персоны, впоследствии становясь частью самой эго-структуры. Сходным образом тень классически появляется в не-

эго проекциях на кого-либо во внешнем окружении; впоследствии она вынуждена с болью реабсорбироваться и переживаться как потенциальная часть «Я».

Сновидения предлагают наиболее микроскопическое поле для наблюдения тонкой структуры эго-комплекса. В каждодневных компенсациях снов можно увидеть то же самое взаимодействие эго и Самости (как генератора сна), которое можно рассматривать в макроскопическом масштабе на протяжении десятилетий через все стадии жизни. Кроме клинической пользы, подобные наблюдения за относительностью эго в сновидениях и бодрствующей жизни могут приводить к правильному пониманию той заботы и нравственной правоты, с которой сны компенсируют эго бодрствования. Во многом это то же самое, что иметь мудрого и неразлучного друга, который знает о человеке все то, что он сам может лишь подозревать, но в полной мере не осознает.

Эго сновидения и эго бодрствования

Структурное отношение между эго сновидения и бодрствующим эго можно изобразить как состояние, доминирующее в деятельности правительства. Эго — единственный возможный правитель, но способный оказываться под воздействием других сил, необходимых правительству, как целому. Бодрствующее эго — ответственный представитель всего, что сделано от имени индивидуальной психики, и оно же легально подотчетно обществу. Но в состоянии сна бодрствующее эго не представлено во всей своей сложности и многоуровневой реальности. Вместо этого, эго сновидения полагает себя наделенным той же ответственностью, что и эго бодрствования, но в мире сна, лишенном соответствующей возможности самого выбора. В мире сновидений (как и бодрствующем мире) люди и ситуации возникают не по воле эго, не в силу его симпатий; задачи сна не выбираются, а *даются,* точно также, как повседневный мир представляет объективную реальность за пределами эго.

Положение эго сновидения можно рассматривать как аналог структуры комитета в правительстве бодрствующего эго. Эго бодрствования — это президент или царь, в то время как эго сновиде-

ния — председатель *части* той структуры,— комитета — которая действует в мире бодрствующего эго. Этот «комитет», однако, — никакая не выдумка, не «просто сон». Это часть, хотя и всего лишь часть, целостной структуры эго бодрствования, соответственно действия (или их отсутствие) эго сновидения влияют на мир бодрствующего эго. Действия, результат которых проявляется в структурных изменениях в мире эго сновидения разными путями наследуются эго бодрствования в его мире. Наиболее привычный способ переживания подобных изменений — изменения в эмоциональных состояниях эго бодрствования: смягчение депрессии, уменьшение или увеличение тревоги, ощущение «правильности решения» в проблемных ситуациях и т. д.

Этот диалог между бодрствующим эго и сном, опосредованный эго сновидения является частью гораздо большего диалога между эго и Самостью. Самость получает свое образное выражение во сне не так уж часто, по крайней мере не часто она распознается, как таковая. Гораздо чаще она явственно проступает в качестве невидимого конструктора сна, управителя психического, который не только организует сцены и действия, но и отводит также определенную роль эго сновидения. Это, конечно, не значит, что сон заранее полностью построен, еще до того, как он пережит сновидцем, поскольку действия эго сновидения оказываются решающими в определении последовательности каждого сценического последействия. (Даже в повторяющихся снах, характерных для травматического невроза, потенциальная психотерапия заключается в том, чтобы рассматривать эго сновидения, пытающимся — хотя и безуспешно — инициировать изменение).

Индивидуирующее эго неизбежно приходит к выводу, что *ни* эго сновидения, *ни* эго бодрствования *собственно* эго'м не являются. Центр эго, ощущение «Я»,— это просто текущая, субъективная точка отсчета в процессе индивидуации, релятивизиру-ющая бодрствующее эго во времени тем же самым способом, которым осуществляются меньшие релятивизации, возникающие еженощно в переживаниях эго сновидения.

Подобные прозрения имеют практическое применение в толковании сновидений. Относительность эго выступает против принятия любого эго-состояния в качестве фиксированного, поэтому

неуместно говорить о правильном или неправильном выборе эго бодрствования. Кроме как внутри очень широких правовых и этических границ, выбор эго бодрствования влияет лишь на свою констелляцию своего собственного мира, который не является «правым или неправым», а выступает как «предпочтительный или непредпочтительный» или «достоверный или недостоверный». Осознание относительности эго в связи с другими структурами психического, такими, как тень и персона, способствует умению хорошо разбираться в том, каким образом осуществляется влияние на эго бодрствования тех частей психического, о существовании которых бодрствующее эго и не подозревает. Например, эго может без всякой надобности скрыть свое наличие одномоментным использованием персоны — не патологическим отождествлением с персоной, а автономным проявлением *ее* (персоны) желания; и бессознательные аспекты тени могут привести эго бодрствования к действиям и установкам, которые само эго могло бы посчитать недостойными, предстань они для ясного и непредвзятого суждения.

Работа со снами как частью аналитической ситуации дает эго бодрствования ощущение своей собственной относительности по отношению к эго сновидения. Сновидения о теневых переживаниях (положительного или отрицательного характера), также как и драматические представления путей и способов, с помощью которых действует эго бодрствования, могут привести к очень ценному осознанию бодрствующим эго своей уязвимости. Вооруженное этим знанием эго бодрствования способно более легко распознавать инфляцию, избегать идентификации с другими частями психического и минимизировать последствия проекции через воспоминания о том, как сильные эмоциональные реакции на других в прошлом, в конечном счете, «возвращаются на круги своя» в форме аспектов своей собственной тени или анимы/анимуса.

Фокальное (очаговое) и подразумеваемое знание

Хотя соответствующая клиническая работа может быть произведена с минимумом теоретического понимания, все же полезно иметь костяк теоретической структуры для того, чтобы ориенти-

роваться в смещении направлений клинической ситуации. Один из путей концептуализации относительности эго может быть сформулирован в терминах *фокального* и *подразумеваемого знания* — понятий, введенных в эпистемологической работе Майкла Поланый.[23]

Поланый говорит о структуре Все-знания, имеющего характер «от — к». Мы полагаемся на знание некоторых содержаний как на само собой разумеющееся, с тем чтобы знать другие содержания более внимательным образом. Например, микроскоп является подразумеваемой структурой (каковой является и глаз) для фокального знания микроорганизмов и других объектов. В выводах Поланый делается акцент на то, что существует неустранимый элемент личностного обязательства и риск в попытках быть объективным относительно чего-либо вообще. Мы делаем фактические заявления с установкой на их универсальный смысл, уверенные, что любой беспристрастный наблюдатель придет к такому же заключению, но мы знаем, что не можем помочь своей личной вовлеченности в проблему, которая, до известной степени, определяет не только то, что мы видим, но и то, что мы выбираем в качестве первоочередного объекта, достойного наблюдения.

Поланый утверждает, что выделение фокального и подразумеваемого знания вкупе составляет универсальную структуру узнавания, но их содержания могут смещаться. То, что подразумевается в одной точке, может оказаться фокальным на другой. Подразумеваемый сектор знания схож с *бессознательным,* но не в точности ему эквивалентен, так как человек может сознательно выбирать, использовать ли ему нечто в- подразумеваемой форме или нет, как в случае, когда речь рассматривается подразумеваемой в связи со *смыслом,* на который она указывает. Аналогично, фокальное знание схоже с областью сознания; оно может быть лредсознательным, но, вообще, достаточно легко выводится на свет сознательного усвоения.

Используя эти понятия применительно к эго сновидения, можно сказать, что эго бодрствования молчаливо опирается на те содержания психического, которые предстают перед эго сновидения фокальным образом. Тот или иной комплекс, действующий, как часть фоновой осведомленности эго бодрствования (поэтому

как часть его подразумеваемой структуры), может персонифицироваться фигурой сна по отношению к эго сновидения. Действие эго сновидения в связи с этой фигурой может в дальнейшем потенциально изменять подразумеваемую структуру, на которую после сна будет опираться эго бодрствования для своего собственного ощущения подразумеваемой информированности о мире. Активность эго сновидения, таким образом, концептуализируется как расширение в мир сновидений того же самого процесса индиви-дуации, который является более глубокой задачей эго бодрствования. Сон рассматривается как символическая структура, представляющая эго сновидения с избранными аспектами структуры эго бодрствования. Связь эго сновидения и эго бодрствования рассматривается после этого как глубоко полезное взаимодействие между фокальным и подразумеваемым отделами эго-иден-тичности.

Аналитик обладает уникальной возможностью не только наблюдать подобные фокально/подразумеваемые изменения между эго сновидения и бодрствующим эго, но и помогать анализанду осознавать протекающий процесс. Фактически, когда анализанд получил достаточное представление об этих взаимоотношениях и обрел некоторый навык обращения со снами, необходимость формальных аналитических сессий начинает снижаться. Хотя формальный анализ всегда завершается в определенной точке во времени, сам процесс аналитического постижения продолжается на протяжении всей жизни. Временами желательно или даже показано возобновление формального анализа, но развитое или дифференцированное эго, осведомленное о своей относительности, может извлечь немало пользы из многих снов без всякой необходимости обсуждать их в совместной аналитической работе с психоаналитиком.

Глава 11
О двух напряженных состояниях в толковании ***сновидений***

Два напряженных состояния постоянно присутствуют при успешном применении толкования сновидений. Первое — напряжение между объективными и субъективными интерпретациями мотивов сновидения. Второе, характеризующее не только толкование сновидения, но и аналитический процесс в целом,— это напряжение между личным и архетипическим значениями.

Объективное и субъективное

Предположение о том, что образы и мотивы в сновидении могут рассматриваться либо объективно (относительно людей и событий в бодрствующей жизни), либо субъективно (как аспект собственной психики сновидца), Юнг выразил в практической клинической форме напряжения, — состояния, отмечаемого исследователями сновидений еще с античных времен. Фрейд свел это напряжение к простому утверждению, что сны являются предшествующими мыслями и желаниями бодрствующего человека, ставшими неприемлемыми для его эго; если «латентный» сон, скрытый за ширмой пережитого «манифестного» сна, был бы выведен на ясный свет сознания, то в нем обнаружилась бы лишь предшествующая бодрствующая мысль, которая была вытеснена.

Напряжение между объективным и субъективным значениями снов может быть также сведено — возможно слишком легко — к утверждению, что сны *всегда* относятся к субъективным представлениям в сознании (mind) сновидца. Некоторые из этих субъективных значений являются объективными репрезентациями в уме сновидца, реально существующих людей и ситуаций. С этой точки зрения сны рассматриваются как изменение только внутреннего представления о вещах, которое, конечно, влияет на

внешнее переживание, потому что эго бодрствования опирается на такие объективные репрезентации, как на само собой разумеющееся явление, из-за необходимости как-то ориентироваться в бодрствующей реальности.

Напряжение между объективным и субъективным, однако, носит более глубокий характер. Есть некоторая опасность в непсихотическом состоянии видения и понимания определенных снов только на языке внешней реальности, и ограничение лишь субъективными значениями может лишить нас плодотворного психологического напряжения.

Переживания бодрствования и сна не содержат в себе изначального противостояния. Не существует таинственного мира сновидений, который пребывает в полном контрасте со всем объективным «дневным миром». И опыт сознательного бодрствования и переживания в сновидениях,— *оба* в равной степени являются таинственными составляющими потенциального единства — процесса индивидуации. Сны быстро уходят прочь, но также (хотя и в

более замедленной форме) поступают и «устойчивые» реалии бодрствующей жизни. Среди потока перемен может проявиться тот самый таинственный процесс, который Юнг назвал индивидуацией, включающей, до известной степени, актуализацию уникальных потенциалов того или иного человека и тем или иным образом получающей на это санкцию превратностями самой жизни.

В бодрствующем «объективном» существовании динамика индивидуации не всегда осуществляется в терминах того, что «логично» делать, точно также как в сказках не более старший, более зрелый принц спасает принцессу, оказавшуюся в смертельной опасности,— это делает его младший, сомневающийся, вечно создающий путаницу братец, использующий необщепринятые способы, например приходящих на помощь животных. В любой серии снов движение может происходить *в* объективные жизненные ситуации или в сторону *от* них. Никакого устанавливающего правила здесь нет. На службе у индивидуации сны могут склонять эго к тому, чтобы организовывать себя в привычной культурной атмосфере. В некоторых иных случаях сны вытаскивают эго прямо из успешной бодрствующей деятельности и

буквально «тычут носом» в более тонкие смыслы, ставят более искусные задачи.

Окончательное разрешение напряжения между объективным и субъективным описано Юнгом как «циркумамбуляция» (обхождение) таинственного центра психического, которая сама по себе может ощущаться, но которую невозможно обнаружить в сетях сознания. В этом таинственном процессе, психологически аналогичном алхимическому поиску, эго релятивизировано, но неуступчиво, события реальны, но они не ошеломляют, образы в снах направляют, но не подчиняют. Процесс индивидуации, в конечном итоге, и представляет то явление, которое обслуживается и облегчается в своем осуществлении снами, хотя сны и могут использоваться *наряду* с решением обычных психотерапевтических задач в цикле решения проблем и развития личности.

Личное и архетипическое

Другой путь установления напряжения, связанного с психологической индивидуацией, пролегает через оппозицию личного и архетипического. Когда тот или иной человек слишком глубоко включен в коллективную внешнюю реальность повседневной жизни, обнаружение в его собственных снах универсальных, архетипических образов из объективных глубин психического может оказаться освобождающим переживанием. Но если кто-либо в обыденной жизни является добычей неистовой шизофренической неразберихи архетипических образов, то достижение устойчивой позиции эго в равной степени переживается как освобождение.

Как невротик, застигнутый в чрезмерной конкретизации семейных или общественных «реалий», так и шизофреник, утонувший в море архетипических смыслов,— оба обнаружат ощущение неба в том, что можно назвать личной сферой жизни. Личностная история — это не просто псевдоиндивидуальная временная схема дат и внешних событий,— привычная веревка для развешивания жизненного белья, на которой висят многочисленные роли, — она несет в себе гораздо более глубокое

ощущение смысла и неразрывной целостности. Внешняя жизнь может проходить через глубокие перемены без какого-либо изменения в субъективном восприятии смысла жизни. Но каждый психотерапевт знает и об обратной ситуации, в которой внешняя жизнь протекает гладко и неизменно, в то время как внутреннее субъективное состояние преобразуется в то, что, по сути, оказывается совершенно новым и неизношенным по своему значению миром.

Бодрствующее эго обитает между двумя в равной степени опасными констелляциями. Обычно в юнгианской психологии мы привыкли думать об архетипической области коллективного бессознательного, об объективной психике как о контрапункте жестким конструкциям эго бодрствования. Гораздо меньше мы думаем об архетипическом происхождении мира коллективного сознания. Однако оба эти мира, окружающие эго с внутренней и внешней сторон, архетипичны по своему характеру.

Мир коллективного сознания (история в том виде, в котором мы ее читаем и перечитываем) образован определенными индивидами, выражавшими (и выражающими) архетипические содержания, которые проистекают из объективной психики. Многие делают это и терпят неудачу в попытке осуществить культурное воздействие, другие же, напротив, вызывают — поразительно — уже готовую ответную реакцию в своей культуре или в обществе и меняют ее в большей или меньшей степени. Архетипические формы, хранящиеся в культурных установлениях, становятся молчаливой меблировкой коллективного сознательного разума. Но сам момент архетипического формообразования включен в культурное установление, а это установление оказывается в оппозиции к тому архетипу, который дал ей рождение, так как ни одна отдельная форма не может тащить на себе весь ряд или полный спектр архе-типически возможных значений.

То, что истинно на общественном уровне, является истинным относительно индивидуальной психики. Ни одна реальная мать не может воплощать весь спектр возможностей, унаследованных от архетипической Великой Матери, так что материнское имаго в индивидуальной памяти (mind) является одновременно и носителем, и ограничением архетипа матери. То же самое справедливо

и в отношении всех архетипических форм, включая юнговский воображаемый образ Бога, испражняющегося на крышу кафедрального собора.[24]

Индивидуальное эго может потерять свой путь либо в архетипических образах коллективного бессознательного — особенно, когда они используются как бегство от внешних жизненных проблем — или в архетипических формах, включенных в установления (институции) коллективного сознания и культуру. Проблема заключается в том, чтобы отыскать личную позицию, способную релятивизировать эти архетипические области,— не создавать им противодействие, не отождествлять одно с истинным, а другое — с фальшивым и при этом не утратить личностную сферу,— единственное пространство, в котором могут возникнуть глубокие преобразующие процессы.

Ничто, имеющее *психологическую* важность, не возникает вне личностной сферы. Это может быть сильный звук и неистовство, и ненормальное течение исторических перемен, но индивидуальная психика есть единственный носитель (и в своем крайнем выражении, передатчик) архетипических форм, стремящихся достичь устойчивого органического равновесия. Следовательно, сохранение и поддержание личностной сферы является делом крайне

важным как в анализе, так и в повседневной жизни.

Распад личностной сферы возникает в анализе, когда архе-типической области придается слишком чрезмерное значение, о чем часто сигнализирует архетипически перекошенный перенос,— аналитик в этом случае воспринимается либо богоподобным, либо дьяволоподобным существом. В любом случае шансы на человеческое взаимодействие снижаются. Или же анализанд может обесценивать аналитический процесс, как таковой, и искать убежища в культурно вкрапленной архетипической форме, такой как политическая партия или организованная тем или иным образом религия. Подобные варианты развития весьма драматичны, так как преобразующее поле аналитического взаимодействия исключительно полезное место; для некоторых это единственная надежда обрести когда-либо подлинно личностную сферу и единственная благоприятная возможность для созна-

тельного, не-невротического участия в своем собственном процессе индивидуации.

Используемые со вниманием, заботой и клиническим мастерством сновидения являются наиболее подходящим и надежным проводником в укреплении и поддержке личностной сферы, в избегании обеих форм архетипического редукционизма.

Краткое подведение итогов

Сновидения являются естественной частью психической жизни. Они служат процессу индивидуации посредством компенсации искаженных моделей реальности, структурированных и удерживаемых бодрствующим эго.

Сон следует записывать как можно скорее после его появления. Необходимо сдерживать интерполяции (вставки) бодрствующего эго. Даже сны близкие бодрствующей реальности зачастую содержат символические нюансы.

При прояснении (амплификации) мотивов сновидения личные ассоциации имеют преимущество перед культурными или архетипическими амплификациями, хотя некоторые сны могут быть осмыслены только в свете трансперсонального материала. Проясненный сон должен быть достаточно прочно уложен в контекст жизни сновидца.

Сны могут оказать полезное содействие в таких клинических вопросах, как дифференциальный диагноз, прогностическая клиническая оценка, а также в принятии решения относительно дополнительных средств, таких как использование медицинских препаратов, частота аналитических сессий и госпитализация. Сны также служат хорошими указателями при выборе редуктивных или проспективных форм анализа.

Та или иная серия снов позволяет корректировать ошибочное истолкование отдельного сна. В точности мотивы снов повторяются редко; более чаще присутствуют связанные образы, группирующиеся вокруг одного и того же комплекса. Последующие образы и мотивы в серии снов позволяют аналитику и анализанду получить дополнительное представление о факторах, лежащих

в основе процесса индивидуации, который сны стремятся поддерживать.

Сновидения, в частности, весьма полезны при лечении невроза. Невротические конфликты часто проявляются в симптомах избегания ряда жизненных задач. В неврозе сами сновидения пытаются справиться с невротическим расщеплением, побуждая эго прежде всего взаимодействовать с реальными жизненными процессами, нежели с их невротическими заменителями. При лечении невроза эго приводится обратно к истокам базовой динамики индивидуации, которая включает как развитие сильного эго, так и реализацию эго'м своей отдельной миссии в сопоставлении с более полной целостностью, представленной Самостью.

Сновидениями не следует злоупотреблять или, занимаясь снами, нельзя позволять аналитическому процессу уклоняться от рассмотрения другого материала, требующего внимания. Когда снов нет, анализ может продолжаться с помощью того материала, который имеется под рукой: переноса-контрпереноса, обзора прошлой жизни, каждодневных событий, занятиями в групповой терапии, проекциями при «игре в песочек» и т. д. Сны обслуживают процесс, но сами по себе процессом индивидуации не являются.

Внимательный и ответственный анализ сновидений поддерживает напряжение между объективными и субъективными значениями, равно как и более широкие напряжения между личностной сферой и окружающими ее архетипическими силами.

Сон есть часть реальности, чье происхождение носит личностный и неясный характер; его назначение — внесение полноты идей и смысла наряду с неопределенностью, а судьба в мире эго бодрствования оказывается в наших собственных руках. Если мы отнесемся к сну с интересом и уважением, то он послужит нам во многих отношениях. Если же пренебрежем им, то в любом случае сон затронет нас, отработав свои алхимические преобразования в глубинах психического, отыскивая ту же самую цель индивидуации либо с нашей, либо без нашей сознательной помощи.

Сновидения — таинственные сущности, похожие на послания неведомого друга, который заботится о нас, но объективным образом. Почерк и язык этих посланий порой неясен, но нет никакого сомнения в отношении подлинного интереса, лежащего в их основе, к нашему конечному благосостоянию, которое может и отличаться от состояния благополучного существования, которое, как мы воображаем, и является нашей целью.

Необходимы смирение и скромность. Никакой сон никогда не может быть истолкован полностью; будущие события и будущие сны могут внести свои коррективы в то, что казалось исчерпывающей интерпретацией. Мы всегда должны помнить о таинственной природе сновидений, существующих на границе нашего понимания мозга и разума, сознания и бессознательного, личной и межличностной жизни.

Примечания

Все ссылки на работы Юнга, кроме обозначенных отдельно, даются по английскому Собранию сочинений в 20 томах (The Collected Works. V. 1-20). Далее CW (с указанием тома и параграфа).

1. См.: «Wotan», «After the Catastrophe», in: Civilization in Transition, CW 10. Русский перевод «Вотан» см.: *Одайник* «Психология политики». СПб.: Ювента, 1996, с. 275-291.

2. См.: *J. Jacobi,* The Way of Individuation, trans. R. F. C Hull (London: Hodder and Stoughton, 1967).

3. См.: *H. P. Rqffwarg, W. C Dement, J. N. Muzio et al, Dream* Imagery: Relationship to Rapid Eye Movements of Sleep, Archives of General Psychiatry 7. (1962): 235-258.

4. См.: *James A. Hall,* Clinical Uses of Dreams: Jungian Interpretation and Enactment (New York: Grune and Stratton, 1977), pp. 163-179; *M. Polanyi,* Personal Knowledge: Toward a Post-Critical Philosophy (Chicago: University of Chicago Press, 1958).

5. Redemption Motifs in Fairytales. (Toronto: Inner City Books, 1980), pp. 17-18.

6. *A. Hall,* Clinical Uses of Dreams, pp. 151-161.

7. Ibid., pp. 331-347. '

8. Face to Face, BBC Production, 1961.

9. The Psychology of the Transference, in: The Practice of Psychotherapy, CW 16. Другой важный источник юнговской мысли относительно переноса-контрпереноса содержится в «Тавистокских лекциях»: The Tavis-tock Lectures (particularly Lecture V), in: The Symbolic Life, CW 20. Русский перевод см.: *К. Г. Юнг.* Аналитическая психология. СПб., 1994; Тавистокс-кие лекции. Киев, 1995.

10. Ibid., pars. 334-336.

11. Ibid., par. 331.

12. Experimental Researches, CW 2, pars. 733, 1351.

13. См.: The Psychology of Dementia Praecox, in: The Psychogenesis of Mental Disease, CW 3, par. 86. (Русский перевод: Психология раннего слабоумия: Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих, 1939. Т. 1). Я несколько расширил понятие аффектированного эго в связи с теорией объектных отношений (см. мою книгу: Clinical Uses of Dreams, pp. 49-52).

14. Memories, Dreams, Reflections, trans. Richard and Clara Winston, ed. Aniela Jaffe (London: Collins Fontana Library, 1967), pp. 354-355. Русский перевод: Воспоминания. Сновидения. Размышления, Киев, 1994, с. 318-319.

15. *J. Hall.* Clinical Uses of Dreams, pp. 269-271.

16. Некоторые мотивы, представленные здесь, и рад других обсуждаются в: Clinical Uses of Dreams, pp. 275-327.

17. «On the Psychology and Pathology of So-Called Occult Phenomena», in Psychiatric Studies, CW 1. Русский перевод: К. Г. Юнг. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995, с. 301. О поздних воззрениях Юнга на психологическое значение феноменов «внешнего пространства» как в бодрствующей жизни, так и в снах; см.: «Flying Saucers: A Modern Myth», in Civilization in Transition, CW 10. Русский перевод: К. Г. Юнг. О современных мифах. М.: Практика, 1994, или: К. Г. Юнг. Один современный миф. М.: Наука, 1993.

18. См.: «Synchronicity: An Acausal Connecting Principe», in: The Structure and Dynamics of the Psyche, CW 8.

19. См.: *L. Phine,* Hidden Channels of the Mind (New York: Sloan, 1961), «Psychological Processes in ESP Experiences: I. Waking Experiences; II. Dreams»: Journal of Parapsychology 26 (1962): 88-111, 171-199.

20. *M. Ullman, S. Krippenr and A. Vaughn,* Dream Telepathy (New York: Macmillan, 1973).

21. Исследование алхимического символизма и его психологических приложений см.: *Marie-Louise von Franz,* Alchemy: An Introduction to the Symbolism and the Psychology (Toronto: Inner City Books, 1980).

22. *Hall,* Clinical Uses of Dreams, pp. 146-150.

23. *Polanyi,* Personal Knowledge.

24. Memories, Dreams, Reflections, p. 56. Русский перевод см. прим. 14, с. 50.

Библиография на русском языке

1. *К. Г. Юнг.* Архетип и символ. М: Renaissance, 1991. (Переводы работ разных лет). С. 298.

2. *К. Г. Юнг.* Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995. С. 716.

3. *К. Г. Юнг.* Феномен духа в искусстве и науке. Собрание Сочинений. М.: Renaissance, 1992. Т.15. С. 314.

4. *К. Г. Юнг.* Либидо: его метаморфозы и символы. СПб.: Восточноевропейский институт психоананлиза, 1994. С. 416.

5. *К. Г. Юнг.* Аналитическая Психология. СПб., 1994. С. 132.

6. *К. Г. Юнг.* Тавистокские лекции. СПб.: Кентавр, 1995. С. 228.

7. *К. Г. Юнг.* Психология Бессознательного. М.: Канон. 1994. С. 320.

8. *К. Г. Юнг.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 332.

9. *К. Г. Юнг, Э. Сэмюзлс и др.* Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1996. С. 309.

10. *К Г. Юнг.* Человек и его символы. СПб.: Б.С.К. 1996. С. 454.

11. *Р. Боснак.* В мире сновидений. 1991.

12. Э. *Сэмюэлс, Б. Шортер, Ф. Плот.* Критический словарь аналитической психологии К. Г. Юнга. М., 1994. С. 184.

13. Доналд Уильяме. Пересекая границу... Психологическое изображение пути знания Карлоса Кастанеды. Воронеж: Модэк, 1994. С. 192.

14. К. Г. Юнг. Душа и мир. Киев: Государственная библиотека для юношества, 1996. С. 383.

15. К. Г. Юнг. Дух Меркурий. М: Канон, 1996. С. 380.

Валерий Зеленский Сон, исполненный «тайным» значеньем...

Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами; Настанет ночь — и звучными волнами Стихия бьет о берег свой. То глас ее: он нудит нас и просит... Уж в пристани волшебный ожил челн; Прилив растет и быстро нас уносит В неизмеримость темных волн. Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины,— И мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены.

Ф. И. Тютчев

Треть своей жизни — а порой и больше, как былинный богатырь Илья Муромец или его литературно-хрестоматийный тезка Илья Ильич Обломов— человек проводит в спящем состоянии. Уже сам этот факт — хотя и

множество других тоже — издавна заставлял человека всерьез интересоваться причинами и природой столь любопытного и загадочного психического явления, каким являются сны. Современные психологические словари определяют сновидение либо как спонтанный, неуправляемый, субъективно переживаемый поток представлений, «преимущественно зрительной модальности» (Психология. Словарь. М., 1990), либо как «поток галлюцинаторных переживаний с определенной степенью связности, но большей частью запутанный и причудливый, совершающийся в состоянии сна (физиологического) или в сходных условиях» (Drever. A Dictionary of Psychology). Психоаналитический словарь Чарльза Райкрофта определяет сновидение как психическую активность во время сна; «серию картин и событий, представляющихся во время сна. Психоанализ полагает, что сновидения имеют психологический смысл, постичь который можно с помощью интерпретации» (Райкрофт. Спб., 1995. С. 181).

Знакомство с историей духовной культуры человечества позволяет заметить, что не существует ни одной религиозной кон-

фессии, ни одной целостной философской или психологической системы, ни одного вида искусства и литературы, которые в той или иной степени, форме не касались бы загадочного и многогранного мира сновидений в его бесконечно разнообразных значениях, вариантах, смыслах, истолкованиях. Письменная и книжная история сохранила нам множество произведений, посвященных их описанию и анализу. На этом фоне число работ, рассматривающих сновидения с точки зрения современного психологического знания, сравнительно невелико. Что касается, в частности, российского культурного ареала, то изучение богатейшего материала, так или иначе связанного со сновидениями, с позиций философии, культурологии, глубинной психологии, аналитической психотерапии, психосоматической медицины до сих пор остается здесь проблемой почти неисследованной. Одной из причин такого «бедственного» положения являлись,— и доминировавшие в предшествующие десятилетия,— всевозможные идеологические табу на творческое вольномыслие, равно как и отсутствие самого понятийного — научного, клинического и др.— аппарата, связанного со сновидческой феноменологией. Можно надеяться, что появление работы Холла в какой-то степени скрасит этот «пустынный пейзаж Онира».*

В начале XX века с появлением знаменитой книги Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений» началась психоаналитическая разработка понятия бессознательного.** Психоаналитический подход оказал огромное воздействие на развитие современного

* Онир — древнегреческий бог сновидений.

** Говоря о важной роли бессознательного в формировании сновидений, следует упомянуть работу русского ученого И. Г. Оршанского «Сон и сновидения с точки зрения ритма», опубликованную еще в 1878 году. В своей книге он, в частности, пишет: «... каждый сознательный элемент сновидений есть лишь освещенная верхушка массы психического материала, находящегося в бессознательной области». Оршанский выделял возможную в формировании сновидений роль не осознаваемых в бодрствующем состоянии вытесненных элементов психических содержаний из предшествующей жизни. Любому человеку приходилось бороться с собственными недостатками: тщеславием, завистью, жадностью, сладострастием и пр. Очень часто эти отрицательные качества прячутся в бессознательной области, не смея проявиться в сознании, где правят принципы, выработанные воспитанием и управляющие бодрствующей деятельностью. «Ночью, во сне, эти придавленные элементы прошлого получают доступ в сознание и могут даже играть значительную роль в некоторых сновидениях».

гуманитарного знания вообще, и внес большой вклад в разработку представлений о сновидении как психическом феномене.

Карл Юнг, развивая ряд положений психоанализа и создавая свою собственную теорию «аналитической психологии», обосновал разделение всей целостной многообразной суммы бессознательного на личное (присущее индивидуальному опыту человека) и коллективное бессознательное (общечеловеческий опыт, свойственный всем людям), которое он описывал, как «архетипическое». В чем суть этого важного — в частности, для анализа сновидений — понятия? Его основу составляет идея о том, что существуют определенные мотивы и комбинации психических содержаний, наделенные свойством «вездесущности». Они с непостижимым постоянством обнаруживаются не только в мифах, сказаниях, былинах, сказках и верованиях различных народов, заведомо не имевших между собой никаких связей, но и в сновидениях (грезах, галлюцинациях) здоровых (и больных) индивидов, для которых какое-либо знакомство с мифологией или былинным эпосом совершенно исключено. Характерно и то, что подобные мотивы или комбинации в своем «зримом» виде выглядят крайне «фантастичными», «произвольными», никак не детерминированными логикой «бодрствующего», «дневного» сознания. Бессознательное, согласно Юнгу, непрерывно занято воспроизводством определенных устойчивых схем таких мотивов и комбинаций, априорно формирующих психическую картину мира человека — в отличие от инстинктивной картины — и получивших название «архетипов» или первообразов.

«Архетип в себе...есть некий непредставимый наглядно фактор, некая диспозиция, которая в какой-то момент развития человеческого духа приходит в действие, начиная выстраивать материал сознания в определенные фигуры. Меня уже часто спрашивали, откуда берется архетип: приобретается ли он или нет. Ответить на этот вопрос прямо нельзя. По определению, архетипы суть некие факторы и мотивы, упорядочивающие и выстраивающие психические элементы в известные образы (зовущиеся архе-типическими), но делается это так, что распознать их можно лишь по производимому ими эффекту. Они наличествуют предсозна-тельно и предположительно образуют структурные доминанты

психического вообще. Их можно сравнить с незримо, потенциально присутствующей в маточном растворе кристаллической решеткой. В качестве априорных обусловленностей архетипы представляют собой особый, психологический случай известного биологам «стереотипа поведения», наделяющего все живые существа их особыми специфическими свойствами. В ходе развития проявления подобного биологического основания могут видоизменяться, и то же самое может происходить с проявлениями архетипа. С эмпирической точки зрения, однако, архетип никогда не возникал в рамках органической жизни. Он появился вместе с жизнью... Архетип, где бы он ни

появлялся, обладает неодолимой, принуждающей силой, идущей от бессознательного, и там, где действие архетипа осознается, его отличительной чертой является *нуминозность.* *

Следует отметить, что первые столкновения с архетипи-ческим материалом у Юнга возникли в его собственных ранних сновидениях в возрасте трех-четырех лет. Одно из запомнившихся «на всю жизнь» он описывает в автобиографической книге «Воспоминания, сновидения, размышления» (русский перевод см. Киев., 1994, с.24):

«Я находился на большом лугу [вблизи дома священника]. Внезапно я заметил темную прямоугольную, выложеную изнутри камнями, яму. Никогда прежде я не видел ничего подобного. Я подбежал и с любопытством заглянул вниз. Я увидел каменные ступени. В страхе и неуверенности я спустился. В самом низу за зеленым занавесом находился вход с круглой аркой. Занавес был большой и тяжелый, ручной работы, похожий на парчовый, и выглядел очень роскошно. Мое любопытство требовало узнать, что за ним, я отстранил его и увидел перед собой в тусклом свете прямоугольную палату, метров в десять длиной, с каменным сводчатым потолком. Пол тоже был выложен каменными плитами, а в центре лежал большой красный ковер. Там, на возвышении, стоял золотой трон, удивительно богато украшенный. Я не уверен, но возможно, что на сидении лежала красная подушка. Это был величественный трон, в самом деле,— сказочный королевский трон. Что-то стояло на нем, сначала я подумал,что это ствол дерева

■ CW 11, par. 222,; Ответ Иову. М., 1995, с. 47 — 48.

(что-то около 4 — 5 метров высотой и полметра в толщину). Это была огромная масса, доходящая почти до потолка и сделана она была из странного сплава — кожи и голого мяса, на вершине находилось что-то вроде круглой головы без лица и волос. На самой макушке был один глаз, устремленный неподвижно вверх. В комнате было довольно светло, хотя не было ни окон, ни какого-нибудь другого видимого источника света. От головы, однако, полукругом исходило яркое свечение.То, что стояло на троне, не двигалось, и все же у меня было чувство, что оно может в любой момент сползти с трона и, как червяк, поползти ко мне. Я был парализован ужасом. В этот момент я услышал снаружи, сверху, голос матери. Она воскликнула: «Ты только посмотри на него. Это же людоед!». Это лишь увеличило мой ужас, и я проснулся в испарине, напуганный до смерти. Много ночей после этого я боялся засыпать, потому что боялся увидеть еще один такой же сон».

Долгое время, как пишет далее Юнг, сон преследовал его. Лишь гораздо позже он понял, что это был образ фаллоса, а еще спустя десятилетия, осознал, что это был ритуальный фаллос и, соответственно, архетипический образ.

После сенсационных открытий Фрейда и Юнга, связанных с пониманием содержаний сновидений, и формулировкой ими своих концептуальных позиций путей, позволявших — с той или иной степенью валидности — сделать эти содержания понятными и доступными сознанию, на многие десятилетия наступила молчаливая пауза, нарушенная исследованиями шестидесятых-семидесятых годов в области экспериментальной психологии. Имеется в виду изучение быстрых движений глаз во время физиологического сна. В итоге в ряде работ экспериментально подтвердилась гипотетическая мысль Юнга о том, что «монолог» бессознательного в нашей психике совершается непрерывно, включая и время сна, и что сами сновидения имеют существенную психофизическую функцию. Тем не менее можно сделать некоторый вывод об общей скудости современных методов толкования сновидений и в свете неудовлетворенного чувства обратить внимание на историческую динамику развития важнейших подходов к толкованию сновидений вообще.

Ханс Дикманн, немецкий аналитический психолог, вщеляет три фундаментальных подхода.* Согласно первому, распространенному среди первобытных культур, общин или людей, сон оказывается представленным частью внешней реальности (то же можно подозревать и у маленьких детей). Здесь ясного различия между бессознательной фантазией и реальностью нет. На этот счет имеются данные антропологов и историков, в частности, Дикманн ссылается на известные труды Леви-Брюля и приводит примеры сновидений аборигенов Новой Гвинеи и др. В этих случаях человек становится ответственным не только за то, что он делает в своих собственных снах, но и за свои поступки, совершенные им в снах других людей.

Второй подход заключается в том, что сам сон является сообщением, посланным от богов, и служит прежде всего предсказанием, оракулом, то есть обладает гадательными свойствами. Подобная точка зрения имела свой расцвет в античности и была постепенно оставлена лишь в эпоху Ренессанса, в период появления естественных наук. Здесь центральным является идея о том, что сновидения представляют зашифрованное сообщение, требующее своей расшифровки. На этой основе появились многочисленные толкователи сновидений, составлявшие, в свою очередь, разнообразные лексиконы сновидений или своеобразные «сонники» на базе коллективной символической интерпретации. Наиболее известной книгой этого периода является «Онирокритика» Арте-мидора из Эфеса (о которой упоминает Д. Холл в своем предисловии к русскому изданию).

Третий и последний подход — современный. Здесь на первый план в толковании сновидений выходит индивидуальный аспект. Каждый сон и каждый мотив сновидения или его символ связываются с индивидуальной памятью, жизнью, семейной историей, и сознательная ситуация, практически, не зависит от коллективных черт, которые, разумеется, также должны приниматься во внимание. В данном случае один и тот же мотив сновидения может иметь совершенно иное значение для одного человека в отличие от другого. В этом варианте толкования сновидения разброс возмож-

' Dieckmann H. Methods in Analytical Psychology. 1988, p. 110.

ных значений зависит от специфики личностного мира, эмпирического опыта сновидца, слишком огромного и безграничного, чтобы так или иначе загнать его в прокрустово ложе какого-либо сонника или подобия «словаря».

Аналитическая психология о природе сновидений

В аналитической психологии Карла Густава Юнга сновидения, как элемент психической жизни, занимают одно из ключевых мест. Об этом неоднократно заявлял и сам Юнг, достаточно посмотреть его автобиографию, в которой важность сновидений подчеркивается постоянно на протяжении всей книги. В ней и в других работах Юнг указывал, что в каждый кризисный момент его жизни тот или иной сон (или видение) снабжал его существенными данными для последующих решений. Хотя полномасштабной «законченной теории» сновидений Юнг не оставил, — о чем писал и

сам * — тем не менее его взгляды на толкование сновидений представляют, в сущности, определенную теорию,— по крайней мере, в смысле организованного понятийного набора, основанного на обширном клиническом материале. Он много работал над установлением ряда базисных допущений, которые можно свести к четырем главным: сны 1) выражают бессознательные процессы и структуры личностные и архетипические; 2) содержат смысл, который может быть расшифрован, если установлен сам контекст сновидений; 3) обнаруживают компенсаторный процесс в бессознательном; 4) показывают целевую тенденцию, направленность в сторону психической индивидуации.

В противоположность Фрейду, твердо считавшему все сновидения «осуществлением желаний», Юнг в своем подходе был крайне осторожен и в выборе изначальной предпосылки. Свои взгляды на психологическую природу сновидений Юнг развивал на протяжении всей творческой жизни. В течение многих лет он самолично анализировал порядка 2000 снов ежегодно.

[1] C. G. Jung. Letters, 1957. vol. 2, p. 293.

Согласно Юнгу, сновидения представляют собой независимые, спонтанные проявления бессознательного; фрагменты непроизвольной психической активности достаточно осознаваемые, чтобы быть воспроизведенными в бодрствующем состоянии. Юнг определял сон как «спонтанное автопортретное исполнение в символической форме, изображение действительной ситуации, совершающейся в *бессознательном»* (CW 8, par. 505). Что касается связи сновидения с сознанием, то Юнг рассматривал ее как преимущественно компенсаторную.

В свое время Фрейд отметил, что сновидения есть «королевская дорога» к бессознательному. (Через семьдесят лет известный американский аналитик-постюнгианец Джеймс Хилман уточнит, что это «дорога с двусторонним движением»). В процессе толкования сновидений и Фрейд, и Юнг использовали прием ассоциации, но Юнг впоследствии варьировал свою практику в соответствии со своими открытиями в сфере комплекса, поскольку он рассматривал сновидения как комментарии личностных комплексов. К технике ассоциации он прибавил амплификацию из мифа, истории и другого культурного материала. Это позволило ему обеспечить более широкий контекст в интерпретации образной ткани сновидения и давало возможность изучать как скрытые, так и манифестные содержания.

Сон в аналитической психологии рассматривается как выражение текущих психических состояний, «дневной» психики, описанной символическим языком «самой» природы. Понимание сновидений в этом смысле становится мощным средством в росте сознания человека. Рассматривая сновидение вне рамок психофизиологической объяснительной модели, можно сказать, что оно есть символ. На современном языке мы могли бы добавить, что оно имеет сигнальную природу, свидетельствует о чем-то. В аналитической психологии понятие «символ» имеет дополнительное значение. Мы знаем, например, что слово или изображение что-то обозначают. Но они могут быть еще и символичны, если подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Символ не просто знак, выступающий как определенный известный смысл, который можно выразить другим образом. К пониманию символа можно попытаться приблизиться, используя метод анало-

гии, который позволяет вывести неизвестное значение к порогу восприятия, точке видимости смысла. В аналитической психологии расшифровка сновидения осуществляется путем так называемой амплификации. Амплификация дословно переводится как «расширение» и «распространение» и в нашем случае определяется как уточнение и прояснение отдельных образов сновидения с помощью прямых ассоциаций. Какие ассоциации вызывает у вас этот образ, с чем он у вас связан в жизни? — такой вопрос обычен в анализе. Метод постепенного приближения интерпретируемого символа к искомой смысловой точке представлен двумя аспектами: личностной и общей амплификацией. В личностной амплификации уточняются специфические для пациента наименования, знаки, образы, сновидения. Ассоциации являются спонтанными чувствами, мыслями или воспоминаниями, приходящими на ум по поводу каждого элемента сновидения. Более или менее полный набор таких ассоциаций обеспечивает личностный контекст и часто ведет к разгадке значимого смысла. Общая амплификация строится психотерапевтом на основе его собственного знания, и ее логика разворачивается в соответствии с мифологическими, фольклорными, религиозными, этническими и другими мотивами коллективного сознания. Общая амплификация обеспечивает коллективные архетипические ассоциации составляющими сновидение элементами и образами. Здесь в первую очередь требуется знание психотерапевтом коллективной и объективной психики. В случае если сновидение содержит архетипический образ или тему, аналитик демонстрирует это, представляя соответствующую образную структуру из мифологии, легенды, сказки или фольклора. Общая амплификация восстанавливает, собственно, коллективный контекст сновидения, дающий возможность взглянуть на сон как на явление, имеющее отношение не только к личной психологической проблеме, но также относящееся и к общей коллективной проблеме, свойственной целостному человеческому опыту. Архетипическая тема, вскрытая анализом, может отражать особенности переживаемого обществом исторического момента или содержать сведения, предсказывающие возможное будущее социального организма как целого. В процессе общей амплификации пациент знакомится с коллективной или объективной психикой и в то же время помогает своему эго отде-

литься от объективной психики. Пока индивид переживает свои проблемы, и в частности сны, как относящиеся только к его личной психике, он сохраняет свое эго отождествленным во многих чертах с объективной коллективной психикой и несет бремя коллективной вины и ответственности в отстраненном, обезличенном виде. В той степени, в какой коллективная вина и ответственность переживаются как личные, парализуется способность к совершению действий, эту вину и ответственность вызывающих. К примеру, охранник нацистских или сталинских лагерей, осознав личную ответственность за совершаемое им, уже не смог бы столь усердно нести свою службу. Но идентификация с психикой коллективной позволяет ему действовать в меру обязанностей и сил, не оставляя какого-либо психического осадка или напряжения.

В отличие от Фрейда, который, по мнению Юнга, относился к снам лишь как к некоей каузальности, Юнг — наряду с причинным фактором — считал сновидения психическими продуктами, которые можно рассматривать также и с позиции преднамеренности, определенного целеполагания. «Каузальность предполагает единообразие смыслов,—

писал Юнг,— однообразие толкования, она искушает человека, заставляет его приписывать символу фиксированное значение. В то же время телеологическая точка зрения постигает в образе сна выражение измененной психологической ситуации. Она не признает фиксированных значений символов» (CW 8, par.471). Как и Фрейд, Юнг считал, что сны порождаются психически обусловленной активностью бессознательного. Оба мыслителя отличались в своих толкованиях многих образов сновидения, но главная причина такого различия во взглядах коренилась в различных представлениях об устройстве бессознательного. Согласно Фрейду, все бессознательные содержания представляют материал вытеснения. Для Юнга же вытесненные содержания (восприятия, мысли, ценности, эмоции) составляют лишь часть бессознательных содержаний. Кроме вытесненного материала, писал Юнг, «в бессознательном находится и все психическое, ставшее подпороговым, включая и сублиминальные чувственные восприятия. Кроме того, мы знаем — не только по богатому опыту, но и благодаря теоретическим основаниям,— что бессознательное содержит в себе и такой материал, который еще не достиг порого-

вой отметки сознания. Имеются в виду зародыши будущих сознательных содержаний». *

Согласно Фрейду, значения снов замаскированы и скрыты под визуальной (по большей части) оболочкой манифестного содержания с целью предохранения физиологического процесса сна. Юнг рассматривал это положение как чрезмерно упрощенное. Он допускал, что сновидения— насколько они могут это делать — охраняют сон, как таковой, замечая при этом, что иногда сновидения способны и разбудить спящего.

Сновидения не являются преднамеренными или случайными выдумками — они представляют собой естественные явления, не претендующие на большее, чем они сами. Они не обманывают и не лгут, не маскируются под нечто другое и не искажают существующее, но наивно заявляют, что они есть и нечто значат. Они раздражают и сбивают с толку только потому, что мы не понимаем их. Они не прибегают ни к каким махинациям и проделкам, чтобы что-то скрыть, а информируют нас о своем содержимом со всей возможной в пределах их своеобразия ясностью. Мы также можем понять и то, что делает их столь странными и труд-ноуяснимыми: поскольку мы постигаем из опыта, что они неизменно ищут возможность выразить нечто, чего эго не знает и не понимает. Их неспособность к более ясному самовыражению соответствует неспособности или нерасположенности сознательного разума понять суть вопроса. *

Допуская, что в некоторых случаях сновидения выполняют функцию осуществления желаний и предохраняют сам сон от прерывания — положение, на котором строилась фрейдовская теория — или же обнаруживают инфантильное устремление к власти (Адлер), Юнг в большей степени фокусировался на их символическом содержании и их компенсаторной роли в саморегуляции психического. В символической форме сновидения изображают текущую ситуацию в психическом с точки зрения бессознательного.

«Так как значение большинства снов оказывается *не* в согласии с тенденциями сознательного разума, демонстрирует специфические отклонения, то мы должны допустить, что бессознательное,

* К. Г. Юнг. Психология бессознательного, с. 179. **CW 17,par.189;К. Г. Юнг. Конфликты детской души, М., 1995, с. 115—116.

матрица сновидений, выполняет независимую функцию. Это то, что я называю автономностью бессознательного. Сновидение не только не подчиняется нашему желанию, но очень часто встает в возмутительную оппозицию к нашим сознательным намерениям. Эта оппозиция не всегда заметна — иногда сновидение лишь немного отклоняется от сознательной установки и включает незначительные изменения — случайно оно может даже совпасть с сознательными тенденциями и намерениями. Когда я попытался выразить такое поведение в формуле, единственно адекватным показалось мне понятие *компенсации,* так как оно одно способно объединить все многочисленные способы поведения сна. Компенсацию необходимо отличать от *комплементации {дополнительности).* Понятие дополнительности слишком узко и ограничено — его недостаточно для объяснения функции сновидений, потому что оно обозначает отношение, в котором две вещи дополняют одна другую более или менее механически. Компенсация, со своей стороны, что подразумевает сам термин, означает уравновешение и сравнение различных данных или точек зрения так, чтобы произвести уточнение или исправление.» (CW 8, par. 545).

Сновидения обнаруживают те аспекты человека, которые обычно не осознаются, они раскрывают бессознательные мотивации, действующие во взаимоотношениях и представляют новые точки зрения в конфликтных ситуациях.

«В этом отношении существуют три возможности. Если сознательная установка к жизненной ситуации в большей степени оказывается односторонней, то сновидение принимает противо-полжную сторону. Если сознание занимает позицию близкую к «середине», сновидение удовлетворяется вариациями. Если сознательная установка «правильная» (адекватная), то и сновидение совпадает с ней и подчеркивает эту тенденцию, хотя и не лишаясь своей специфической автономии. Поскольку никто не может знать с уверенностью, как пациент сознательно оценивает ту или иную ситуацию, толкование сновидений, естественно, невозможно без опроса сновидца. Но даже, если мы и знаем сознательную ситуацию, мы не знаем ничего об установке бессознательного. Так как бессознательное является формой или матрицей не только сновидений, но и психогенных симптомов, то вопрос об установке

бессознательного составляет огромную практическую важность.» (там же, par. 546).

Юнг рассматривал манифестное содержание сна — фрейдовскую «маску» или «зримый фасад» сновидения — лишь как частный случай и шаг к тому, что «сновидение часто говорит о сексуальности, но не всегда имеет ее в виду — часто говорит об отце, но, в действительности, подразумевает самого сновидца». И далее:

«...если наши сновидения воспроизводят определенные идеи, то эти идеи являются, прежде всего, *нашими* идеями, в структуре которых разворачивается наше целостное бытие. Они выступают как субъективные факторы, группируясь точно также, как и в сновидении, и выражая это или то значение не по внешним причинам, а по глубоко интимным подсказкам своего психического. Вся сно-видческая работа, в сущности, субъективна, и сновидение есть театр, в котором сновидец оказывается сценой, актером, суфлером, режиссером, автором, публикой и критиком. Эта простая истина образует основу для понимания смысла сновидения, которое я назвал *толкованием на субъективном*

уровне. Такое толкование рассматривает все персонажи сновидения, как персонифицированные черты собственной личности сновидца». (CW 8, par. 509).

Язык сновидений

Язык снов, согласно Юнгу, сложен и переменчив, и не уступает в этом отношении языку сознания. Языковые составляющие представляют из себя, по большей части, невербальные образы, варьирующие по степени сложности и живости, яркости гораздо шире и более драматично, чем соответствующие элементы в бодрствующем переживании. На сравнительно простом уровне фигуративный язык сна очень напоминает разнообразные — от номинативных до метафор — фигуры речи. Скажем, образ свиньи в сновидении может обозначать хамство, а льва — царь зверей — символизировать силу; сновидческая сцена перехода через мост может служить метафорой принятия важного решения изменения чего-либо и т. д. Языковым элементом сна может выступать цвет:

его наличие или, наоборот, отсутствие, интенсивность, разновидность тонов и оттенков и др. Невозможные образы — физически непредставимые и фантастические — также составляют элементный язык сновидений.

Частью языка сна следует считать и преувеличение. Сюда относятся образы обычных объектов или людей, которые выступают во сне в причудливом или угрожающем виде, а реальные жизненные ситуации предстают в чрезвычайно измененных пропорциях или, напротив, отличаются в деталях от действительных ситуаций. Вышеприведенный сон юного Юнга с образом одноглазого фаллоса ряд постюнгианских аналитиков трактует вне какой-либо связи с сексуальностью, а в духе компенсаторного иконоборчества — образ языческого символа — сына пресвитерианского пастора.

К языковым символам сна нужно отнести фигуры сказочных животных, а также современные объекты,— «модернизаторы». Так, аэроплан может символизировать орла, автомобиль или железнодорожный поезд оказывается равнозначным дракону, а лекарственная инъекция — мифологическому укусу змеи.

Отдельная тема, требующая особого разбирательства — сновидения людей, слепых от рождения.

Механизмы сновидений

Хотя Юнг и утверждал, что «сон следует не вполне понятным законам или привычным формам поведения» (CW 8, par.535), он тем не менее признавал, что существуют механизмы, помогающие строить язык сновидения. Фрейд в своей теории выделял четыре механизма: цензуру, сгущение (конденсация), смещение и символизацию. У Юнга таких механизмов шесть: контаминация, конденсация, дублирование или мультипликация, драматизация и архаические механизмы.*

«Контаминация» — это связывание друг с другом очевидно не связанных предметов, событий, идей цепью ассоциаций, действующих в режиме ослабления сознательных ограничителей

* Цит. по: Mattoon M. A. Understanding dreams. 1978, p. 39-40.

в период физиологического сна. Юнг приводит пример со столом. «Скатерть, например, имеет к нему непосредственное отношение, но Юлий Цезарь — весьма отдаленное; но если мы находимся в контексте этой связи, то есть знаем о ней, то следствие наступает незамедлительно».

«Конденсация» — это более строгая форма контаминации; она не только связывает, но комбинирует в разных отношениях несвязанные идеи, события и объекты. Женщина, знакомая сновидцу лишь постольку, поскольку он каждый день видит ее проходящей мимо его дома, может появиться во сне, одетой в платье, принадлежащее сестре сновидца.

«Дублирование или мультипликация» — противоположно конденсации. Один и тот же образ может повторяться или же возникать в сдвоенной (близнецовой) форме с «целью» подчеркнуть его значимость или возможную завершенность в динамике содержательности образа, проступающего из бессознательного. Идентичные образы могут свидетельствовать и о дуальности,— противоположности позитивного и негативного.

«Конкретизация» — использование фигурального пластического языка, включая представление комплексов в персонифицированной форме.

«Драматизация» — выражение содержания в форме драматического повествования. Многие сновидения имеют классическую структуру драмы. В них присутствует *экспозиция* (место, время и персонажи), которые демонстрируют изначальную ситуацию сновидца. Далее наличествует *развитие* фабулы, сюжета (имеет место действие). На третьей фазе возникает *кульминация* (происходит решающее событие). Заключительный этап — *лизис* — происходит как результат или разрешение случившегося действия.

«Архаические механизмы» переводят бессознательные содержания в архетипические формы.

Словарь юнгианских терминов

Анима (лат «душа») — бессознательная, женская сторона личности мужчины. Она персонифицируется в сновидениях образами женщин, варьируя от проститутки и совратительницы до духовного проводника (Мудрости). Анима являет принцип Эроса, так как развитие анимы у мужчины отражено в том, как он относится к женщинам. Идентификация с анимой проявляется как переменчивость в настроении, утрата мужественности («обабивание») и сверхчувствительность.

Анимус (лат. «дух») — бессознательная, мужская сторона личности женщины. Анимус персонифицирован в принципе Логоса. Идентификация с анимусом делает женщину жесткой, самоуверенной и любящей спорить. В положительном смысле анимус есть внутренний мужчина, который действует, как мост между женским эго и ее собственными творческими источниками в бессознательном.

Архетипы — непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели) или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. У индивида архетипы появляются в сновидениях и грезах.

Ассоциация — спонтанный поток взаимосвязанных мыслей и образов, вращающихся вокруг специфической идеи, определяемой бессознательными связями.

Индивидуация — сознательная реализация человеком своей единственной в своем роде психической реальности, включающей как сильные стороны, так и личностные ограничения. Индивидуация ведет к переживанию Самости как регулирующего центра психического.

Инфляция — состояние, в котором человек испытывает любое нереальное — либо слишком высокое, либо слишком низкое (негативная инфляция) — чувство своей идентичности. Оно указывает на регрессию сознания в бессознательное, что случается, как правило, когда эго берет на себя слишком много бессознательных содержаний и утрачивает способность к их различению.

Интуиция — одна из четырех психических функций. Это иррациональная функция, информирующая нас о возможностях, которые несет в себе настоящее. В противоположность ощущению (функции, которая воспринимает непосредственную реальность при помощи физических ощущений) интуиция достигается за счет бессознательного, то есть вспышки озарения, инсайта неизвестного происхождения.

Кватерность (Четверичность) — один из архетипов, выделенных Юнгом. Образует логическую основу для любого сколь-нибудь целостного суждения, сведенную к четырехкратности. К примеру, четыре времени года, четыре части света и т.п.

Комплекс — по определению самого Юнга, «комплексы суть психические фрагменты, выделившиеся в отдельные констелляции образов и идей в результате психических травм или каких-либо конфликтов, одновременно несовместимых друг с другом тенденций». Комлексы влияют на поведение человека и, как правило, сопровождаются известным аффектом вне зависимости от того, сознает ли их присутствие в себе человек или нет. Наличие комплексов у человека — явление вполне естественное, и сами по себе комплексы являются необходимыми составляющими психической жизни.

Констелляция — всякий раз образующаяся сильная эмоциональная реакция на какое-либо лицо или ситуацию, в которой активирован (образован, сконстеллирован) комплекс.

Мина — меланезийское слово для обозначения сверхобыденной силы, исходящей из человеческого бытия, либо из другого объекта (в частности, духов). Обозначает также здоровье, престиж, способность совершать волшебство и исцелять.

Мистическое соучастие (Проективная идентификация) — представляет собой вид психологической защиты, в особенности, в детском возрасте, но встречается также и во взрослой патологии. Юнг впервые использовал этот термин, заимствовав его у антрополога Леви-Брюля, для обозначения таких отношений между субъектами, при которых один человек стремится добиться влияния на другого. В повседневной жизни мистическое соучастие может проявляться в ситуации, когда, скажем, два человека могут предвосхищать желания друг друга, заканчивать начатую другим мысль и т.п.

Мышление — умственный процесс интерпретации того, что воспринято. В типологической модели Юнга, мышление представляет одну из четырех базовых функций, используемых для психологической ориентации.

Ощущение — психологическая функция, постигающая непосредственную реальность с помощью органов чувств.

Паттерн — функциональная единица, состоящая из различимых частей, но действующая как единое целое. Термин, заимствованный из общей психологии.

Перенос и Контрперенос — частные случаи проекции, обычно используемые для описания бессознательных эмоциональных связей, возникающих между двумя участниками аналитического или терапевтического взаимоотношения.

Персона (лат. «актерская маска») — социальная роль человека, проистекающая из общественных ожиданий и обучения в раннем возрасте. Сильное эго соотносится с внешним миром с помощью гибкой подвижной персоны; идентификация с отдельной персоной (доктор, ученый, артист и так далее) препятствует психологическом развитию.

Проекция — процесс, с помощью которого какое-либо бессознательное качество или характеристика, свойственные данному лицу, постигаются им и находят у него соответствующую реакцию во внешнем объекте(ах) или другом человеке (людях).

Пуэлла этерна (лат. «вечная девочка») — обозначает определенный тип женщины, остающейся слишком долго в подростковой, девической психологии, обычно ассоциируется с сильной бессознательной привязанностью к отцу. Ее мужской двойник — Пуэр этернус («вечный мальчик») с соответствующей привязанностью к матери.

Самость — архетип целостности и регулирующий центр личности. Юнг пишет о Самости, что она «включает не только сознательное, но и бессознательное психическое бытие... Самость является центром суммативной личности, подобно тому, как эго есть центр сознательного разума... Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение той роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью». Самость переживается как трансличностная сила, превосходящая эго, например Бог.

Символ — наилучшее возможное выражение чего-то существенно неизвестного. Символическое мышление нелинейно, правополушарно; оно взаимодополняет логическое, линейное левополушарное мышление.

Тень — обозначает бессознательную противоположность того, что индивид настойчиво утверждает в своем сознании; сумма всех личностных психических элементов в силу несовместимости с избранным сознательным отношением их носителя, не допущенная к жизненному проявлению. Тень всегда выступает компенсаторно по отношению к сознанию, следовательно, ее эффект может быть как негативным, так и позитивным.

Трансцендентная функция — примиряющее «третье», возникающее из бессознательного (в форме какого-либо символа или нового отношения) после того, как конфликтующие противоположности сознательно дифференцировались, и между ними установилось напряжение.

Трикстер (обманщик, хитрец, плут) — карнавальная и мифологическая фигура, составляющая, согласно Юнгу, внутренний психический опыт, во многом эквивалентный Тени.

Уроборус — мифический змей или дракон, поедающий собственный хвост. Это символ как индивидуации в

форме самодостаточного циркулирующего процесса, так и нарцистической самопоглощенности.

Чувство — одно из четырех психических функций. Это рациональная функция, оценивающая значимость взаимоотношений и ситуаций. Следует отличать чувство от эмоции, соответствующей активированному комплексу.

Эго — центральный комплекс в области сознания. Сильное эго может объективно связываться с активированными содержаниями бессознательного (то есть другими комплексами), а не просто идентифицироваться с ними, что происходит в состоянии одержимости.

Экстраверт/интроверт — типы личностной ориентации. Экстраверту присуще обращение интересов вовне, в окружающий его социальный и природный мир, к другим людям, в то время как интроверт в большей мере поглощен внутренними заботами, мыслями и чувствами собственного «Я».

Оглавление

Серия «Библиотека аналитической психологии» Редактор серии В. В. Зеленский

Джеймс Альберт Холл

Юнгианское толкование сновидений Практическое руководство

Подготовка издания ТОО «Б.С.К.» Лицензия ЛР № 063995, выдана 01.03.1995 г.

Подписано в печать 04.06.96 г. Формат 60х 100 1/20. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,4. Учетно-изд. л. 8,0. Тираж 2000 экз.

Зак. № 6.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической
фирмы «Б.С.К.» г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 25.